

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (36)
2010

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета
серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар М.С. Сташкевіч (Мінск)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

ЗМЕСТ

СТАРОВОЙТОВ М.И. Изменения в численности и составе городского населения белорусско-российско-украинского пограничья (1920 – 1930-е гг.)	4
СИДОРЕНКО Б.И., ДМИТРАЧКОВ П.Ф. Современная российская историография “русско-литовских” войн конца XV – первой трети XVI в.	15
УСЦІНОВІЧ Ю.Ф. Утрыманне дзяржаўных замкаў у ВКЛ у другой палове XVI ст.	20
ГАВРИЛОВЕЦ Л.В. Советская историография по германскому вопросу в политике Польши 50 – 70-х гг. XX в.	24
ТАБУНОВ В.В. Позиция епископата белорусских земель по вопросу о необходимости созыва Поместного собора в начале XX в.	30
СТАРОСТЕНКО В.В. Религия и образование в Республике Беларусь в контексте национального законодательства о свободе совести	32
ВОСОВИЧ С.М. Трансформация епархиального управления Русской православной церкви в Беларуси в 1860-х гг. – начале XX в.	41
КОТЕНКО Е.В. Репрезентация концепта “ложь/обман” в юридическом дискурсе	45
ШТЕЙНЕР И.Ф. Прошлое меняется под воздействием современного: древнебелорусская художественная традиция в интерпретации А. Рязанова	51
КАНАВАЛАВА І.С. Прадметна-тэматычная класіфікацыя беларускіх аптыпрыказак	60
БЛИЩ Н.Л. М.А. Кузмин в металитературных рефлексиях А.М. Ремизова	66
ГУРТОВАЯ Е.А. Фотожурналистика в контексте гуманитарной линии философии техники	72
ГАЎРЫЛОВІЧ В.Г. Фразеалагізмы з кампанентам <i>свіння</i> ў беларускай, рускай і англійскай мовах: параўнальна-супастаўляльны апаліз	77
ПОВАРИЧ П.П. Особенности отражения проблемы личности и общества в дискурсе зарубежных журналов современной культуры	82
КРОХМАЛЬНИК А.Ю. Языковое выражение визуального ответа в художественных текстах	87
КОРШАК М.А., СТРАЛЕЦ М.В. Партрэт павукоўца і педагога (да 70-годдзя з дня нараджэння Алены Генадзьеўны Калечыц)	92

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 947.6“1920 – 1930”:323.1...

М.И. СТАРОВОЙТОВ

ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО- РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (1920 – 1930-е гг.)

Впервые в отечественной историографии в статье показана динамика численности городского населения белорусско-российско-украинского пограничья, его национальный состав, уровень грамотности и образования, национальный состав занятых в производственной и непроизводственной сферах экономики. Большой архивный статистический материал, значительная часть которого вводится в научный оборот впервые, систематизирован и сгруппирован в таблицы, а сделанные автором выводы позволяют по-новому увидеть этносоциокультурные процессы в составе городского населения исследуемого региона и, прежде всего, в БССР.

Введение

Белорусские, российские и украинские историки в последние годы стали проявлять определенный интерес к проблемам белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП), что показала Международная конференция в Брянске в сентябре 2008 г. [1]. На необходимость региональных исследований обращает внимание автор ряда монографий, известный специалист по проблемам урбанизации России А.С. Сенявский [2, с. 222, 226]. Аргументировано доказав, что российская урбанизация XX в. не являлась предметом специального комплексного исторического исследования, он пишет: “Более того, образовавшийся “вакуум” в исследовании места урбанизации и роли города в историческом процессе в последнее время пытаются заполнить преимущественно неисторики (культурологи, социологи, даже экономисты и др.)” [3, с. 8]. О том, что практически не исследовался процесс урбанизации Украины, в т.ч. и в рассматриваемый нами период, отмечает П.И. Пустоход [4]. Это можно отнести и к белорусской историографии, что делает обозначенную нами проблему наиболее актуальной и перспективной для историков. Вместе с тем следует отметить, что на белорусском материале рассматривались некоторые аспекты количественной характеристики городского населения, проблемы урбанизации экономистом А.А. Раковым [5-6], этнографом Г.И. Касперович [7], географами С.А. Польских [8] и К.К. Красовским [9], филологом А.М. Мезенко [10] и др. Предпринятый нами сравнительный анализ динамики численности, национального состава и уровня грамотности на новом фактическом материале позволит дать более адекватную этнокультурную характеристику городскому населению этого региона и, прежде всего, его белорусской части, что является целью данной статьи (таблицы составлены и % подсчитаны автором). Следует отметить, что изучение различных аспектов жизнедеятельности населения России XX в. связано с трудностями, обусловленными частыми изменениями территории, административного деления, границ многочисленных регионов [11, с. 4]. Особенно это касается БРУП.

Основная часть

По данным переписи 1920 г., численность городского населения в регионе была следующей: в Витебской губернии она составляла 207717 чел., или 15,2% от всего населения; в Гомельской, соответственно, – 410491 чел. (17,3%); в БССР (по данным переписи 1923 г., т.к. в 1920 г. перепись не проводилась) – 193227 чел. (12,3%); в Брянской – 121673 чел. (12,4%); в Псковской – 105421 чел. (8,5%); в Смоленской – 185250 чел. (9,2%); в Киевской (в Волынской перепись не проводилась) – 898735 чел. (25,0%), в Черниговской губернии – 262254 чел. (около 14%) [12, с. 133-135; 146-147; 186-188; 198-199; 220-225].

В 1920-е гг. нэп коренных изменений в структуру экономики БРУП не внесла. Это был в большей степени аграрный, отсталый регион, т.к. его индустриальное развитие оставалось очень низким, что подтверждают официальные источники. Слабое развитие промышленности в БССР, преобладание сельского хозяйства и населения (около 84%) свидетельствовали о ее хозяйственной отсталости [13, с. XIII-XIV]. В Западной области в 1929 г. из 6700000 чел. населения 9% было горожан, а в промышленности насчитывалось 70 000 рабочих, 60% которых имели связь с землей [14, с. 23, 24]. Экономически наиболее отсталой в начале 1930-х гг. была Черниговская область. По степени урбанизации она занимала предпоследнее место в УССР с 11,3% городского населения, что было вдвое меньше общеукраинского показателя [15, с. 290, 291].

С середины 1920-х и до конца 1930-х гг. разные темпы развития промышленности как основы урбанизации в составляющих БРУП сказались на показателях роста численности и удельного веса городского населения. На урбанизацию региона повлияли также миграция горожан за пределы БРУП и достаточно высокая смертность, сдерживавшая естественный прирост городского населения, приписки численности, искусственный перевод сел и местечек в городские поселения и другие причины. Как видно из таблицы 1 [Составлена по: 16, л. 1; 17, л. 1; 18, л. 1; 19, л. 1; 20, л. 1; 21, л. 1; 22, л. 1; 23, л. 1; 24, л. 1], в городах БРУП в 1939 г. в среднем проживало всего 22% населения, т.е. на 7% больше, чем в 1926 г.

Таблица 1

Динамика численности городского населения БРУП 1939 г. к 1926 г.

Области	1926 г.		1939 г.		к 1926 г.		Городское население (%)			
	Абс.	%*	Абс.	%*	Абс.	%	1926 г.		1939 г.	
							Всего	Жен.**	Всего	Жен.**
Витебская	219009	64,6	343811	63,7	124802	157,0	17,4	49,1	26,8	52,5
Гомельская	156523	63,4	253365	64,9	96842	161,9	20,0	51,2	27,9	51,1
Могилевская	188813	65,0	316427	65,0	127614	167,6	15,1	47,3	22,6	50,9
Полеская	55436	65,4	75241	66,3	19805	135,7	9,4	52,1	11,2	50,8
Орловская	473937	61,7	692676	64,7	218739	146,2	12,8	50,9	19,6	52,1
Смоленская	270466	61,3	448044	62,3	177578	165,7	9,0	51,2	16,7	53,2
Житомирская	285739	61,7	346793	64,6	61054	121,4	16,2	49,9	20,5	54,2
Киевская	852135	57,1	1241420	60,1	389285	145,7	23,6	51,7	34,9	53,3
Черниговская	226066	58,4	282274	59,5	56208	124,9	12,3	52,7	15,8	53,5
По БРУП	2728124	62,1	4000051	63,5	1271927	146,6	15,1	50,8	21,8	52,4

Примечание: *) – население в возрасте до 29 лет; **) – женщин в составе горожан.

Начало выхода из традиционного общества, по методике А.С. Сеньявского, определяется удельным весом горожан в составе всего населения в 10-12%, а затем

начинается урбанизационный переход к городскому обществу, который, по его мнению, занял весь советский период [2, с. 219, 225]. По нашим подсчетам, уровень в 10-12% в среднем по БРУП был достигнут к 1914 г., а затем частично к 1923 и 1926 гг., когда в среднем по БРУП он составил около 14% при 9,0-9,4% в Полесской и Смоленской областях и 12,3% – в Черниговской (см. таблицу 1). В 1939 г. ниже среднего показателя имели пять областей, в числе которых были Полесская – 11,2%, Черниговская – 15,8 и Смоленская – 16,7%. Так, бурное индустриальное развитие УССР, в основном в 1930-е гг., привело к резкому перераспределению городского населения по областям. В 1930 г. в четырех областях оно составило от 53% до 78% всего населения [4, с. 80]. Как видно из таблицы 1, области украинской составляющей БРУП в их число не входили. Следовательно, есть основания считать, что рассматриваемый нами регион в целом находился в начальной стадии урбанизационного перехода.

На наш взгляд, в белорусские города был значительный приток за счет сельского населения (внутренняя миграция), о чем свидетельствует более высокий удельный вес горожан до 29 лет. В российских и украинских составляющих БРУП более высокий процент женщин в городском населении позволяет говорить о значительном оттоке мужчин в другие города и промышленные центры страны. По этому показателю сюда следует отнести и Витебскую область.

С середины 1920-х гг. в силу объективных и субъективных причин по инициативе советских органов и населения менялся статус городских и сельских поселений, особенно после переписи 1937 г. В.Б. Жиромская указывает, что существует сложность в установлении численности населения городов и сел регионов, областей, автономий в связи с приписками численности населения из-за последствий голода, перераспределением спецконтингента и военнослужащих, проведением в республиках по указанию из Москвы широкомасштабной кампании “по пересмотру статуса рабочих поселков и сел и превращении их в города”. Это и привело, по ее подсчетам, к необоснованному завышению городского населения СССР в 1939 г. на 14% от всех граждан [25, с. 11, 51, 65-66]. Несомненно, это касается и БРУП. Нам удалось (правда, только по БССР) выявить следующее. После переписи 6 января 1937 г., которая не подтвердила предполагаемого роста численности городского населения и другие ожидаемые показатели и была засекречена, ЦУНХУ СССР были разработаны новые критерии городских поселений. К городским поселениям были отнесены города и рабочие поселки, определенные постановлениями ЦИК союзных республик; поселки при фабриках, заводах, рудниках, железнодорожных станциях, морских и речных пристанях, если в них проживало не менее пятисот человек и не менее половины их активносамодельных (так в документе. – М.С.) жителей было занято вне сельского хозяйства; дачные и курортные поселки, при таких же условиях, но принимая во внимание их население зимой; промышленные села и местечки с не менее чем с 2000 чел. и не менее половины их активносамодельных жителей было занято вне сельского хозяйства [26, с. 3-4]

После постановления ЦУНХУ в 1937 г. в БССР было ликвидировано 34 местечка, которые постановлением ЦИК и СНК БССР от 5 июля 1935 г. “Об утверждении списка городов, рабочих поселков и местечек БССР” были отнесены к городским поселениям. По новым критериям городских поселений у них было менее 50% активносамодельного населения, занятого несельскохозяйственным трудом. В сентябре 1938 г., т.е. незадолго до переписи 1939 г., 15 местечек из 34 получили вновь статус городских поселений [8, с. 120]. Нами

предпринята попытка установить реальную численность городского населения БССР. Завышение составило примерно 160 тыс. чел., или 2,9%. Следовательно, удельный вес горожан в 1939 г. был не 24,7, а 21,8% [27, с. 177]. На наш взгляд, сложная проблема динамики численности городского и сельского населения как взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс в БРУП 1920 – 1930-х гг. требует специального кропотливого исследования.

После военных и революционных событий изменилась не только численность городского населения, но и его национальный состав. По данным переписи 1920 г. (по ней указана и последовательность национальностей), в составляющих БРУП, где она проводилась, национальный состав городского населения был следующим: в Витебской губернии русские составляли 29,1%, украинцы – 0,2, белорусы – 17,8, поляки – 2,6, евреи – 47,8 и прочие – 2,5; в Гомельской – 45,0; 2,5; 12,1; 1,3; 38,3 и 0,8 соответственно; в БССР, по данным переписи 1923 г., – 7,7; 1,8; 37,7; 3,3; 47,4 и 2,1; в Брянской – 90,6; 0,9; 1,6; 1,5; 4,3 и 1,1; в Псковской – 87,3; 0,1; 0,4; 2,3; 6,3 и 3,6 соответственно; в Смоленской – 76,5; 0,1; 2,2; 2,0; 17,3 и 1,9% [12, с. 134-135, 146-147, 186-187, 198-199, 220]. Очевиден небольшой удельный вес белорусов среди горожан в белорусской части и незначительный в российской части БРУП. В Киевской губернии (в Волынской перепись не проводилась) русских было 22,5%, украинцев – 33,7; поляков – 2,9; евреев – 34,4 и прочих – 6,5; в Черниговской – 20,9; 59,3; 0,6; 17,9 и 1,3% соответственно [28, с. 1, 2, 37, 39, 45, 47]. Из-за небольшого количества белорусы включены в материалах переписи по этим украинским губерниям в “прочие”. Это свидетельствует о более высоком уровне миграции белорусов в дореволюционный период в крупные промышленные центры России и Украины, а не в соседние аграрные губернии. В большей степени в городах пограничья белорусы и украинцы обосновывались за пределами своих этнических территорий по семейно-бытовым причинам, а русские – как чиновники, рабочие и специалисты, поэтому они и составляли высокий процент среди горожан. Национальный состав губернских центров тому подтверждение. В 1920 г. в Витебске проживало 80 004 чел. горожан, из них русские составляли 33,8%, украинцы – 0,3, белорусы – 12,1, поляки – 4,0, евреи – 45,2 и прочие – 4,6; в Гомеле – 61186 чел., 41,7%, 0,2; 1,6; 2,5; 48,2 и 5,8 соответственно; в Минске (1923 г.) – 110926 чел., 7,3%, 1,5; 40,8; 4,2; 43,6 и 2,6; в Брянске – 16887 чел., 84,8%, 1,0; 0,8; 2,3; 9,4 и 1,7; в Пскове – 30934 чел., 83,5%, 0,1; 0,3; 2,9; 4,2 и 9,1; в Смоленске – 57224 чел., 77,5%, 0,2; 1,7; 2,5; 15,4 и 2,7; в Киеве – 46,6%, 14,3; 0,3; 3,8; 32,0 и 3,0; в Чернигове – 29995 чел., 33,2%, 30,5; 0,3; 1,0; 34,2% [12, с. 134-135, 146-147, 186-187, 198-199, 220, 224-225].

Как и в 1920-е, так и в конце 1930-х гг., городское население региона оставалось полиэтничным (таковым принято считать государство, территорию, регион, город или село, если национальные меньшинства в нем составляют более 5% жителей). Однако степень полиэтничности сильно различалась по областным городам, что хорошо видно из таблицы 2. Нам удалось выявить следующие тенденции: 1) абсолютная численность и удельный вес титульных этносов увеличились в городах своих этнических территорий в основном за счет значительного притока сельского населения; 2) недостаточный рост русских в белорусских и украинских городах снизил их удельный вес в составе населения, кроме Минска; 3) значительный приток украинцев в белорусские и российские города (участие в строительстве Гомсельмаша, стеклозавода под Гомелем, уход от голодной коллективизации и др.) увеличил их абсолютную и относительную численность; 4) относительная числен-

ность поляков, кроме Мозыря и Житомира, уменьшилась; 5) кроме Смоленска и Житомира, наблюдался рост численности евреев, особенно в Минске и Киеве, хотя удельный вес их снизился во всех рассматриваемых городах. Высокий уровень грамотности и образования давал значительные преимущества в выборе профессии, в получении различных должностей. Очевидно, это было одной из главных причин интенсивной миграции еврейской молодежи в крупные города страны. Так, исследователь из Иерусалима В. Константинов отмечает, что из Украины и Беларуси еврейская молодежь (в основном мужчины) в 1920-е гг. выехала в Москву и Ленинград, а в 1930-е гг. отток большей части евреев из этих республик продолжался уже в целом в РСФСР [29, с. 12-13]. На массовую миграцию евреев за пределы республики в 1920 – 1930 гг., “преимущественно в Центральные районы СССР”, указывает и белорусский исследователь В.Ф. Батяев [30, с. 59]. Анализ данных Всесоюзного переселенческого комитета при СНК СССР о движении евреев-переселенцев в Крымскую АССР за период с 1923 по 1933 г. показал, что их переселение было небольшим, т.к. значительная часть уезжала обратно. В конце 1933 г. в 10 районах КрымАССР осталось всего 22587 евреев-переселенцев [31, лл. 49-51]. Следовательно, евреи переселялись в крупные города страны и союзных республик.

По методу типологизации этнической структуры населения, применяемому в деятельности ООН, как БССР, РСФСР, УССР, так и республиканские составляющие исследуемого нами пограничья относились к первому типу – однополюсная структура, т.е. явное численное преобладание одной этнической группы – белорусов, русских, украинцев. По областным городам эта классификация была следующей (см. таблицу 2): Брянск и Смоленск относились к первой группе, к которой в 1939 г. наметился переход Чернигова и Могилева; Минск, Гомель, Витебск, Мозырь, Житомир и Киев – ко второму типу – двухполюсная, или биполярная, структура, т.к. две основные этнические группы (белорусы и евреи, украинцы и евреи) охватывают более 60% населения. В 1926 г. Витебск с тремя большими этническими группами (евреи, белорусы и русские), Гомель (евреи, русские и белорусы) и Киев (украинцы, евреи и русские) относились к третьей группе с трехполюсной этнической структурой.

Таблица 2

Национальный состав городского населения БРУП в 1939 г. (в %)

Области и центры	Национальности							Всего
	Русские	Украинцы	Белорусы	Поляки	Немцы	Евреи	Прочие	
Витебская	15,31	1,98	59,90	1,19	0,15	20,05	1,42	100
г. Витебск	17,22	1,86	55,34	1,56	прочие	22,17	2,03	100
Гомельская	15,04	5,70	52,84	0,84	0,11	24,53	0,94	100
г. Гомель	18,03	6,80	43,87	прочие	прочие	29,38	1,92	100
Могилевская	12,72	3,38	59,33	1,52	0,12	21,95	0,98	100
г. Могилев	12,57	3,46	61,33	1,27	прочие	19,83	1,54	100
Полесская	6,50	2,87	56,17	1,60	0,18	32,07	0,61	100
г. Мозырь	9,56	3,44	47,77	2,20	прочие	36,09	0,94	100
Орловская	91,02	2,09	1,13	0,21	0,15	4,71	0,69	100
г. Орел	92,99	2,03	прочие	прочие	прочие	2,84	2,14	100
Смоленская	88,83	1,60	2,17	0,45	0,12	5,79	1,04	100
г. Смоленск	83,45	1,57	3,35	прочие	прочие	9,44	2,19	100
Житомирская	7,95	52,95	0,50	7,32	1,34	29,09	0,85	100
г. Житомир	10,53	47,81	прочие	7,86	1,58	30,56	1,66	100
Киевская	13,32	60,38	0,94	1,46	0,28	22,71	0,91	100
г. Киев	16,47	53,21	прочие	1,39	прочие	26,48	2,44	100
Черниговская	8,27	79,46	0,94	0,28	0,10	10,30	0,65	100
г. Чернигов	8,94	70,78	прочие	прочие	прочие	17,79	2,49	100

В период с 1926 по 1939 г. в связи с индустриализацией и урбанизацией, миграционными процессами численность городского населения в рассматриваемом пограничье увеличилась более чем в 1,5 раза. О том, что между переписями произошел механический прирост городского населения, можно подтвердить данными в целом по СССР (других данных пока не выявлено). В строго секретном письме (всего 5 экз.) председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского и начальника ЦУНХУ Госплана И.И. Саутина от 21 марта 1939 г. И.В. Сталину и В.М. Молотову "О переписи населения 1939 г." указано, что при сильном увеличении городского населения в промышленных центрах УССР, Москве и Ленинграде его численность по стране выросла на 32189 тыс. чел. Естественный прирост составил 16,6%, (% подсчитаны нами. – М.С.), за счет преобразования сел в города и образование новых городов – 30,3% и притока из деревни в связи с промышленным строительством – 53,1% [32, л. 38, 42]. Учитывая достаточно высокую рождаемость и высокую смертность в городах, можно предположить, что и в БРУП рост городского населения происходил за счет механического прироста, особенно в российской составляющей пограничья. Так, по нашим подсчетам, в 1936 – 1938 гг. в городах Орловской и Смоленской областей родилось 105797 чел., а умерло 51318 чел., в БССР в 1936 – 1937 гг. (данных по областям выявить не удалось) – 79719 чел. и 28438 чел. соответственно, в Житомирской, Киевской и Черниговской областях в 1937 – 1938 гг. – 76236 чел. и 27988 чел. [32, л. 24-26, 32, 34]. Высокой оставалась детская смертность до года. По данным Лиги Наций, коэффициент детской смертности в СССР в 1937 г. составил 161,3 на 1000 чел. родившихся, что примерно в 2-4 раза превышало показатели развитых стран Европы и США [32, л. 125].

Как и в 1920-е, так и в конце 1930-х гг. городское население региона оставалось полиэтничным. Из таблицы 2 видно [Составлена по: 16, лл.6, 45; 17, лл.6, 43; 18, лл. 6, 45; 19, лл. 6, 42; 20, лл. 6, 46; 21, лл. 6, 48; 22, лл. 6, 40; 23, лл. 6, 40; 24, лл. 8, 44], что очень высокий удельный вес представителей других национальностей по сравнению с титульным этносом оставался в белорусских (средний показатель – 45,4%) и украинских (39,2%) областях пограничья. По данным переписи 1939 г., в городах Витебской области проживало 343811 чел. (26,8% всего населения), в Калининской – 704684 (21,9%) и в Черниговской – 282274 чел. (15,8%). В этих областях (см. таблицу) самые высокие показатели по титульным этносам среди горожан пограничья. По удельному весу белорусов среди населения Витебская область была на первом месте в республике, а по горожанам – на втором. В целом по БССР горожане составляли 24,7%. Из 1375117 чел. городского населения белорусы составляли 56,8%, евреи – 24,0, русские – 13,3, украинцы – 3,2, поляки – 1,3 и прочие – 1,4%. В Минске, Гомеле, Витебске, Могилеве, Мозыре титульный этнос составлял 51,9%, 43,9, 55,4, 61,3 и 47,8% соответственно [33, л. 3, 8].

Степень урбанизации отдельных этносов (по А. Каппелеру, в % к общей численности этнической группы) в Витебской области в 1939 г. была следующей: в городах проживало 89,3 евреев, 52,1 – русских, 43,6 – украинцев, 35,5 – поляков, 38,1 – прочих и 19,4 – белорусов. Русские в Смоленской области имели показатель 15,3, украинцы – 37,1, белорусы – 57,3, татары – 26,9, немцы – 50,3, евреи – 78,6, латыши – 28,5, литовцы – 49,6, поляки – 62,8, эстонцы – 40,4. В Черниговской области – украинцев – 13,7, русских – 30,0, евреев – 91,3, белорусов – 41,1, поляков – 36,4, татар – 9,3, немцев – 5,1 и прочих – 14,5% соответственно [7, л. 6; 23, л. 8; 24, л. 6]. Как видим, многочисленные титульные

этноты рассматриваемого региона проживали в сельской местности и были заняты в сельском хозяйстве, а не в индустриальном секторе экономики, что свидетельствует об уровне развития последнего. Необходимо отметить, что по степени урбанизации белорусы в республике были на последнем месте с показателем в 16,9%, тогда как у чехов и словаков он (предпоследний) равнялся 26,4, а у евреев самый высокий – 87,8%. За пределами своей этнической территории у белорусов этот показатель был выше: на Украине – 56,8; в РСФСР – 46,1, а в целом по СССР – 20,8%, что вывело их на предпоследнее место из 20 наиболее урбанизированных наций [34, с. 57-59, 68, 70]. Проведенная в БССР местечковая урбанизация (превращение большинства местечек в города и горпоселки) представляется нам белорусской спецификой, которая в силу известных причин в рассматриваемый период не сделала город белорусским. Не стал он таким и по предполагаемой сталинской белорусизации, о чем более подробно написано автором [35].

Таблица 3

Грамотность городского населения БРУП в 1926 г. (в %)

Территория	Русские		Украинцы		Белорусы		Евреи		Поляки	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Брянская*	72,3	56,3	81,0	63,9	90,0	67,2	78,1	70,7	83,5	73,7
Смоленская*	73,6	59,8	87,8	73,9	86,4	67,5	73,8	68,9	79,7	71,2
Витебский	74,6	58,0	70,4	88,9	64,9	50,6	70,0	65,5	68,9	66,4
Гомельский	62,2	43,8	85,5	80,9	65,0	48,8	70,2	64,0	89,8	80,7
Калининский	68,2	57,1	88,7	70,2	65,6	46,3	69,8	64,1	73,5	74,0
Могилевский	84,9	67,5	78,8	59,6	66,4	45,4	70,5	65,6	74,2	64,6
Мозырский	79,2	65,6	80,9	73,1	60,6	38,8	70,0	64,3	69,2	66,3
Оршанский	75,9	57,7	88,1	71,0	72,9	52,1	72,8	67,0	70,2	66,9
Полоцкий	85,7	61,0	94,8	71,0	68,5	48,9	71,7	55,7	69,4	64,1
Речицкий	65,9	51,4	80,8	70,3	65,3	50,6	57,0	41,7	72,9	67,1
Вольнский	76,4	54,3	53,2	29,7	89,8	69,6	67,1	60,7	57,5	49,6
Глуховский	67,6	51,9	71,8	53,7	88,8	75,0	77,8	72,3	78,7	82,1
Коростеньский	84,2	66,8	61,2	33,8	89,9	73,5	70,4	62,0	66,5	60,9
Черниговский	67,1	57,1	68,5	50,0	87,3	72,9	76,7	70,6	81,9	76,5
Белоцерковский	80,6	71,9	63,3	38,8	89,8	68,4	67,9	59,7	73,5	71,8
Киевский	78,3	69,7	59,0	35,9	90,5	65,2	69,6	62,6	81,0	71,2
Неженский	80,7	69,5	68,8	44,8	91,0	64,5	76,8	72,4	77,7	79,6
Прилуцкий	81,8	70,3	66,5	46,9	83,9	64,3	79,1	72,9	72,5	77,3

Примечание: *) – губернии, а без *) – округа.

Существенное влияние на этносоциокультурные процессы оказало повышение уровня грамотности и образования как титульных этносов, так и национальных меньшинств. Как видно из таблицы 3 [Составлена по: 36, с. 13-14, 17; 37, с. 26, 29-30, 32, 35, 37-38, 40-41, 43, 45-46; 38, с. 78-81, 85, 87-88; 39, с. 14-15, 18, 28-29, 296-297, 202-203], по уровню грамотности женщины уступали мужчинам. Особенно заметной была разница у восточнославянских этносов. Из данных таблицы видна тенденция, когда белорусы, русские и украинцы, проживавшие на своих этнических территориях, были менее грамотные, чем в соседних территориях БРУП. Это свидетельствует об их более высокой мотивации к грамотности. Меньшей эта разница была у поляков и евреев, у которых уровень грамотности особо не отличался по территории БРУП, кроме показателей у евреев по Речицкому округу. В Нежинском и Прилуцком округах у польских женщин этот показатель был даже выше, чем у мужчин.

Более полную картину уровня грамотности и образования городского населения дает таблица 4 [Составлено по: 16, лл. 6, 8-13; 17, лл. 6, 8-12; 18, лл. 6, 8-14; 19, лл. 6, 8-13; 20, лл. 6-11; 21, лл. 8-13; 22, лл. 6, 8-13; 23, лл. 6-9; 24, лл. 6, 8-11]. Из нее видно, что в целом среди восточнославянских народов БРУП, проживавших в городах, уровень грамотности и образования был ниже, чем у национальных меньшинств. Это объясняется тем, что у белорусских, русских и украинских женщин, особенно старше 50 лет, этот показатель и в конце 1930-х гг. был ниже, чем у невостонославянского женского населения.

Таблица 4
Грамотность и образование городского населения БРУП в 1939 г.

Области	Основные национальности	Абсолютная численность	Грамотность, %			Образование			
			9 лет и старше	20-49 лет	50 лет и старше	Среднее		Высшее	
						Абс.	%	Абс.	%
Витебская	Белорусы	205941	89,9	92,6	51,5	35531	17,3	1408	0,7
	Русские	52637	92,4	95,6	59,7	10667	20,4	796	1,5
	Украинцы	6824	95,7	97,5	66,7	1702	24,9	145	2,1
	Евреи	68950	93,1	96,3	77,3	12842	18,6	1048	1,5
	Поляки	4082	88,4	94,0	60,6	847	20,8	34	0,8
Гомельская	Белорусы	133877	90,5	92,8	57,1	24025	18,0	1027	0,8
	Русские	38102	98,1	95,9	65,2	7830	20,6	719	1,9
	Украинцы	14436	93,4	95,4	67,1	2791	19,3	213	1,5
	Евреи	62146	93,6	96,9	76,8	11435	18,4	933	1,5
Могилевская	Белорусы	187731	88,5	90,7	51,8	34013	18,1	1451	0,8
	Русские	40261	92,6	95,5	58,3	8661	21,5	719	1,8
	Украинцы	10693	92,2	93,9	62,2	2026	19,0	159	1,5
	Евреи	69454	92,6	95,9	75,8	11326	16,3	875	1,3
	Поляки	4824	88,0	92,9	57,6	831	17,2	33	0,7
Полесская	Белорусы	42261	84,5	85,6	42,1	5907	14,0	330	0,8
	Русские	4884	95,9	98,1	61,5	1192	24,4	106	2,2
	Украинцы	2156	91,5	93,2	59,1	476	22,1	37	0,2
	Евреи	24141	90,9	95,2	70,5	3332	13,8	194	0,8
	Поляки	1207	86,9	91,0	51,3	201	16,7	9	0,8
Орловская	Русские	630473	89,8	91,9	61,7	102224	16,9	5073	0,8
	Украинцы	14497	93,9	95,7	72,3	3691	25,5	503	3,5
	Евреи	32656	94,2	97,7	80,4	6910	21,2	797	2,4
	Русские	398013	90,8	93,6	61,8	72682	18,3	3878	1,0
Смоленская	Евреи	25948	95,3	98,1	82,5	6446	24,8	784	3,0
	Украинцы	7162	93,9	96,7	67,6	1753	24,5	214	3,0
	Белорусы	9724	95,3	98,0	74,0	2835	23,1	349	3,6
	Украинцы	183640	85,8	86,5	50,4	28792	15,7	1913	1,0
	Еврей	100872	90,1	94,1	68,3	18555	18,4	1374	1,4
Житомирская	Поляки	25393	83,8	85,1	53,9	2872	11,3	74	0,3
	Русские	27566	92,3	95,3	66,2	5802	21,1	598	2,2
	Немцы	4638	87,0	87,0	67,6	285	6,1	12	0,3
	Украинцы	749553	91,4	93,6	65,9	153706	20,5	16227	2,2
Киевская	Еврей	282015	95,2	97,9	82,2	79533	28,2	13337	4,7
	Русские	165411	94,6	97,4	80,0	42886	25,9	6673	4,0
	Поляки	18166	92,8	95,7	79,6	4354	24,0	341	1,9
	Украинцы	224285	89,4	93,1	57,9	38547	17,2	2596	1,2
Черниговская	Русские	23338	93,2	96,6	73,2	4895	21,0	562	2,4
	Еврей	29083	94,4	98,1	82,2	6460	22,2	559	1,9

Самый же высокий уровень грамотности и образования оставался у еврейского населения, которое в абсолютном большинстве проживало в городах, где традиционно эти показатели были всегда выше, в том числе и за счет их. В 1920 – 1930-е гг. сохранялась тенденция, как и в дореволюционный период (у автора есть публикации), роста уровня грамотности и образования у титульных этносов и основных национальных меньшинств. Заметное отставание первых от вторых по-прежнему наблюдалось в возрастных группах старше 20 лет у титульных этносов, проживавших в своих этнических территориях. Анализ оригинальных источников позволяет считать, что при несомненных успехах уровень грамотности и образования городского населения в конце 1930-х гг. еще не соответствовал потребностям экономики и культуры. Очень низкий уровень грамотности был у восточнославянских женщин старше 50 лет. Все это в значительной степени сдерживало социальные и культурные процессы в регионе, особенно в БССР.

Низкий уровень грамотности, особенно в активной возрастной группе 20–49 лет, классовый принцип отбора в вузы и техникумы, постоянное реформирование этих учебных заведений, слабая их материально-техническая база, острый недостаток высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадров существенно повлияли на показатели высшего и среднего специального образования среди городского населения.

Пока не удалось выявить и систематизировать данные о степени занятости населения по отдельным городам, поэтому покажем это по всем горожанам в разрезе областей. Из таблицы 5 видно [Составлена по: 16, л. 47; 17, л. 45; 18, л. 48; 19, л. 51; 20, л. 50; 21, л. 45; 22, л. 42; 23, л. 47; 24, л. 44], что в 1939 г. самый низкий удельный вес занятых в промышленности горожан в БРУП имели Полесская, Смоленская и Черниговская области, а в первой и последней из них был самый высокий удельный вес горожан, занятых сельским хозяйством.

Городское население БРУП, занятое в отраслях народного хозяйства в 1939 г.

Таблица 5

Области:	Промышленность	Сельское хозяйство	Лесное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкоммухоз	Просвещение, наука, искусство, печать	Здравоохранение	Государственные, парт. и обществ. организации	Не распределено по отраслям народного хозяйства	ВСЕГО
Витебская	64035	8410	1013	10274	16045	15662	4098	9801	7516	9150	16706	162710
	39,36	5,17	0,62	6,31	9,86	9,63	2,52	6,02	4,62	5,62	10,27	100
Гомельская	45116	6713	870	5804	12241	10435	2791	6606	4823	6126	12016	113541
	39,74	5,91	0,77	5,11	10,78	9,19	2,46	5,82	4,25	5,40	10,58	100
Могилевская	50028	11967	1776	11443	10074	12293	3450	8500	6367	9007	15794	140699
	35,56	8,50	1,26	8,13	7,16	8,74	2,45	6,04	4,53	6,40	11,23	100
Полесская	7329	5222	1121	1604	2298	3316	692	2009	1389	3385	3796	32161
	22,79	16,24	3,49	4,99	7,15	10,31	2,15	6,24	4,32	10,53	11,80	100
Орловская	138137	18347	4114	13624	28963	28201	6763	20133	12891	18891	11461	301525
	45,81	6,08	1,36	4,52	9,61	9,35	2,24	6,68	4,28	6,27	3,80	100
Смоленская	72701	13201	1567	16457	19730	23315	6348	14672	10133	17500	9330	204954
	35,47	6,44	0,76	8,03	9,63	11,38	3,10	7,16	4,94	8,54	4,55	100
Житомирская	52817	18069	1781	6911	8850	14634	4385	9584	6887	11485	10731	146134
	36,14	12,36	1,22	4,73	6,06	10,01	3,00	6,56	4,71	7,86	7,34	100
Киевская*	221524	34202	3213	39892	47848	62200	22917	52721	35480	42776	41424	604197
	36,66	5,66	0,53	6,60	7,92	10,29	3,79	8,73	5,87	7,08	6,86	100
Черниговская	35862	23396	1366	5438	10140	13455	3040	8003	5998	9713	9158	125269
	28,63	18,67	1,09	4,34	8,09	10,74	2,43	6,39	4,79	7,75	7,31	100

Если исключить Киев из одноименной области, то в целом данные по занятым в сельском хозяйстве горожанам по украинской составляющей БРУП будут самые высокие. Начинаясь искусственная ликвидация различий между городом и деревней, что и породило, на наш взгляд, многие современные проблемы малых и средних городов, которые требуют самостоятельного исследования. Что касается нераспределенных по отраслям народного хозяйства, то в качестве рабочей гипотезы мы считаем, что это военнотрудовые.

Заклучение

Изучение опубликованных документов и новых архивных источников позволяет считать, что к концу 1930-х гг. в БССР были проведены значительные мероприятия, направленные на развитие промышленного сектора экономики. Однако в промышленности преобладало не машиностроение, а торфодобывающая, лесоперерабатывающая, пищевкусовая отрасли. Урбанизация в значительной степени происходила не за счет естественного развития городов, а за счет искусственного перевода местечек и больших сел в городские поселки. Образно выражаясь, урбанизацию в БССР можно назвать “местечковой”. Удельный вес городского населения в конце 1930-х гг. в республике, как и во всем белорусско-украинско-российском пограничье, составлял не многим более 20%. Промышленно-производственный персонал советской Белоруссии составлял 9,6 % от общей численности всех занятых в производстве и 4,8% от общей численности населения республики. Это дает основание считать, что в конце 1930-х гг. БССР оставалась в большей степени аграрной республикой.

Новые архивные данные, впервые вводимые в научный оборот, позволяют сделать выводы о том, что только в 1930-е гг. в целом по БРУП начинается переход от традиционного общества к индустриальному. Наиболее полиэтничными были города – центры административных единиц. В рассматриваемый период в общественно-политической и культурной жизни города белорусы не могли играть главенствующую роль. Белорусский город оставался русскоязычным и с преобладанием русской культуры. Белорусизация в городах БССР, как предполагал Сталин, не получила развития. Белорусский этнос в конце 1930-х гг. оставался в абсолютном большинстве аграрным (проживал в сельской местности и был занят сельским хозяйством), с самым низким образовательным уровнем и самой низкой степенью урбанизированности по сравнению с другими значительно представленными в республике национальностями. Это не позволяло ему оказывать должное влияние на этнокультурные процессы в БССР. Если исключить Киев, Минск, Витебск, Смоленск и некоторые другие города, то практически вся территория БРУП была большой провинцией, в которой преобладало сельское население. Именно в этот период наметилась выраженная тенденция к росту областных (кроме Мозыря) городов. Здесь строились крупные предприятия, функционировала сеть вузов и техникумов, создавалась соответствующая инфраструктура. Они становились притягательными центрами для молодежи и других категорий сельского населения. В БССР титульный этнос был значительно сосредоточен в средних и малых городских поселениях. Это в совокупности с абсолютным его проживанием в сельской местности существенно сдерживало влияние белорусов на этнокультурные процессы в республике и на собственное национально-культурное развитие. На наш взгляд, речь следует вести не о сплошной урбанизации БРУП, а о росте количества городского населения в столицах и областных центрах. Перевод многих сел и местечек в города

и ПГТ, рост рабочих поселков искусственно увеличили численность городского населения, которое оставалось с традиционной крестьянской культурой и менталитетом. Такой тип горожан, очевидно, так и оставался с сельской, местечковой психологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы международной науч.-практич. конференции. – Брянск ООО “Ладомир”, 2008. – 295 с.
2. **Сенявский, А.С.** “Урбанизационный переход” России в XX веке как составляющая модернизационного процесса: условия, реализация, результаты // Россия на рубеже XXI века: оглянься на век минувший / ред. кол. Ю.А. Поляков [и др.]. – М., 2000. – С. 216-237.
3. **Сенявский, А.С.** Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А.С. Сенявский. – М.: Наука, 2003. – 286 с.
4. **Пустоход, П.И.** Динамика урбанизованности Украины в 1897 – 1939 гг. / П.И. Пустоход // Миграция и урбанизация населения (на материалах Украины и Польши): сб. науч. трудов / Ан Украины. Ин-т эконоимики; отв.ред. А.У. Хомра [и др.]. – Киев: Наук. Думка, 1991. – С. 74-82.
5. **Раков, А.А.** Население БССР / А.А. Раков. – Минск: Наука и техника, 1969. – 224 с.
6. **Раков, А.** Белоруссия в демографическом измерении / А.Раков. – Минск, 1974. – 129 с.
7. **Касперович, Г.И.** Миграция населения в города и этнические процессы (на материалах исследования городского населения БССР) / Г.И. Касперович; под ред. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1985. – 149 с.
8. **Польскі, С.А.** Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917 – 1941 гг.) / С.А. Польскі. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1973. – 136 с.
9. **Красовский, К.К.** Урбанизации в Беларуси: экономико-географический анализ [Текст]: монография / К.К. Красовский. – Брест: Изд-во БрГУ, 2004. – 203 с.
10. **Мезенко, А.М.** Урбанизация Белоруссии / А.М. Мезенко; под ред. П.П. Шубы. – Минск: Унивсрситетское, 1991. – 167 с.
11. Население России в XX веке: в 3 т. – Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463 с.
12. **Шибасев, В.П.** Этнический состав населения Европейской России / В.П. Шибасев. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 317 с.
13. Материалы к пятилетнему перспективному плану народного хозяйства БССР на 1927 – 28 – 1931 – 32 гг. – Минск: Госплан БССР, 1927. – 504 с.
14. Стенографический отчет первой областной партконференции Западной области. – Смоленск: АППО ОК ВКП (б), 1929. – 231 с.
15. **Артюхов, Я.** Черниговская область / Я. Артюхов / БСЭ. – М.: Сов. энциклопедия, 1930. – Т. 61. – С. 288-297.
16. Витебская область / РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 375.
17. Гомельская область // РГАЭ. Фонд. 1562. – Оп. 336. Д. 376.
18. Житомирская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 358.
19. Киевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 361.
20. Могилевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 379.
21. Орловская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 317.
22. Полесская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 380.
23. Смоленская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 325.
24. Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 373.
25. **Жиромская, В.Б.** Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.
26. Районы и городские пункты Советского Союза. – М.: РИУ ЦУНХУ Госплана СССР, 1937. – 176 с.
27. **Старовойтов, М.И.** Сельское население белорусско-российско-украинского пограничья в 1920 – 1930-е годы (этнокультурный аспект) // Известия Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины. – 2009. – № 4. – Ч. 1. – С. 175-183.
28. Население Украины по данным переписи 1920 года. – Харьков, 1922. – 50 с.
29. **Константинов, В.** Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ) / В. Константинов. – Иерусалим, 2007. – 374 с.
30. **Батяев, В.Ф.** Расселение и этнодемографические особенности белорусских евреев / В.Ф. Батяев // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. зб. навук. прац / Беларус. дзярж. пед. ун-т; пад рэд. А.А. Кавалені [і інш.]. – Мінск, 1998. – С. 57-76.

31. Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР. Секретный сектор // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 5675. – Оп. 1. – Д. 48а.
32. Таблицы динамических рядов ЦУНХУ СССР / РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 256.
33. Белорусская ССР // Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 237.
34. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
35. **Старовойтов, М.И.** Национальный состав городского населения белорусско-российско-украинского пограничья (1920 – 1930-е годы) // Религия и общество – 4: сб. науч. трудов / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2009. – С. 66-69.
36. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. II. Западный район. Центрально-Промышленный район. Отд. I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – 452 с.
37. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. X. БССР. Отд. I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – 289 с.
38. Всесоюзный перепись людности 1926 рок. Т. XI. УСРР. Підсумки по республіці. Полісся. Національність. Рідна мова. ВІК. Письменність. – М.: ЦСУ СРСР, 1928. – 203 с.
39. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. XII. УССР. Правобережный подрайон. Левобережный подрайон. Отд. I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – 482 с.

Поступила в редакцию 18.11.2009 г.

УДК [930.2+94] “14/15”

Б.И. СИДОРЕНКО, П.Ф. ДМИТРАЧКОВ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ “РУССКО-ЛИТОВСКИХ” ВОЙН КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Статья является продолжением опубликованных ранее материалов (№ 1(34) за 2009 год). Авторы анализируют наиболее важные научные работы российских историков, вышедшие в XIX – начале XX ст. по вопросам, касающимся военно-политических конфликтов между Московским государством и Великим княжеством Литовским.

Сдержанные настроения присутствуют и при анализе самих военных кампаний конца XV – первой трети XVI в. Пограничный конфликт 1492 – 1494 гг. между ВКЛ и Московским государством В.А. Волков называет “хитрой войной” (А.А. Зимин называл ее “странной войной”), поскольку официально она не была объявлена Иваном III. Война была выиграна Москвой, но территориальные потери ВКЛ оказались минимальными. “За Русским государством, – указывает А.Ю. Алексеев, – остались земли перешедших из Литвы князей, и главное – Вязьма” [1, с. 180]. Оценка В.А. Волкова менее оптимистическая: “В итоге стороны договорились признать состоявшимся фактором переход на московскую службу со своими отчинами князей Одоевских, Воротыньских, Белевских, Вяземских и части Мезецких. Однако некоторые из занятых войсками Ивана III городов пришлось вернуть. На литовскую сторону были возвращены Любутск, Серпейск, Мосальск, Опаков и некоторые другие верховские городки, признанные вотчиной Александра Казимировича. Московский государь обязался также не вступать “ни в Смоленск, и во вся смоленские места”, ни в Брянск, на которые первоначально претендовал” [2, с. 32-33; 3, с. 63].

Война 1500 – 1503 гг. являлась наиболее результативной для Москвы: в ходе ее ВКЛ потеряло от 1/4 до 1/3 государственной территории; современная российская историография оценивает эти потери в 1/6 земель ВКЛ [4, с. 29]. Российские историки не затрудняют себя ответом на вопрос, какое количество земель попало под власть Ивана III в результате военных действий, а какое – в результате перехода на сторону Москвы порубежных князей Василия Шемячича и Семена Стародубского. Ключевыми моментами кампании считаются Ведрошская битва 14 июля 1500 г. и сражение под Мстиславлем 4 ноября 1501г. Если первое военное столкновение действительно можно считать блестящей победой русского оружия, то мстиславские события трудно подвести под такую оценку, хотя их и пытаются представить успехом Москвы. “4 ноября, – повествует А.Ю. Алексеев, – под стенами мстиславля произошло сражение. Князь Михаил Ижеславский, командовавший литовскими силами, был разбит и “едва уже утече в град”. Потери литовцев доходили до семи тысяч человек. Мстиславль русские брать не стали, но землю учиниша пусту” [1, с. 212-213]. Но М.М. Кром считает число потерь “явным преувеличением” [5, с. 181], а Н.С. Борисов замечает, что “бодрый тон летописца не может скрыть того факта, что, увлекшись грабежом незащищенных волостей, воеводы так и не сумели овладеть самим городом Мстиславлем” [6, с. 493]. Общую, наиболее взвешенную оценку, оценку успешной для Ивана III кампании 1500 – 1503 гг., приводит А.Б. Кузнецов: “В Москве отдавали себе отчет в том, что этот успех – лишь начало борьбы за воссоединение всех тех земель, которые входили в состав Древней Руси” [7, с. 21].

На войну 1507 – 1508 гг., подаваемую историографией как “попытка литовского реванша” (так как она была инициирована ВКЛ с целью отвоевания утраченных земель в кампании 1500 – 1503 гг.), существуют три различных суждения. По А.Б. Кузнецову, “развернувшаяся в 1507 – 1508 гг. вооруженная борьба России и ВКЛ ясно показала правящим кругам Литвы, что их попытка реванша оказалась неудачной” [7, с. 30]. В.А. Волков считает, что, “несмотря на несомненный успех, достигнутый войсками Сигизмунда I на смоленском направлении, положение в Великом княжестве Литовском оставалось крайне сложным” [2, с. 52-53]. “Кампания 1508 г., – резюмирует М.М. Кром, – да и вся война не только не принесла московской стороне новых приобретений, но и обернулась чувствительными потерями: литовские войска, изгнав противника из своих пределов, перешли границу, сожгли г. Белую, подступали к Торопцу, а гетман Станислав Кишка, не встретив сопротивления, взял и сжег Дорогобуж, опасность угрожала даже Вязьме, правда, вскоре московские войска снова заняли названные города, но Любеч, также захваченный литовцами в этой войне, по мирному договору 8 октября 1508 г. остался за Великим Княжеством” [5, с. 187].

Центральными событиями следующей десятилетней кампании 1512 – 1522 гг. стали взятие Смоленска войсками Василия III в конце июля 1514 г. и последующее крупное поражение московской рати 8 сентября того же года под Оршей. В современной российской историографии эти события представляются рубежом, после которого активность Москвы на западе заметно ослабевает. “Таким образом, – подводит итог А.Б. Кузнецов, – 1512 – 1522 гг. – время наиболее активной борьбы России за воссоединение западнорусских земель, в центре которой оказались Смоленск и Смоленские земли. В это время правительство Василия III, его армия и дипломатия сосредотачивают свои усилия на возвращение Российскому государству этих исконно русских земель. Несмотря на неудачи смоленских походов 1512 – 1513 гг., русскому командованию в 1514 г. уда-

ется добиться перехода города под власть России. Это был не только военный, но и политический успех Москвы и показал не только ВКЛ, но и всей Европе, что Российское государство превратилось в значительную силу, способную решать масштабные внешнеполитические задачи. Именно после взятия Смоленска международная обстановка для России приобретает все более выгодный характер и ее авторитет заметно возрастает” [7, с. 48]. Но, по оценке В.А. Волкова, и “факт сокрушительного разгрома русской армии в сражении под Оршей очевиден, и результаты его не замедлили сказаться”, а “Василий III был вынужден заключить перемирие, отказавшись от части своих претензий к Литве. Это касалось, прежде всего, вопроса о возвращении пленных и требования о присоединении к своему государству Киева, Полоцка и Витебска” [2, с. 59, 64].

Авторский коллектив “Истории внешней политики России” считает, что “взятие Смоленска привело к активным действиям литовских войск, которые закончились победой под Оршей, но дальше развить военный успех литовцам не удалось. Граница между Россией и Литвой, установленная после этого похода, просуществовала, почти не меняясь, до конца XVI века” [8, с. 117]. Позиция М.М. Крома еще более бескомпромиссна, потому что “присоединение Смоленска к Русскому государству не было следствием проснувшейся у горожан тяги к Москве, а носило для них вынужденный характер”. В ходе затяжных войн, длившихся с перерывом всю первую треть XVI в., московским воеводам удалось овладеть (и то после четырех осад) лишь одним городом, Смоленском, а после 1514 г. все их попытки захватить Полоцк, Витебск, Мстиславль и другие города ВКЛ окончились безрезультатно” [5, с. 194, 228].

Пятая по счету “русско-литовская” война 1534 – 1537 гг. никак не вписывалась в советскую объединительную концепцию, которая провозглашала, что Литва при Иване III терпела поражения практически во всех сражениях, и этот тезис был распространен на все войны между ВКЛ и Московским государством в годы правления Василия III и малолетнего Ивана IV, исключая разве что Оршанскую битву 1514 г. Однако оценки кампании 1534 – 1537 гг. полярны. “Расчет литовских властей, – пишет В.А. Волков, – на быструю и победоносную войну не оправдался”, ВКЛ не удалось вернуть Северскую землю и Смоленск, но война закончилась для державы Ягеллонов хотя и небольшим, но весьма существенным приобретением – отвоеванным Гомелем и его волостью. В ходе кампании “посполитое рушенье” и польский отряд взяли Стародуб, в развалины были обращены Почеп и Радогощ, а южный участок оборонительной линии Московского государства был уничтожен. В 1535-й, кульминационный год войны, военное командование ВКЛ тактически переиграло московскую военную верхушку и начало наступление не на Смоленск, а в Северскую землю. “Но русские воеводы, – признает В.А. Волков, – приняв ряд необходимых мер, все же не смогли разгадать направление главного удара армии гетманов Ю.Н. Радзивилла и Я. Тарновского”, а Сигизмунд I “тщательно рассчитал свои силы и добился значительного успеха” [2, с. 73-74, 77].

Иную позицию занимает М.М. Кром: “исключением является разве что Стародубская война 1534 – 1537 гг., начатая литовцами и закончившаяся вничью” [9, с. 39]. “В целом война 1534 – 1534 гг. продемонстрировала определенное равновесие сил: Литва не могла добиться возвращения потерянных земель (кроме Гомеля), Москва с той поры прекратила на двадцать с лишним лет попытки присоединения новых западнорусских городов” [5, с. 198; 10, с. 146-147].

Иначе говоря, современная российская историография признает, что цели, поставленные Иваном III и Василием III на западном внешнеполитическом на-

правления, были осуществлены лишь частично. Потеряв Смоленск, ВКЛ все же прочно удерживало свои восточнославянские территории и, в свою очередь, наносило Московскому государству ощутимые удары. Странно звучит заключение А.Б. Кузнецова, что даже после оршанского поражения русское командование “уже вскоре полностью берет инициативу на русско-литовском фронте на себя и войска великого князя Московского переходят к активным и широким военным действиям против литовских войск. Удары русских становятся все более опасными для противника. Перед правящими кругами Литвы явственно вырисовывается перспектива катастрофы” [7, с. 56]. Но авторы коллективного труда по внешней политике России считают, что “основным направлением русской внешней политики в это время становится восточное” [8, с. 118].

Наиболее интересна и оценка причин скромных успехов Московского государства в борьбе с ВКЛ. “Нарастающие различия в строе этих государств, – считает С.В. Думин, – и, в частности, более привилегированное положение жителей Великого княжества, и в первую очередь – местных феодалов по сравнению с феодалами Московской Руси отнюдь не способствует широкой популярности среди них “московской” программы объединения” [11, с. 124]. “Православные князья, – делает вывод М.М. Кром, – занимали в начале XVI в. не первостепенное, но вполне прочное место в социально-политической системе Великого княжества. Растворяясь в среде формирующегося шляхетского сословия, они получали взамен воспоминаний о принадлежавших некогда их предкам княжеских правах вполне реальные дворянские привилегии – имущественные, социальные, политические” [12, с. 152]. “Отнюдь не отрицая важности других факторов (внешнеполитической обстановки, соотношения военных сил Москвы и Литвы и др.), – продолжает историк, – следует признать, что именно позиция западнорусского населения определяла, в конечном счете, характер и результаты русско-литовских войн конца XV – первой трети XVI в.” [5, с. 229].

Отметим постоянно снижающуюся в историографии оценку военных возможностей Москвы на западе. М.М. Кром считает, что в кампании 1534 – 1537 гг. общая численность русских войск составляла 110–120 тысяч воинов [13, с. 80–82], по мнению В.В. Пенского, “к началу 40-х гг. XVI в. численность московского войска достигла примерно 90 тыс. воинов, и московский государь мог, правда, ценой значительного напряжения сил, выставить в поле сразу 50 тыс. или даже более ратников” [14, с. 11], а С.М. Каштанов полагает: “30–40 тысяч воинов – это не половина или какая-то часть русской армии, а практически вся или почти вся армия XVI века” [15, с. 22–23]. Общий военно-стратегический анализ войн ВКЛ и Московского государства (1492 – 1494, 1500 – 1503) в годы правления Ивана III сделал Ю.Г. Алексеев: “эпоху Ивана III можно считать одной из самых плодотворных в истории нашей страны”. За сорок с лишним лет непрерывных походов были достигнуты блестящие стратегические результаты, определившие дальнейшие судьбы Российского государства” [16, с. 431]. Аналогичных выводов придерживается военный историк В.А. Золотарев [17, с. 37–40].

Вместе с тем в трудах исследователей встречаются неточности, ставшие традиционными для российской историографии. Белорусская часть ВКЛ именуется “Западной Русью”, в отдельных трудах можно встретить упоминания о наличии в белорусских городах XV в. “литовских гарнизонов” и “мест компактных поселений католиков – литовцев и поляков” [8, с. 109]. Например, работы А.Б. Широкограда имеют невысокое научное содержание и представляют чисто историографический интерес [18, с. 255–256; 19, с. 92–125].

Заклучение

Таким образом, современная трактовка российскими историками “русско-литовского” военного противостояния конца XV – первой трети XVI в. существенно отличается от его интерпретации советской историографией. Российские исследователи отмечают, что, несмотря на несомненные успехи на Западе, Ивану III и Василию III не удалось собрать бывшие древнерусские земли под властью Москвы и их объединительная политика была реализована лишь частично. Она не встретила отклика со стороны восточнославянского населения ВКЛ. Держава Ягеллонов удерживала основную часть своих восточных владений. Попытка Москвы разыграть “конфессионную карту” имела единичные успехи – подавляющая масса православных феодалов ВКЛ сохраняла верность ягеллонской династии и вместе с горожанами оказывала активное сопротивление московским войскам.

Походы “государевых ратей” в пределы ВКЛ совсем не напоминали триумфальное шествие. Они сопровождались серьезными потерями, материальными издержками, а затем и разочарованиями московской военной элиты, явно завышавшей свои возможности после первых успехов. Территориальные приращения Московского государства за счет ВКЛ прекратились после “смоленского взятия”, а граница, установившаяся по итогам войн, просуществовала целое столетие. ВКЛ наносило противнику ответные ощутимые удары, демонстрируя более высокий тактический уровень и стратегический кругозор проводимых военных мероприятий.

Анализ работ историков позволяет говорить о появлении в современной российской историографии новой концепции военного конфликта между ВКЛ и Московским государством в конце XV – первой трети XVI в. “Русско-литовские войны” вытекали из внутренней политики обоих княжеств, в которой война наряду с другими факторами выступала средством пространственного формирования и увеличения государства на основе его экономических и военных возможностей. Новая концепция отличается научностью, разнообразием подходов, качеством исследовательской методик, глубиной выводов и обобщений и способствует созданию реальной картины взаимоотношений восточнославянских народов ВКЛ и Московского государства в наиболее сложный период их исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев, Ю.Г.** Государь Всея Руси / Ю.Г. Алексеев. – Новосибирск: “Наука” Сибирское отделение, 1991. – 240 с.
2. **Волков, В.А.** Войны и войска Московского государства / В.А. Волков. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во “Алгоритм”, 2004 – 576 с.
3. **Волков, В.А.** “Хитрая война”. Московско-литовское противостояние 1492 – 1494 годов / В.А. Волков // Родина. – 2003. – № 11. – С. 60-63.
4. **Петров, А.** Мечты о “золотом столе”. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы / А. Петров // Родина. – 2006 – № 4. – С. 25-30.
5. **Кром, М.М.** Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI веков / М.М. Кром. – М.: “Археографический центр”, 1995 – 304 с.
6. **Борисов, Н.С.** Иван III / Н.С. Борисов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 644 с.
7. **Кузнецов, А.Б.** Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века / А.Б. Кузнецов. – Саранск: Типография “Красный Октябрь”, 2002. – 256 с.
8. История внешней политики России. Конец XV – XVII вв. (От свержения ордынского ига до Северной войны). / редкол.: А.В. Игнатъев [и др.]; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Международные отношения, 1999. – 446 с.
9. **Кром, М.М.** Когда отзвонил вечевой колокол / М.М. Кром // Родина. – 2004. – 1995. – № 6. – С. 35-39.

10. **Кром, М.М.** Стародубская война (Война Великого княжества Литовского и Московского государства 1534 – 1537 гг.) / М.М. Кром // Очерки феодальной России. – М.: УРСС, 1999. – Вып. 3. – С. 85-148; См. также: **Кром, М.М.** Стародубская война (1534 – 1537). Из истории русско-литовских отношений / М.М. Кром. – М.: ИД “Рубежи XXI”, 2008. – 140 с.
11. **Думин, С.В.** Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) / С.В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX веков / сост.: С.В. Миропенко. – М.: Политиздат, 1991 – 367 с.
12. **Кром, М.М.** Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века / М.М. Кром // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 145-154.
13. **Кром, М.М.** О численности русского войска в первой половине XVI века / М.М. Кром // Российское государство в XIV – XVII веках: сб. статей, посвященных 75-летию Ю.Г. Алексеева. – СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2002. – С. 67-82.
14. **Пенской, В.В.** Военный потенциал Российского государства в конце XV – XVI веках: количественное измерение / В.В. Пенской // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 3-13.
15. **Каштанов, С.М.** К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI веках / С.М. Каштанов // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. – М.: МГИАИ, 1991. – 280 с.
16. **Алексеев, Ю.Г.** Походы русских войск при Иване III / Ю.Г. Алексеев. – СПб.: Изд-во С.Петербургского ун-та, 2007. – 464 с.
17. История военной стратегии России / редкол.: В.О. Дайнес, А.А. Данилевич, В.А. Пронько и др.; под ред. В.А. Золотарева. – М.: Кучково поле: Полиграфресурсы, 2000. – 588 с.
18. **Ширококорд, А.Б.** Дипломатия и война русских князей: от Рюрика до Ивана Грозного / А.Б. Ширококорд. – М.: Вече, 2006. – 352 с.
19. **Ширококорд, А.Б.** Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А.Б. Ширококорд. – М.: Хранитель; Тверь: АСТ, 2007. – 842 с.

Поступила в редакцию 16.10.2009 г.

УДК 94(476)“15”

Ю.Ф. УСЦІНОВІЧ

УТРЫМАННЕ ДЗЯРЖАЎНЫХ ЗАМКАЎ У ВКЛ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI ст.

Сістэма ўтрымання дзяржаўных умацаванняў у ВКЛ эфектыўна функцыянавала да канца XV ст. Паступова пачалі нарастаць негатыўныя з’явы, а да сярэдзіны XVI ст. сістэму спасціг крызіс. У артыкуле разглядаюцца мерапрыемствы ўрада ВКЛ, накіраваныя на пераадоленне гэтага крызісу. Аналіз матэрыялаў дазваляе прыйсці да высновы, што цэнтральная ўлада не здолела выпрацаваць належных мер па вырашэнні гэтага пытання да канца XVI ст.

Уводзіны

Утрыманне ўмацаванняў у ВКЛ грунтавалася на тым, што асноўныя намаганні ўскладваліся на мясцовае насельніцтва. Дзяржава таксама ўдзельнічала ў іх утрыманні, аднак яе выдаткі былі нерэгулярнымі. У розных землях ВКЛ абавязкі насельніцтва на карысць замкаў адрозніваліся, бо залежалі ад асаблівасцяў даўніны.

Заняпад сістэмы ўтрымання замкаў паказалі рэвізіі, праведзеныя ва ўсёй дзяржаве ў 1545 г. [1, с. 44]. З тых рэвізій захаваліся апісанні паўднёвых замкаў. Яны выявілі нізкі стан баяздольнасці фартэцый [2, с. 514-515].

У пэўнай ступені вінаватымі былі намеснікі-дзяржаўцы. Яны занябалі свае абавязкі і прысвоілі замкавыя даходы. Апроч таго, не хацелі зважаць на тое, што

з уладанняў мясцовых феадалаў спынілася выкананне абавязкаў на ўмацаванні. Але галоўнай прычынай заняпаду фартэцый сталі злоўжыванні феадалаў, асабліва арыстакратыі [2, с. 515].

Яшчэ адной прайвай крызісу стала адбудова ў 1551 г. замка ў Браслаўлі. Ухіленне мясцовай шляхты ад пасылкі сваіх падданных на будаўнічыя работы мела масавы характар. Вялікі князь быў вымушаны аддаць загад ураднікам, якія вядуць будаўніцтва, чыніць над уладаннямі такіх феадалаў рабаванні, каб атрыманья сродкі накіроўваць на будаўніцтва [3, с. 69-70]. Тым не менш, асноўныя выдаткі леглі на гаспадарскі скарб [4, с. 228-229].

Асноўная частка

Крызіс сістэмы ўтрымання замкаў ва ўсім ВКЛ быў выкліканы, па-першае, тым, што набіралася шмат зменаў у даўніне, якія прыводзілі да блытаніны ў выкананні абавязкаў на карысць умацаванняў; па-другое – скарачэннем дзяржаўнага зямельнага фонду, бо памяншаліся паступленні ў скарб і, адпаведна, змяншаліся мажлівасці выдаткоўваць сродкі на замкі; па-трэцяе – стратай зямель на ўсходніх межах, бо з іх спынялася выкананне замкавых абавязкаў, таму ўзнікала патрэба ў павелічэнні датацый з боку скарбу; па-чацвёртае – свавольствамі феадалаў, якія, карыстаючыся слабасцю цэнтральнай улады, спынялі выкананне абавязкаў на карысць замкаў.

Яшчэ напачатку другой паловы XVI ст. урад прымаў меры, каб павялічыць паступленні ў скарб і, адпаведна, палепшыць забеспячэнне замкаў. Прызначэнне самой аграрнай рэформы было ў павелічэнні даходнасці ад гаспадарскіх уладанняў. На землях, дзе яна праводзілася, выкананне рамонтна-будаўнічых работ на замак арганізоўвалася так, што з 3-4 валок абіраўся адзін працаўнік. Ён забяспечваўся ўсім неабходным. За адбыванне павіннасці прадугледжвалася зніжэнне падаткаў. А рамеснікі, што былі пры замках, за нясенне службы надзяляліся адной валокай зямлі. Ураднікам забаранялася выкарыстоўваць замкавых рамеснікаў у сваіх мэтах [1, с. 87-88].

Аднастайны падыход да выканання рамонтна-будаўнічай павіннасці ў параўнанні з папярэдняй традыцыяй даўніны дазваляў пазбегнуць блытаніны. Аднак валочная памера была праведзена пераважна ў заходніх і цэнтральных землях ВКЛ. Але, зыходзячы з геапалітычнага становішча, менавіта на ўсходніх землях патрабавалася ў першую чаргу паляпшаць баяздольнасць замкаў. Акрамя таго, валочная памера не паспела прынесці істотных вынікаў да моманту, калі рэзка ўзраслі выдаткі на Інфлянцкую вайну.

Урад спрабаваў ужыць новы падыход падчас адбудовы замка ў Тыконе ў 1569 – 1570 гг. Планавалася замест традыцыйнай пасылкі на работы падданных сабраць з кожнай валокі на патрэбы будоўлі па 8 грошай. На атрыманья сродкі ўрад збіраўся наняць рабочых. Аднак ажыццявіць план не атрымалася, бо замак трэба было ўзводзіць хутка, а за кароткі час наняць працоўную сілу было немагчыма [5, р. 60-61].

На працягу другой паловы XVI ст. узрасла колькасць злоўжыванняў з боку ўраднікаў у адносінах да абавязкаў па наглядзе за станам замкаў і да насельніцтва ўвогуле. Каб супрацьдзейнічаць злоўжыванням, урад прызначыў скарбавых пісцоў назіраць за дзейнасцю ўраднікаў. Скарбавыя пісцы не толькі мусілі сачыць за станам умацаванняў, але кантралявалі, каб на месцах не чынілася бяспраўе насельніцтва [6, с. 264].

У 1566 г. абавязак нагляду за памежнымі ўмацаваннямі быў ускладнены на гетмана [2, с. 793; 4, с. 275]. Але на паляшэнне стану ўмацаванняў такі падыход не мог паўплываць, бо ён не ліквідаваў недахопаў самой сістэмы ўтрымання замкаў.

Рост колькасці злоўжыванняў ураднікаў прымусіў гаспадара накіраваць у 1567 г. рэвізора Івана Валовіча ў паўднёвыя і некаторыя ўсходнія землі ВКЛ. Яму загадвалася правесці агляд замкаў, зафіксаваць павіннасці, разгледзець скаргі ад жыхароў. Прадстаўляючы даклад гаспадару, Іван Валовіч адзначаў, што насельніцтву чыняцца крыўды ад намеснікаў-дзяржаўцаў і прызначаных ад іх служэбнікаў. Але разгляд спраў аб парушэннях немажлівы. Самі ўраднікі ўдзельнічалі ў паспалітым рухэнні, а прызначаныя ад іх служэбнікі прыкрываліся неправамоцнасцю і адмаўляліся чыніць справядлівасць. Да таго ж высветлілася, што насельніцтву робяцца перашкоды ў падачы скаргаў на адміністрацыю. Гаспадар быў вымушаны зноў накіраваць Івана Валовіча, а ўраднікам настойліва наказвалася прымусіць сваіх служэбнікаў чыніць справядлівасць у адносінах да гаспадарскіх падданных і не забараняць ім падаваць скаргі рэвізору [6, с. 264].

Каб палепшыць забяспечанасць харчаваннем паўднёвых замкаў, урад надаваў права мяшчанам бязмытнага правозу жывёнасці да сваіх гарадоў [7, с. 35, 65, 209-210]. Але цэнтральная ўлада не здолела супрацьдзейнічаць з'яўленню незаконных мытняў, устаноўленых асобнымі феадаламі [6, с. 412-413]. Насуперак гаспадарскім прывілеям на такіх мытнях з мяшчан прымусова спаганяліся падаткі. У выніку гарадскі гандаль прыходзіў у заняпад, а гэта пагаршала забяспечанасць замкаў узбраеннем, бо ў некаторых гарадах артылерыя гарнізонаў утрымлівалася за кошт даходаў з гандлю [8, с. 76; 9, с. 199-200].

Увогуле, можна казаць, што рэвізіі замкаў, фіксацыя абавязкаў, чыненне гаспадарскімі рэвізорамі справядлівасці насельніцтву ўжо не маглі палепшыць сітуацыю з утрыманнем замкаў. Паглыбляла праблему і Інфлянцкая вайна. Былі спустошаныя значныя тэрыторыі, а ўрад з-за хранічнага недахопу сродкаў не мог пакрыць скарачэнне павіннасцяў і службаў на карысць замкаў ад насельніцтва. Таму гаспадар, звяртаючыся ў 1571 г. да паноў-рада, указаў, што трэба вырашыць, якія замкі ў Полацкай зямлі пакінуць. Астатнія неабходна знішчыць, бо ўтрымліваць усе існуючыя замкі скарб быў не ў стане [10, р. 157].

Урад імкнуўся засноўваць пры замках мястэчкі. Калі мястэчкі становіліся шматлюднымі, на іх жыхароў можна было перакласці большыя абавязкі па ўтрыманні замкаў.

У 1555 г. кіеўскі ваявода ўзвёў замак у Белай Царкве. Каб заахоціць прыток пасяленцаў, гаспадар на 10 год вызваляў жыхароў новага мястэчка ад розных выдаткаў і работ на карысць замка [11, с. 52-53]. Гэтаксама з узвядзеннем умацаванняў у Суражы пры ім асуджвалася мястэчка [12, р. 155]. На зацікаўленасць урада ў існаванні пры памежных замках мястэчак гаворыць тое, што нязначныя, у параўнанні з Віцебскам, Сураж і Ула набываюць права на самакіраванне па віцебскім узору. Сураж – у 1570 г. [1, с. 155-157], а Ула – у 1577 г. [13, с. 208-210].

Адно з прычын надання ў 1580 г. Полацку на 8 год ільготы на выкананне падаткаў, выплаты мытных збораў і вызваленне на вечнасць ад штогадовай выплаты гаспадару 200 коп грошай [1, с. 256, 258] таксама трэба бачыць у імкненні ўрада найхутчэй аднавіць колькасць мяшчан. А ў прывілеі Азярышчу, які вызваляўся на 8 год ад розных выдаткаў і падаткаў, у тым ліку і ад павіннасцяў на замак, прама ўказваецца, што ўрад зацікаўлены “абы пры томъ замку нашомъ местечко забудовати и осадити се могло” [1, с. 277].

Падыход, калі цяжар падтрымання баяздольнасці замка практычна цалкам ускладаўся на насельніцтва мястэчак, лепш за ўсё бачны на прыкладзе Дзісны.

Мяшчане Дзісны мусілі не толькі ўдзельнічаць у будаўніцтве астрога і вежаў, але і кантраляваць гэты працэс, абраўшы са свайго асяродку прыставаў. Акрамя высылкаў і выдаткаў на будаўніцтва ўмацаванняў, нагляду за аховай іх ад агню, нясення варты на вежах, удзелу у палявой варце дзісенскія мяшчане мусілі набываць для сябе ахоўную і наступальную зброю. Да ўсяго гэтага, яны набывалі агнястрэльную зброю і порах для гарнізона замка. А падчас варожай аблогі мяшчане павінны былі браць удзел у абароне Дзісны пад уладай старасты [12, р. 227-228; 13, с. 166-167].

Пасля страты Полацка для ўрада было вельмі важным заснаванне новага моцнага замка ў Дзісне. Таму ўлада імкнулася зацікавіць жыхароў пасяляцца ў новым мястэчку, бо вялікі аб'ём абавязкаў на карысць замка магла выконваць толькі дастатковая колькасць мяшчан. Жыхары Дзісны павінны былі валодаць вялікімі сродкамі, каб забяспечыць зброяй і боепрыпасамі сябе і гарнізон. Таму ў 1566 г. гаспадар даў ім вольнасць ад выплатаў капшчыны тэрмінам на 8 год. Акрамя таго, яны на такі ж тэрмін вызваліліся ад старых і новых гандлёвых падаткаў у межах ВКЛ [14, с. 106-108; 15, с. 274-275].

Але нават такія значныя льготы не маглі цалкам пакрыць выдаткі мяшчан на ўтрыманне замка. Выконваючы абавязкі на яго карысць, мяшчане абцяжарыліся шматлікімі пазыкамі. Гаспадар, маючы на ўвазе важнасць справы арганізацыі належнай баяздольнасці Дзісны і ўлічваючы тое, што яе жыхары добра сумленна выконвалі ўсе патрабаванні, надаў ім часовае вызваленне ад прэтэнзій крадытораў па ўсёй дзяржаве. Трэба адзначыць, што жыхары Дзісны і самі імкнуліся да належнай арганізацыі абароны. Менавіта ад іх зыходзіла ў 1569 г. ініцыятыва, каб пасля заканчэння тэрміну вольнасці ад нявыплаты падаткаў яны паступалі не да скарбу, а ішлі на забеспячэнне ўмацаванняў Дзісны зброяй. Гаспадар з такой просьбай пагадзіўся [13, с. 168].

Каб умацніць баяздольнасць памежных замкаў, урад пачаў патрабаваць ад жыхароў мястэчак і гарадоў трымаць у сваіх дамах зброю. Устава мяшчанам Магілёва ад 1561 г. прадпісвала мець у дамах “стрелбу всякую, то есть, гаковницы, ручницы и сагойдаки и иншую оборону, то есть, рогатины и што иного к той обороне належить”. Бяднейшай частцы мяшчан дазвалялася мець адну ручніцу і рагаціну. Пражываць без зброі забаранялася [1, с. 112]. Такая ж забарона пражываць без зброі ўскладалася і на мяшчан Оршы [13, с. 252].

Аднак узор Дзісны з ускладаннем практычна ўсяго цяжару па ўтрыманню ўмацаванняў на мяшчан скарыстоўваўся не паўсюдна. Урад не мог ужыць падобны падыход да адваяванага ў 1579 г. Полацка, бо колькасць яго жыхароў была непараўнальна меншай з перыядам да 1563 г. На жыхароў памежнага Азярышча ўрад таксама не мог ускласці такі цяжар абавязкаў на карысць замка, калі жадаў, каб у небяспечным ад варожих нападаў месцы хутчэй узрасла колькасць жыхароў. Таму, наадварот, мяшчанам Полацка, Оршы і Азярышча надаюцца розныя льготы. Так, мяшчане Азярышча вызваліліся на 8 год і ад замкавых павіннасцяў. У выніку ўрад браў на сябе ўвесь цяжар па ўтрыманні замка. Мяшчане Оршы ў 1582 г. таксама вызваліліся ад розных работ на карысць замка [1, с. 256, 258, 274, 277].

Заклучэнне

Падсумоўваючы сказанае, адзначым, што на працягу другой паловы XVI ст. урад так і не здолеў выпрацаваць аднастайны падыход у адбыванні замкавых абавязкаў. Нізкай была эфектыўнасць мер па супрацьдзеянні злоўжыванням

феадалаў і мясцовых ураднікаў. Пры адсутнасці сродкаў у скарбе ўрад імкнуўся перакласці рознага кшталту выдаткі на мяшчан. Гэта ініцыявала заснаванне мястэчкаў пры памежных замках. Але такі падыход улады не маглі ўжыць у адносінах да ўсіх гарадоў і мястэчкаў. Таму можна канстатаваць, што пытанне пошуку сродкаў на падтрыманне баяздольнасці ўмацаванняў дзяржавы так і не было канчаткова вырашаным да канца XVI ст.

ЛІТАРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. – СПб., 1848. – VIII, 317, 16, 14 с.
2. **Любавский, М.** Литовско-русский сейм / М. Любавский. – М., 1900. – 850 с.
3. Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. – Т. VII. – Lwow, 1910. – S. 433.
4. **Любавский, М.К.** Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – М., 1915. – 401 с.
5. Lietuvos Metrika. Knyga № 52 (1569 – 1570). Užrašymų knyga 52. – Vilnius.: Moklo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2004. – 224 p.
6. **Довнар-Запольский, М.** Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. – Киев, 1901. – 807 с.
7. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2. – СПб., 1848. III, 405, 15, 14 с.
8. **Ткачев, М.А.** Замки Белоруссии / М.А. Ткачев. – Мн.: Польша, 1987. – 222 с: ил.
9. Акты Литовско-Русского государства. Вып. 1. Т. 2. – М., 1897. – XII. – 258 с.
10. Lietuvos Metrika. Knyga № 532 (1569 – 1571). Viešųjų reikalų knyga 10. – Vilnius: Zara, 2001. – 155 p.
11. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 43 (1523 – 1560). Кніга запісаў 43 (Коп. М 54 канца XVI ст.) / падрыхт.: В. Мянжынскі. – Мн.: Бел. навука, 2003. – 167 с.
12. Lietuvos Metrika. Knyga № 51 (1566 – 1574). Užrašymų knyga 51. – Vilnius.: Lietuvos istorijos inst., 2000. – 485 p.
13. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. – СПб., 1863. [6], 301, 15 с.
14. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559 – 1566) / падрыхт. А.І. Груша. – Мн.: Аргы-Фэкс, 2001. – 229 с.: іл.
15. Белоруссия в эпоху феодализма: в 3 т. / редкол.: А.И. Азаров [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР, 1959 – 1961. – Т. 1: С древнейших времен до середины XVII века / сост. З.Ю. Копыцкий. – 1959. – 515 с.

Паступіў у рэдакцыю 20.01.2009 г.

УДК 930(47+57) “195/197”

Л.В. ГАВРИЛОВЕЦ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ 50 – 70-х гг. XX в.

В трудах советских историков довольно широкое освещение получили вопросы разоружения, признания ФРГ и ГДР польской западной границы, процесс нормализации отношений ПНР-ФРГ. Вопросы объединения Германии, дипломатические шаги Польши во время второго Берлинского кризиса в советской историографии рассмотрены недостаточно основательно. Работы по проблеме польско-германских отношений указанного периода, опубликованные в СССР, идеализируют внешнюю политику Варшавы и всю вину за напряженность в отношениях ПНР и ФРГ связывают исключительно с реваншистскими устремлениями правящих кругов последней.

Введение

Проблема польско-германских отношений является ключевой во внешней политике Польши 50 – 70-х гг. XX в. В довольно широком или обзорном аспекте она рассматривалась как в зарубежной, так и в советской историографии. Мы попытаемся проследить развитие в СССР исследований, посвященных политике Польши по германскому вопросу в 50 – 70-х гг. XX в. Целью данной статьи является определение основных достижений советской историографии в изучении польской политики по германскому вопросу в 50 – 70-е гг. XX в., а также выявление тех проблем в этой политике, которые не получили должного освещения в трудах советских историков. Задача исследования будет заключаться в выявлении тех вопросов истории польской политики по германскому вопросу, которые были рассмотрены в советской историографии и которые оказались вне поля исследования. Также мы попытаемся выяснить, насколько объективно и полно эти вопросы исследованы в советской марксистской историографии. Это позволит выявить те аспекты истории польской политики по германскому вопросу, которые требуют дальнейшего исследования. Актуальность статьи объясняется тем, что германская проблема являлась одной из центральных в истории международных отношений после Второй мировой войны. Ее исследование помогает понять и спрогнозировать те процессы, которые происходят в современной европейской политике. А изучение историографии позволяет историкам определиться с теми аспектами германского вопроса, которые требуют дальнейшего исследования.

Основная часть

В условиях возникновения и существования двух немецких государств ПНР приложила усилия для формирования двусторонних отношений с ними в соответствии со своими интересами. В таком контексте история польской политики исследована в работе А.Е. Липского [1]. Автор рассматривает процесс нормализации отношений между Польшей и ФРГ, определяет его смысл, ход и характер. Подписав с ГДР договор о границах, Польша в то же время последовательно стремилась к нормализации отношений с ФРГ на базе признания последней Потсдамского мирного порядка. Эта политика, отмечает А.Е. Липский, совпала с главным направлением политики всех стран Варшавского Договора в отношении ФРГ. Борясь за признание ФРГ своей западной границы, Польша не шла ни на какие договоренности, противоречащие ее позиции в этом вопросе, выступала за признание ГДР, за урегулирование проблемы Западного Берлина, за решение других спорных вопросов. Необходимость урегулирования отношений с ФРГ Польша, по мнению исследователя, рассматривала под углом зрения ослабления конфронтации двух систем в Европе и повышения политической стабильности в этом районе. Этому должны были служить такие инициативы Польши, как “план Рапацкого” (1957 г.) и план замораживания ядерных вооружений в Центральной Европе (1964 г.), которые, однако не поддержало ФРГ и другие страны Запада [1, с. 81].

В 50 – 60-е гг. XX в., т.е. до начала переговоров между ПНР и ФРГ о подписании нормализационного договора, политические отношения между этими странами отсутствовали. Единственной формой отношений являлась незначительная торговля на основе кратковременных торговых договоров, которая характеризовалась слабой динамикой роста и сбалансированностью. Переломным моментом в развитии отношений между Польшей и ФРГ стало подписание

7 декабря 1970 г. договора об основах нормализации двусторонних отношений. По мнению автора, договор явился лишь предпосылкой нормализации соглашений ПНР и ФРГ. Западногерманская сторона стремилась избежать недвусмысленного признания западной границы Польши, основываясь на тезисе, что окончательное установление границ является прерогативой мирного договора, который может быть подписан лишь от имени “Германии как целого”. Польша настаивала на признании нерушимости своей западной границы, стремилась придать договору характер соглашения о границах [1, с. 84]. Можно было также заметить большую заинтересованность Польши в развитии торговых, экономических, научно-технических связей с ФРГ, развитии культурных связей, туризма. Однако, отмечает А.Е. Липский, все это можно было начать реализовывать лишь после выполнения основного условия – признания послевоенного статус-кво, что и было зафиксировано в договоре Польша-ФРГ [1, с. 85].

Политика Польши в области нормализации двусторонних отношений с ФРГ в 70-е гг. XX в. рассмотрена и в работах В.Ю. Кузьмина [2, 3]. Автор обратил внимание на тот факт, что кроме сторонников были и противники заключения договора с ПНР. Председатель парламентской фракции ХДС/ХСС Р. Барцель обрушился с критикой на “восточную политику” Брандта-Шееля и заключение договора с ПНР. Однако после сложных переговоров с коалицией руководство ХДС все же выразило готовность пойти на урегулирование отношений с ПНР. Лидер оппозиционного блока Ф.-Й. Штраус, отмечает историк, назвал договор с ПНР “продуктом бессмысленной политики”, которая, по его мнению, была основана на том, что правительство ФРГ выступало только от имени ФРГ. К действиям оппозиции, направленным против договора, подключились и реваншистские переселенческие союзы [2, с. 35-36]. Таким образом, советские историки считают, что, несмотря на негативное отношение к договору оппозиционного блока ХДС/ХСС, большинство населения ФРГ встретило этот договор положительно.

Важное место в политике Польши и ФРГ на протяжении 50 – 70-х гг. XX в. занимал вопрос установления польско-германской границы на Одре и Нейсе. В советской историографии данная проблема недостаточно исследована. Среди работ следует отметить монографию Ю.В. Посаднева [4]. В ней освещается проблема западной границы ПНР в бундестаге ФРГ в 1969 – 1972 гг. Автор отмечает тот факт, что позитивно откликнувшись на предложение с польской стороны о нормализации двусторонних отношений, канцлер В. Брандт не упомянул, однако, о границе по Одре и Нейсе. Он реагировал на польское предложение хотя и положительно, но с большой осторожностью, оглядываясь на оппозицию. Член правления СДПГ, депутат Г. Апель, объясняя, почему в правительственном заявлении не шел разговор о границе по Одре и Нейсе, писал: “Правительство ФРГ не будет объявлять о признании границы по Одре и Нейсе западной границей Польши до завершения германо-польских переговоров” [4, с. 3-4]. В связи с ратификацией польско-западногерманского договора, отмечает Ю.В. Посаднев, в бундестаге развернулась острейшая политическая борьба, в результате которой, после выхода отдельных членов фракций СДПГ и СвДП, уменьшилось правительственное большинство в парламенте. Под сильным давлением оппозиции было принято “Совместное заявление” всех фракций бундестага, которое подтвердило, что этот договор не противоречит цели восстановления германского единства мирным путем и не создает международно-правовой основы для пересмотра существующих ныне границ. 17 мая 1972 г.

бундестаг одобрил договор с ПНР. Большинство депутатов ХДС/ХСС воздержались от голосования [4, с. 28-30].

Проблема польско-германской границы анализируется также в работе В.Н. Белецкого [5]. Автор отмечает, что на переговорах в 1969 – 1970 гг. основная борьба разгорелась вокруг вопроса о границе. Польская сторона с самого начала переговоров стремилась так сформулировать проект договора между ПНР и ФРГ, чтобы исключить возможность предвзятых толкований и споров в будущем. При этом, подчеркивает В.Н. Белецкий, ПНР исходила из того, что нормализация польско-западногерманских отношений возможна только в том случае, если Федеративная Республика Германия окончательно и безоговорочно признает западную польскую границу. ФРГ же выдвигала на передний план вопрос о взаимном обязательстве сторон относительно неприменения силы. Представители Бонна добивались таких формулировок и выдвигали такие предложения, которые давали возможность поставить под сомнение окончательный характер западной границы ПНР (в частности, вместо формулы ПНР, что западная граница “установлена” Потсдамским соглашением, западногерманская сторона предлагала записать “в соответствии” с главой IX Потсдамского соглашения) [5, с. 261]. Несмотря на противоречия в формулировках, в Варшавском договоре 1970 г., как отмечают советские историки, ФРГ признала рубеж Одер-Нейсе западной границей Польши.

Советские историки отмечают, что Польша внесла в политику мира и рядки важный, значимый вклад. Многочисленные польские мирные инициативы, выдвигаемые как самостоятельно, так и совместно с другими союзниками по Варшавскому договору, дипломатическая активность по их претворению в жизнь проанализированы в работе И. Чижевского [6]. Автор, характеризуя план Рапацкого, отмечает, что многие ученые и политики подчеркивали весьма гуманный характер польского предложения, говорили о его немалой значимости для нормализации отношений между Востоком и Западом. И все же Европа не дождалась установления в своей центральной части безатомной зоны. Кроме сторонников, были и многочисленные противники этой идеи. В первую очередь, по мнению исследователя, ее претворению в жизнь противились правящие круги ФРГ. Однако польская инициатива выполнила свои политические цели несмотря на то, что не была реализована. Дискуссии, касающиеся установления безатомной зоны, подчеркивает И. Чижевский, улучшали атмосферу отношений, содействовали сближению точек зрения представителей разных государств, входящих в противоположные политические и военные группировки, служили проведению международного диалога, снижали напряженность [6, с. 12-13].

Дипломатическую баталию за претворение в жизнь плана Гомулки следует отнести к числу важнейших и наиболее интенсивных в истории польской послевоенной дипломатии. Целью польского предложения, отмечает автор, было сохранение равновесия сил. Именно это и обеспечивал план, посредством установления системы всестороннего контроля. Обращалось внимание на факт, что Польша сознательно отказывалась вносить предложения по иным весьма важным аспектам разоружения, лишь бы не затормозить дела установления зоны замороженных вооружений [6, с. 15]. И все же план Гомулки не был осуществлен. Работа И. Чижевского является всесторонним анализом польских мирных инициатив со времени заключения Варшавского Договора и позволяет лучше понять польские концепции по вопросам разоружения в Европе.

Необходимо отметить, что в советской литературе из всех аспектов польско-германских отношений вопросы разоружения исследованы наиболее полно. Эта

проблема в довольно широком аспекте рассмотрена также в работах Н. Капченко [7], И.И. Орлик [8], А.А. Рощина [9]. Создание безатомной зоны, по мнению польского правительства, должно было привести к улучшению международной атмосферы, облегчить переговоры на тему разоружения и решения других спорных международных проблем. Однако западные державы заняли противоположную позицию. И.И. Орлик обратил внимание на отрицательное отношение госдепартамента США к польским предложениям, который считал что “они слишком ограничены, чтобы уменьшить угрозу ядерной войны или дать прочную основу для безопасности Европы”. Одновременно западные державы высказывали опасения, будто с созданием в Европе безатомной зоны “нарушится равновесие сил” [8, с. 43]. Н. Капченко в своей работе наоборот подчеркнул, что план создания безатомной зоны содействовал тому, что правительство ГДР внесло подобное предложение, целью которого было установление отношений взаимопонимания и мирного сотрудничества между государствами в бассейне Балтийского моря. В июне 1959 г. правительство ГДР обратилось с призывом превратить Балтийское море в зону, свободную от атомного и ракетного оружия. А 7 июля 1960 г. правительство ГДР обратилось с нотами к правительствам СССР, Польши и других стран о заключении двусторонних или многосторонних договоров о дружбе и сотрудничестве или о ненападении. Заключение таких договоров, по мнению исследователя, уменьшило бы угрозу вооруженного конфликта в Европе [7, с. 114-115].

Проблема военной разрядки в Центральной Европе рассматривалась также в работах В. Басманова [10] и И.С. Кремера [11]. Советские историки отметили негативное отношение западных стран к “плану Рапацкого”. По мнению И.С. Кремера, основной центр тяжести контраргументов правительства ФРГ лежал не в военной, а в политической области. Боннские деятели, отмечает автор, ставили вопрос таким образом, что сначала нужно добиться доверия между державами, а потом можно будет уже согласиться на какое бы то ни было разоружение. Доверия же можно достичь, если решить некоторые важные политические вопросы – добиться согласия СССР на включение ГДР в состав ФРГ. При этом руководители ФРГ полностью игнорировали желания и стремления ГДР [11, с. 74]. В. Басманов подчеркивал, что значение “плана Рапацкого” выходит далеко за рамки интересов Польши и других непосредственных участников предлагаемой зоны. Однако правительства государств – главных участников НАТО заявили о своем отрицательном отношении к плану и после того, как польское правительство учло в своих дальнейших заявлениях ряд соображений, высказывавшихся в западных странах, а именно осуществить все мероприятия в два этапа и связать их с сокращением обычных вооружений [10, с. 27]. По мнению советских историков, осуществление польского предложения, несомненно, могло бы стать важным шагом на пути к разрядке напряженности в Европе, к устранению угрозы возникновения истребительной ядерной войны на Европейском континенте.

В 60-е гг. XX в. на международной арене одной из ключевых проблем являлось решение западноберлинского вопроса. Урегулирование западноберлинской проблемы рассматривается в работах Г.М. Акопова [12], В.Н. Высоцкого [13], Г. Кайдерлинга [14] и др. О политических причинах бегства людей из ГДР, отмечает В.Н. Высоцкий, ничего не сообщалось. Внимание было заострено на “подрывной деятельности” Западной Германии [13, с. 187]. Г.М. Ако-

пов также отмечал, что в меморандуме (сентябрь 1961 г.) о мирном урегулировании западноберлинской проблемы правительство ГДР утверждало, что Западный Берлин используется со стороны Западной Германии при поддержке оккупационных властей для разжигания холодной войны и для подготовки войны против ГДР [12, с. 133]. По мнению авторов, возведение Берлинской стены имело не только международно-политические последствия, оно стало материализацией и символом железного занавеса и в то же время открыло дорогу процессу разрядки международной напряженности. Однако в работах советских историков позиция Польши в вопросе урегулирования западноберлинской проблемы не прослеживается.

Заклучение

Таким образом, работы, опубликованные в СССР о политике Польши по германскому вопросу, ограничивались рассмотрением лишь отдельных сторон проблемы. Внимание исследователей практически полностью сосредоточено на характеристике мирных инициатив ПНР. Советские историки едины во мнении, что проблема польско-германских отношений является ключевой во внешней политике Польши 50 – 70-х гг. XX в. Возникновение двух германских государств в 1949 г. поставило перед Польшей задачу установления дипломатических отношений с каждым из них. Они отмечают тесное сотрудничество ПНР и ГДР и обходят проблемы во взаимоотношениях двух стран. Нормализация отношений между ПНР и ФРГ осложнялась, по мнению советских историков, исключительно политикой ФРГ по отношению к ГДР и государствам, поддерживающим с ней дипломатические отношения, а также нежеланием признать послевоенные границы. Лишь только предложение В. Гомулки от 17 мая 1969 г., а также изменение политического облика правительства ФРГ открыли возможность для начала нормализационных переговоров. В советской историографии не учтен фактор влияния СССР на политику ПНР по германскому вопросу. В целом советскими историками внесен определенный вклад в изучение польской внешней политики в 50 – 70-е гг. XX в. Однако их работы страдают идеологической предвзятостью, что не позволяет в полной мере объективно осветить изучаемые проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Липский, А.Е.** Политика Польши в области нормализации двусторонних отношений с ФРГ / А.Е. Липский // Борьба социалистических стран за дальнейшую разрядку международной напряженности в Европе. – М.: ИЭМСС АН СССР, 1977. – С. 79-110.
2. **Кузьмин, В.Ю.** Важный фактор стабильности и добрососедства в Европе: Социалистические страны и ФРГ в 70-е годы / В.Ю. Кузьмин. – М.: Международные отношения, 1980. – 175 с.
3. **Кузьмин, В.Ю.** Стратегия мира и добрососедства. Политика европейских социалистических государств в отношении ФРГ и проблемы безопасности Европы в 70 – 80-е годы / В.Ю. Кузьмин, отв. ред. В.К. Волков. – М.: Наука, 1987. – 271 с.
4. **Посаднев, Ю.В.** Проблема западной границы ПНР в буддестате ФРГ в 1969 – 1972 гг. / Ю.В. Посаднев. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1983. – 30 с.
5. **Белецкий, В.Н.** За столом переговоров: обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах / В.Н. Белецкий. – М.: Политиздат, 1979. – 302 с.
6. **Чижевский, И.** Миролюбивая политика пародной Польши / И. Чижевский. – Варшава: Интэрпрэсс, 1985. – 41 с.
7. **Капченко, Н.** Внешняя политика стран – политика мира / Н. Капченко. – М.: ИМО, 1961. – 119 с.
8. **Орлик, И.И.** Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств (1965 – 1975) / И.И. Орлик. – М.: Наука, 1979. – 365 с.

9. **Роцин, А.А.** Послевоенное урегулирование в Европе / А.А. Роцин. – М.: Мысль, 1984. – 294 с.
10. **Басманов, В.** За военную разрядку в Центральной Европе / В. Басманов. – М.: Международные отношения, 1978. – 136 с.
11. **Кремер, И.С.** ФРГ: этапы “восточной политики” / И.С. Кремер. – М.: Международные отношения, 1986. – 224 с.
12. **Акопов, Г.М.** Западный Берлин. Проблемы и решения / Г.М. Акопов. – М.: Международные отношения, 1974. – 264 с.
13. **Высоцкий, В.Н.** Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений / В.Н. Высоцкий. – М.: Мысль, 1971. – 483 с.
14. **Кайдерлинг, Г.** Берлин 1945 – 1975 / Г. Кайдерлинг, П. Штульц. – М.: Прогресс, 1976. – 479 с.

Поступила в редакцию 12.03.2010 г.

УДК 2 (476)

В.В. ТАБУНОВ

ПОЗИЦИЯ ЕПИСКОПАТА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ПО ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗЫВА ПОМЕСТНОГО СОБОРА В НАЧАЛЕ XX в.

В статье анализируется позиция епископата белорусских земель по одному из актуальнейших вопросов жизнедеятельности православной церкви начала XX ст. – созыва Поместного собора и решения на нем наиболее важных проблем: избрание патриарха, наделение прихода статусом юридического лица, взаимоотношения с другими христианскими конфессиями и т.д. Несмотря на незначительные отличия в решении данного вопроса, представители черного духовенства были едины в одном – неотложном реформировании института православной церкви. Одним из элементов преобразовательного процесса являлся созыв Поместного собора.

Введение

В соответствии с каноническим правом для решения наиболее актуальных вопросов в жизни православной церкви следовало созывать Поместные соборы. Таковые перестали функционировать на территории Российской империи еще в XVIII ст., со времен преобразований Петра I, учредившего для контроля над деятельностью православной церкви Святейший синод во главе с обер-прокурором. После осуществления данной церковной реформы вопрос о необходимости созыва Поместного собора неоднократно поднимался духовенством. В очередной раз к нему возвратились в момент обострения внутривластной ситуации начала XX ст., когда в правительственной среде наметилась тенденция к рассмотрению возможности проведения преобразований института православной церкви.

Основная часть

Указом от 12 декабря 1904 г. правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. В ответ на это Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) в своей записке “Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви” кабинету министров указал, что такой закон поставит православие в неравное положение по сравнению с другими конфессиями, поэтому “не следует ли предоставить православной церкви большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководствоваться цер-

ковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов” [1, с. 21-22]. Он просил разрешения на созыв совещания духовенства и мирян, без представителей правительства, для разработки системы автономного существования церкви. На основании этой записки С.Ю. Витте было создано совещание по церковным вопросам, после которого появилась его записка, осуждавшая синодально-обер-прокурорскую систему и требовавшая созыва Поместного собора из духовенства и мирян для обновления церковного организма. К.П. Победоносцев потребовал перевода церковного вопроса из кабинета министров в Святейший синод. Возлагая надежду на консерватизм провинциальных епископов, он от имени Синода рекомендовал Николаю II разослать всем архиереям опросник о состоянии и необходимости преобразований православной церкви. Но его расчеты не оправдались. Большинство епископов выступало за реформирование института церкви [2, с. 45].

Епископы пяти епархий, расположенных на белорусских землях, в своих отзывах также высказались за проведение преобразований в православной церкви. Так, они поддержали идею о созыве Поместного собора для решения всех внутрицерковных вопросов (сокращение богослужения, пересмотр взаимоотношений со старообрядцами, разрешение проблемы смешанных браков и др.). При этом предполагалось на предстоящем соборе наделить правом решающего голоса только епархиальное начальство. Миряне и рядовые священники могли обладать только совещательным голосом. На соборе должны были состояться и выборы патриарха [3, с. 73, 143, 195, 328].

По мнению епископа Могилевского Стефана, “собору поместному” должны были еще предшествовать “соборы областные, митрополичьи”, а им – “соборы епархиальные”, последним – “благочиннические и приходские собрания”, чтобы таким образом могло быть осуществлено представительство клира и мирян как от низших, так и от высших организаций, “дабы неразрешенные церковные вопросы на низшей инстанции могли получить компетентное разрешение” в вышестоящих. Поместному собору как “свободному и полномочному органу” принадлежала бы вся полнота власти в церковном законодательстве “в отношении ко всей церкви и по всем частям церковной жизни”: в области веры и нравственности, церковной дисциплины и строя церковного управления”. Он созывался при участии монарха по мере надобности через более или менее значительные промежутки времени” [3, с. 143, 144-145].

Епископ Полоцкий Серафим предлагал последовательный способ избрания представителей мирян на собор: “Прихожане церкви, без участия причта, выбирают на приходском собрании выборщика. Затем эти выборщики собираются по благочиниям совместно с духовенством” и вместе избирают двух представителей – одного от мирян, другого – из среды священников. От каждой епархии на Поместном соборе должно было присутствовать не менее двух представителей. Предполагалось выборы в приходах сделать открытыми, а далее – закрытыми [3, с. 195-196].

Такого же принципа придерживался и епископ Литовский Никандр: каждый приход “избирает по одному представителю в благочиннический совет, на котором от благочиния избирается один мирянин и одно духовное лицо в состав епархиального съезда”, на котором выбираются два представителя в состав епархиального съезда. Последний избирает “двух членов от епархии”. Для предварительной разработки и подготовки вопросов, которые должны рассматриваться на соборе, из видных архипастырей и авторитетных богословов комплектуется особая комиссия, сохраняющая свои функции и во время собора – для рассмотрения вопросов, воз-

никших в момент его проведения и за “принятие которых к обсуждению высказалось не менее половины участников собора”. После открытия собор из числа епископов избирает председателя и только затем переходит к рассмотрению вопросов в порядке, установленном синодом. Решения принимаются большинством голосов [3, с. 328-329]. Вместе с тем, озабоченный активизацией римско-католического духовенства в своей епархии, где оно имело глубокие и прочные позиции, после указа 17 апреля 1905 г., он предлагал внести на рассмотрение Поместного собора вопрос о запрещении ксендзам заниматься миссионерской деятельностью в целях пополнения рядов своей паствы за счет православной церкви, путем воздействия “через высшее католическое духовенство, хотя бы для этого пришлось снестись с Римской курией”. Также он выдвигал предложение об открытии в Вильно православной духовной академии “для предотвращения успехам католичества”. В ней основной упор делался бы на миссионерскую работу [3, с. 337-338].

Заключение

Таким образом, обострение внутривосточной ситуации начала XX ст. поставило на повестку дня вопрос о реформировании института православной церкви. Одной из главных составляющих данного вопроса являлась проблема созыва Поместного собора для решения неотложных задач в области преобразования жизнедеятельности православной церкви. Руководство церкви в лице епископата на страницах своих отзывов в Синод предлагало комплекс мер, которые, по его мнению, должны были в итоге привести к созыву собора. Однако власти, заинтересованные в стабилизации внутривосточной ситуации в 1905 – 1907 гг., не проявили должного внимания к данному вопросу после спада революционного движения. В результате предложения епископов остались невостребованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Полонский, А.** Православная церковь в истории России: синодальный период / А. Полонский // Преподавание истории в школе. – 1996. – № 1. – С. 8-25.
2. **Поспеловский, Д.** Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42-55.
3. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: материалы по истории церкви. Кн. 33: в 2 ч. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 1 / ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева. – 1031 с.

Поступила в редакцию 25.09.2009 г.

УДК 2+281+291

В.В. СТАРОСТЕНКО

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

В статье рассматривается религиозно-правовой аспект проблемы взаимоотношения религии и образования в Республике Беларусь. Сформулированы понятия светского и религиозного образования. Раскрыты законодательные основы отделения государственной светской системы образования от церкви и от религиозного (теологического) обучения и воспитания.

Введение

Развитие в условиях постсоветской Беларуси свободы вероисповедания, сотрудничества государства и религиозных организаций актуализировало проблему взаимоотношения образования и религии. Несомненно, что знания о религии являются неотъемлемым компонентом общей и профессиональной культуры специалиста, образованности современного человека. Без знаний в области религии невозможно адекватно представить не только историю древних и средневековых цивилизаций, где религия выступала господствующей формой общественного сознания и одним из основных социальных институтов, но и цивилизационные процессы в современном мультикультурном, глобализирующемся и в значительной мере секуляризованном мире. Религиоведческие знания имеют не только познавательное, но и практическое социальное значение, поскольку способствуют межкультурному диалогу, упрочению толерантности, выступают препятствием для развития религиозного фанатизма и обскурантизма.

Однако знания о религии существуют, развиваются, и их преподавание может осуществляться, по меньшей мере, в трех различных формах – светской, религиозной и антирелигиозной (атеистической). Наиболее актуален вопрос о месте и форме преподавания знаний о религии в учреждениях государственной системы образования, в которых могут иметь место тенденции подмены светского образования религиозным, а религиоведческого знания – теологическим. Проблема взаимоотношения образования и религии рассматривается в данной статье с религиоведческо-правовой точки зрения. Основу современного национального законодательства в области свободы совести применительно к сфере образования и религии образуют Законы Республики Беларусь “О свободе совести и религиозных организациях” 2002 г. (далее – Закон 2002 г.), “Об образовании” 1991 г. (в редакции от 11 июля 2007 г.) и “О правах ребенка” 1993 г. (в редакции от 25 октября 2000 г.) [1; 2].

Основная часть

Прежде всего необходимо определиться с понятиями светского и религиозного образования.

Светское (государственное) образование.

Реализуя конституционный принцип свободы совести о праве каждого “самостоятельно определять свое отношение к религии” (ст. 31), законодательство Республики Беларусь закрепляет светский характер государственной системы образования.

В соответствии со ст. 4.1 Конституции Республики Беларусь Закон 2002 г. запрещает устанавливать в качестве обязательной для граждан идеологию религиозных организаций (ст. 6.1). В статье 9 Закона акцентируется внимание на принципах взаимоотношений образования и религии. Устанавливается, что “национальная система образования в Республике Беларусь носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии”. Подтверждается право граждан на равные возможности доступа к национальной системе образования независимо от их отношения к религии. При этом в учреждениях образования не допускаются создание и анонимная или иная противоречащая законодательству деятельность религиозных организаций. Идея “светского характера образования” заложена также в ст. 1 “Государственная политика в сфере образования” Закона “Об образовании”. На необходимость соблюдения принципа светскости образования неоднократно обращалось внима-

ние в адресованных учреждениях образования инструктивных документах Министерства образования.

Каким должно быть образование, чтобы соответствовать принципу светскости? Само понятие “светский” определяется в современном языкознании как “не церковный, мирской, гражданский” и противопоставляется “относящемуся к религии, к церкви” или “церковному, относящемуся к духовенству” (Толковый словарь русского литературного языка С.И. Ожегова; Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова). К терминологическому ряду понятия “светское образование” нами относятся такие определения, как “ознакомление с религиозными традициями”, “изучение религии”, “религиоведческое образование” и т.п., к формам выражения несветского образования – “обучение религии”, “религиозное образование”, “теологическое (богословское) образование”, “атеистическое образование” и т.п.

Чтобы удовлетворять требованиям национального белорусского законодательства о государственном образовании как светском, не преследующем цели формирования того или иного отношения к религии, оно, на наш взгляд, должно соответствовать определенным критериям:

- процесс обучения и воспитания носит в отношении религии мировоззренчески нейтральный и безоценочный характер, не отдает предпочтение какой-либо атеистической или религиозной идеологии;
- государственные учреждения образования не осуществляют обучения учащихся и студентов религии;
- образовательный процесс не ориентирован на приобщение молодежи к какому-либо религиозному вероучению или атеистической идеологии, вовлечение ее в религиозные или атеистические организации;
- религиозные объединения, их органы, учреждения или представители не руководят и не вмешиваются в деятельность государственных образовательных учреждений и органов управления образованием, в содержание и организацию учебного процесса, не осуществляют цензуры программ, учебной и учебно-методической литературы;
- в учебных заведениях не осуществляется религиозная или атеистическая пропаганда, не размещаются религиозная символика и предметы культа, не проводятся мероприятия религиозного и миссионерского характера, богослужения, религиозные обряды, ритуалы и церемонии;
- образовательная деятельность не направлена на профессиональную подготовку священнослужителей, теологов и церковного персонала.

Таким образом, светское образование как не преследующее цели формирования того или иного отношения к религии может быть определено как образование, которое не предполагает обучение какой-либо религии или атеистической идеологии, не направлено на катехизацию, “воцерковление” или другие формы вовлечения учащихся в религиозные организации, подготовку богословских кадров и служителей культа, не включает в себя культурные практики и исключает вмешательство религиозных организаций в деятельность государственных образовательных учреждений и содержание учебного процесса.

Светское образование не должно иметь ни атеистического, ни религиозного содержания. Вместе с тем светский характер государственного образования не исключает возможности и даже необходимости ознакомления учащихся и студентов с многообразием феноменов религии и свободомыслия, их ролью в исто-

рии и культуре человечества. Несомненное значение имеет знание религиозных традиций как части социокультурного опыта своего народа, прав и свобод граждан применительно к области религиозной жизни.

Адекватной светской формой преподавания знаний о религии в государственных высших учебных заведениях является религиоведение. По мнению одного из ведущих специалистов в области современной методологии религиоведения А.Н. Красникова, главный урок изучения собственно религиоведческой традиции состоит в том, что религиоведение “должно развиваться путем постоянного размежевания с теологией и атеизмом”, абстрагироваться как от цели апологии верований, культовых и организационных форм той или иной конфессии, так и от задачи критики религии [3, с. 7]. Данный учебный курс предусматривает приобретение студентами научных, не ангажированных религиозным либо атеистическим мировоззрением, объективных и беспристрастных знаний по теории и истории религии, свободомыслия и свободы совести, в том числе применительно к прошлому и настоящему Беларуси. Наряду с вузовским “Религиоведением” религиоведческие курсы с учетом возрастных особенностей обучаемых могут преподаваться и в учреждениях, обеспечивающих получение базового, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального образования – в виде занятий по “Основам религиоведения”, “Истории религии”, “Истории мировых религий” и т.п. В средней школе оптимальными видятся факультативные курсы по данным предметам.

Светскость государственного образования не исключает сотрудничества государственных и религиозных учреждений. В частности, то, что религиозные организации не вправе определять содержание и осуществлять цензуру учебного процесса в национальной системе образования, не могут препятствовать привлечению их органов или представителей в качестве консультантов при разработке программ, учебной и учебно-методической литературы.

Утверждая светский характер образования, законодательство Республики Беларусь допускает возможность взаимодействия учреждений образования с зарегистрированными религиозными организациями, с учетом их влияния “на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа”. Но сфера такого взаимодействия законодательно не включает процесс обучения, оно допустимо лишь “в вопросах воспитательной деятельности” и “во внеучебное время”. Основанием для этого служат письменные заявления родителей или лиц, их заменяющих (самих совершеннолетних обучающихся) (ст. 9.4 Закона 2002 г.). Законодательные ограничения деятельности религиозных организаций в государственных учебных учреждениях обусловлены определяющим правом родителей в воспитании своих детей. Согласно ст. 5 Закона 2002 г. родители или лица, их заменяющие, по взаимному согласию вправе воспитывать своих детей в соответствии со своим собственным отношением к религии. Государство не может вмешиваться в воспитание ребенка, основанное на определенном религиозном мировоззрении родителей или лиц, их заменяющих. Схожая норма содержится и в ст. 10.2 “Право на определение отношения к религии” Закона “О правах ребенка”. Там же фиксируется и право каждого ребенка “самостоятельно определять свое отношение к религии, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой” (ст. 10.1). Данные законодательные нормы не могут быть реализованы без строгого соблюдения светскости государственного образования.

Важно обратить внимание и на проблемность идеи осуществления воспитательного процесса в государственных учреждениях с позиции духовно-нрав-

ственных ценностей определенных конфессий, которая активно пропагандируется некоторыми современными религиозными “педагогами-новаторами”. Данная “передовая педагогическая технология” не является светской, так как может быть реализована в целостном виде только в случае принятия воспитуемыми догматических основ определенной религии (“нравственность через веру”). Нельзя не учитывать и многообразие нравственных ценностей религиозной идеологии, которые не ограничиваются идеями и образами гуманистического содержания (“не убивай”, но можно убивать ради веры и т.п.).

Нередко высказывается мнение о возможности и правомерности введения в государственных учебных заведениях Республики Беларусь теологии, известна практика открытия в них теологических образовательных учреждений и структурных подразделений. Однако теология (греч. *theologia*, от *theós* – бог и *lógos* – слово, учение), или богословие, – это учение или совокупность доктрин о сущности и бытии Бога. Теология признает единственную (эксклюзивную) истину, являющуюся частью канона определенного (собственного) вероучения, и задана рамками Божественного Откровения, выход за пределы которого ведет к “ереси”. Теология по определению носит религиозный характер, неотделима от религиозной веры. Невозможно быть богословом, не являясь верующим определенной конфессии. Теологический подход, в отличие от религиоведческого, необходимо предполагает веру в Бога, конкретную конфессиональную принадлежность.

Теология ориентирована на обучение религии и воспитание в духе религиозного мировоззрения, на конфессиональную социализацию обучаемых. Она формирует вполне определенное (собственно религиозное) отношение к религии, и на этом основании не может быть отнесена к светскому знанию. Невозможно оспорить значение теологии как дисциплины религиозного образования, но ее преподавание естественно для конфессиональных (“духовных”) учебных заведений, а не для светских государственных вузов.

Преподавание теологии в государственных учебных заведениях имеет место главным образом в странах, где существует государственная религия или сохраняется давняя соответствующая традиция в образовательной деятельности. Известно, что с момента образования в эпоху Средневековья многих западноевропейских университетов в них действуют институты теологии. Однако в современном мире единение светского и теологического образования не является общепринятым (Франция, США, Япония, Китай и др.). Но более существенно то, что отечественная педагогика такой традиции не имеет вовсе. Даже в Российской империи, где православная церковь была официальной, в государственных (императорских) университетах не было теологических факультетов и не велось подготовки теологов.

Несмотря на отсутствие традиции и должного правового обоснования, в Республике Беларусь осуществляется уникальный для постсоветского пространства эксперимент по введению государственного теологического учебного заведения в состав ведущего университета страны – Белорусского государственного университета. “Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла” Белгосуниверситета функционирует с октября 2004 г. Несмотря на декларации о светском характере института, фактически он является религиозным учебным заведением. В явном противоречии с законодательно закрепленным в Республике Беларусь принципом светскости государственного образования находится целый ряд аспектов его деятельности. Данному принципу не соответствует, в час-

тности, прием абитуриентов по характеристикам-рекомендациям настоятелей церковных приходов, существование в вузе должности духовника, обязательной катехизаторской практики и литургической учебной практики; функционирование собственного храма (часовни), участие обучаемых в богослужениях, начало и завершение всех занятий молитвой, предварение учебного года молебном и т.п. [4]. Идея светскости не соответствует и та установка в работе Института теологии, что “молитвенное начало является укрепляющей основой всей деятельности Института, дарует необходимые духовные и душевные силы” [5]. Показательно также, что при Институте теологии функционирует воскресная школа для детей школьного возраста [6], тогда как по законодательству право создания воскресных школ принадлежит лишь религиозным организациям, причем без права использования помещений, принадлежащих государственным учреждениям образования (ст. 9. 5 Закона 2002 г.; см. также ст. 9. 3, ст. 39 Закона 2002 г.). Более того, если Институт теологии – государственное учреждение, то он нарушает ст. 9.3 Закона 2002 г., согласно которой в учреждениях образования не допускаются создание и анонимная или иная противоречащая законодательству деятельность религиозных организаций. Ст. 39 Закона 2002 г. предусматривает ответственность за создание религиозных организаций в государственных органах и учреждениях, включая образовательные. Конкретная юридическая ответственность за нарушения законодательства в данной области предусмотрена статьей 9.9. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Не может также не настораживать и определение сферы профессиональной деятельности выпускников-теологов Института теологии БГУ. Предполагается, что конфессионально ориентированные специалисты не ограничатся преподаванием богословских предметов, несомненно востребованных в религиозных учебных заведениях. Планируется, что их педагогическая деятельность может быть связана с преподаванием богословских, религиоведческих и иных гуманитарных дисциплин в учебных заведениях всех видов и типов. Более того, сам Институт теологии БГУ на своем официальном сайте совершенно необоснованно, при игнорировании многолетней практики подготовки религиоведов в ряде университетов Республики, заявлялся “единственной в Беларуси образовательной структурой, которая подготавливает профессиональных теологов и религиоведов в сфере светского образования” [4; 7]. Наряду с системой образования и научной работой возможной сферой деятельности выпускников объявляются также органы государственного управления [8], где заведомо требуются не религиозно ориентированные специалисты, а критически мыслящие управленцы-правоведы, обладающие религиоведческими знаниями и ставящие во главу угла не конфессиональные или в целом религиозные, а государственные интересы.

При этом мы полагаем, что созданная вокруг Института теологии правовая коллизия имеет юридически корректное и взаимоуважительное, с соблюдением интересов сторон разрешение. Оно возможно посредством преобразования статуса Института из государственного в религиозное (духовное) учебное заведение и передачи его в исключительную юрисдикцию Белорусского Экзархата Московского Патриархата.

Следует обратить внимание и на то, что ситуацию с теологическими новациями в системе современного государственного образования не спасает и идея так называемого “светского теологического образования”, причем уже в силу явной и сущностной алогичности последнего определения. Даже идеологи такого по-

нятийного нововведення в Беларусі признають, што тэалогія – гэта “сістэма бо-гопознання, якая опіраецца на сведцельства жывога божэсцвеннага адкры-вення”, і яна “невозможна вне рэлігійнага вопыта”; “внеконфэсійнальнай тэалогіі не існуе”, а “універсітэцкі факультэт ці інстытут тэалогіі павінен... ісповедваць догматычныя абавязальнасці перад той царквой, ад імяні якой он абуцае тэалогіі” [9]. Як “інтэлектуальную складалую царквеннай жыцця” характэрызуе богасловіе Патрыярх Маскоўскі і ўся Русі Кіріль. Заметым, што сам галава Рускоў Праваслаўнай царквы (РПЦ) не адносіць тэалогію да светскіх дысцыплін, калі рассуджае, што “для светскай навуцы карысна мець сапрыкасненне з богасловіем у рамках універсітэтаў” [10]. Галава Беларускай Праваслаўнай царквы лічыць, што “у нас у Беларусі, як і ў Расіі, ідзе працэс як бы ацеркаўлення светскага адукацыі і навукаў шляхам арганізацыі богасловескіх факультэтаў” [11].

Больш вызначаныя суждзеныя аб адносінах тэалогіі і навукаў звучат на афіцыйных мерапрыятых РПЦ. Так, на Юбілейным Архіерэйскім саборы РПЦ 2000 г. фармуліравалася задача “воцеркаўлення” навукаў, іх трансфармацыі ў духе тэізма. У саборным дакладзе “Праваслаўнае адукацыі для мірыян на парозе новага тысячагоддзя і яго значэнне для адроджэння Рускоў Праваслаўнай Царквы” прэсідэнта Адрэа па рэлігійнаму адукацыі і катэхізацыі Маскоўскага Патрыярхата ігумена Іаанна (Эканомцава) адзначалася: “Праваслаўныя людзі не павіны прэбываць толькі за царквеннай агародай, яны прызваны воцеркавіць навуку, аддзяліць у ёй навучныя факты ад ложных ідэалагічных штампав і доктрын, імкнуцца пабудаваць падлінае навучнае веданне на фунда-менце Богапознання” [12]. Як адкрыта выказаўся аб царквенным значэнні тэалогіі рэктар Праваслаўнага Свята-Тыхонаўскага гуманітарнага універсітэта працоіерей В. Вороб’ев, “препадаваць тэалогію без Царквы – гэта абсурдна таксама, як препадаваць музыку без музыкантаў”, а “паказаць людзям дарогу да Богу праз тэалогію – гэта сёння вельмі важна...” [13].

Заслужывае таксама увагі фармуліраванне саборнікамі тэалогізацыі дзяржаўнага адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь мэты гэтага працэса: “перспектыўнай мэтай светскага тэалагічнага адукацыі з’яўляецца карэкцыя безрэлігійнага і псевдарэлігійнага ведання” [9]. Падобныя эксперымэнты ў сферы дзяржаўнага адукацыі вступаюць у процівар’е не толькі са заканадаўчым прынцыпам светскісці, але і са нормамаі аб свабодзе сумлення Канстытуцыі (ст. 31) і Закона 2002 г.: “каждый мае права на свабоду выбара атеістычных ці рэлігійных перакананняў, а імянна: самастойна вызначыць сваё адносінае да рэлігій, аднолічна ці сумесна са другімаі ісповедваць любую рэлігійу ці не ісповедваць нікакой” (ст. 4). Кромэ таго, рэлігійнае адукацыі – гэта форма некультовай рэлігійнага дзейнасці, а заканадаўства забараняе любое прымушэнне пры вызначэнні свайго адносінае да рэлігій, да ісповеданню той ці іншай рэлігій, да ўдзелу ці неўдзелу ў дзейнасці рэлігійнага арганізацыі (ст. 5.2 Закона 2002 г.).

У наш час з адукацыі працэса ў дзяржаўных вузах вытэсняецца светскае вывучэнне рэлігій – рэлігійнае веданне. Данная дысцыпліна (нараду са культуралогіяй, этыкай, эстэтыкай, логікай, асновамаі права, правамаі чалавека і др.) была аб’яўлена рэспубліканскім адукацыі стандартам па цыкле сацыяльна-гуманітарных дысцыплін 2006 г. “курсам па выбору”, прычым “абраць” з гэтых семі дысцыплін пры, напрыклад, 4–4,5-летнім адукацыі можна не толькі два курсы [14]. Адночасна заяўлена аб разработцы дзяржаўнага

стандарта по спецыяльнасці “Тэалогія”, учебнай праграмы і метадычнага забеспячэння курса (па выбару) “Асновы тэалогіі” для студэнтаў гуманітарных спецыяльнасцей вузав, учебнага плана і учебных праграм па спецыяльнасці “Тэалогія” для вузав. Кромэ таго, плануецца ўдзел Беларускага Экзархата Маскоўскага Патрыярхата ў доработке стандарта агульнага сярэдняга адукацыі, ў правядзенні экспертызы дзействующих і разрабываемых учебных праграм, учебнікаў і учебных пасобій па прадметам сацыяльна-гуманітарнага цыкла і т.п. [15]. Прыклады такога рода, наряду з спробамі уравниць учыны і богасловскія ступені ў сістэме дзяржаўнай атэстацыі навучных кадраў, яўляюцца сведчаннямі актывізацыі працэса клерыкалізацыі дзяржаўнага адукацыі.

Рэлігійнае (канфэсійнае) адукацыі.

Адноўчасна з утвяджэннем светскага характэра дзяржаўнай сістэмы адукацыі заканадаўства Рэспублікі Беларусь вызначае шырокія магчымасці атрымання рэлігійнага адукацыі ў канфэсійных адукацыйных ўстановах.

Рэлігійнае адукацыі можна вызначыць як адукацыі на аснове вызначанага рэлігійнага веравання з мэтай адукацыі какой-лібо рэлігій і культываючай практыкі, накіраванае на атраманне адукачых у рэлігійныя арганізацыі, падрыхтоўку служыцеляў кulta і богасловскіх кадраў, ажыццяўляемае пад кіраваннем ці кантралем рэлігійных арганізацыі, дапускаючае ажыццяўленне богаслужыцтваў, рэлігійных абрадаў, рытуалаў і церамоній. Стварэнне ўстановаў рэлігійнага адукацыі і непасрэднае кіраванне імі, вызначэнне зместу адукацыйных праграм, метадык і тэхналогій прадпавадана знаходзіцца ў юрысдыкцыі адпаведных рэлігійных аб’яднанняў.

Согласно Закону 2002 г. зарэгістраваныя рэлігійныя арганізацыі ў адпаведнасці са сваімі уставамі маюць права ствараць для рэлігійнага просвешчання дзяцей і вярзрослых учебныя групы і воскресныя рэлігійныя школы. Для гэтага могуць існававаць прыналежашыя і прадстаўляемыя ім у выкарыстанне памяшчэння, кромэ памяшчэнняў, прыналежащих дзяржаўным ўстановам адукацыі (ст. 9). Кромэ таго, за рэлігійнымі аб’яднаннямі прызнаецца права ствараць “духовныя учебныя заведеныя” для прафэсійнага падрыхтоўкі свяшчэннаслужыцеляў, тэологаў і царкоўнага персанала (ст. 27). Гэтыя заведеныя падлягаюць дзяржаўнай рэгістрацыі, іх умовамі з’яўляюцца наяўнасць неабходных учебных памяшчэнняў, забеспячэннасць прадпавадальскімі кадрамі, імаючымі адпаведнае адукацыі і валодаючымі дзяржаўнымі мовамі (ст. 19). Прычым грамадзяне, адукачыхся ў высшых і сярэдніх “духовных учебных заведеныях”, карыстаюцца правамі і льготамі, устаанавленымі для студэнтаў дзяржаўных учебных заведеныў (ст. 27 Закона 2002 г.).

В наш час у Беларусі дзейнуюць сотні воскресных школ различных конфессий, кадры тэологаў і свяшчэннаслужыцеляў гатуюць 14 рэлігійных учебных заведеныў, 5 з якіх (Мінская духоўная акадэмія і духоўная семінарыя, духоўныя училишча) прыналежаць Беларускаму Экзархату, а 9 (включая два Тэалогічныя інстытута) – шасці іншым рэлігійным аб’яднанням. Прычым у учебных заведеныях праваслаўнай і іншых царквей тэалогіі адукачыхся не толькі грамадзяне Рэспублікі Беларусь, но і інастранны, імае месца і адваротная практыка – атраманне беларусамі тэалогічнага адукацыі ў дру-

гих странах. Действующее законодательство позволяет религиозным организациям устанавливать и поддерживать международные связи и контакты, в том числе в целях получения религиозного образования, а также приглашать для этих целей иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 29 Закона 2002 г.).

Заклучение

Таким образом, реализация правовых норм, устанавливающих светский характер государственной системы образования в Республике Беларусь, подразумевает разведение понятий и практики религиозного и религиозного (теологического) образования. Первое подразумевает преподавание мировоззренчески нейтральных знаний о религии, второе ориентировано на обучение религии и соответствующую социализацию. Теология не является формой светского образования, попытки ее внедрения в государственную систему образования противоречат нормам правового поля Республики Беларусь. При этом конфессиональные организации имеют все необходимые правовые возможности для осуществления религиозной образовательной деятельности без вступления в конфликт с законодательством Беларуси о светском характере национальной системы образования. Естественным условием последовательного соблюдения конституционного принципа свободы совести выступает взаимное невмешательство религиозных организаций и государства в компетенции сторон, отделение государственной светской системы образования от церкви и от религиозного обучения и воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Беларусь "О свободе совести и религиозных организациях". – Минск: Право и экономика, 2003. – 24 с.
2. Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь: Сборник документов и материалов / авт.-сост. М.В. Цвилик; под ред. В.И. Новицкого. – Минск: Четыре четверти, 2005. – 336 с.
3. **Красников, А.Н.** Методологические проблемы религиоведения: Учебное пособие / А.Н. Красников. – М.: Академический Проект, 2007. – 239 с.
4. Официальный сайт Института теологии БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inst.by/basis/about-hist.html>. – Дата доступа: 30.04.2008 г.
5. Институт теологии // Сайт христианского образовательного центра святых Мефодия и Кирилла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.christeducenr.by/old/christeducenr.by/russian/projects/faculty/11.html>. – Дата доступа: 3.02.2010 г.
6. Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белгосуниверситета // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.church.by/resourcе/Dir0301/Dir0302/Page2451.html>. – Дата доступа: 25.09.2009 г.
7. Белорусский православный информационный портал Собор.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sobor.by/idnews.php?id=2008-Mar-2-21:16:18>. – Дата доступа: 30.04.2008 г.
8. Историческая информация к визиту Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Беларусь 25–28 сентября 2009 года. Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белгосуниверситета // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.church.by/resourcе/Dir0301/Dir0302/Page2451.html>. – Дата доступа: 25.09.2009 г.
9. **Довгалло Г.А.** Система светского образования и теология // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.church.by/resourcе/Dir0301/Dir0302/Page0819.html>. – Дата доступа: 30.04.2008 г.
10. Святейший Патриарх Кирилл удостоен степени доктора богословия Института теологии Белорусского государственного университета // Официальный сайт Отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ru/2009/09/26/news1732>. – Дата доступа: 26.09.2009 г.
11. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет считает введение "Закона Божия" в школах оптимальным для Белоруссии // Агентство религиозной информации "Благовест-Инфо"

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=9174>. – Дата доступа: 29.09.2006 г.
12. Доклад игумена Иоанна (Экономцева), председателя Отдела по религиозному образованию и катехизации Московского Патриархата на Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ. Москва, Храм Христа Спасителя, 13-16 августа 2000 года // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/s2000r38.htm>. – Дата доступа: 10.04.2010 г.
  13. Протоиерей Владимир Воробьев: Теология – древнейшая наука, с нее начинались все европейские университеты // Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1133908.html>. – Дата доступа: 10.04.2010 г.
  14. Руководящий документ Республики Беларусь “Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Цикл социально-гуманитарных дисциплин”. – Минск: Министерство образования Республики Беларусь, 2006.
  15. Программа сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церкви на 2007 – 2010 гг. // Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.church.by/resource/prog_edu.rtf. – Дата доступа: 30.04.2008 г.

Поступила в редакцию 21.01.2010 г.

УДК 271.22(476)

С.М. ВОСОВИЧ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БЕЛАРУСИ В 1860-х гг. – НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматривается появление в Беларуси благочиннических съездов и советов, окружных училищных и епархиальных съездов духовенства. Показано влияние изменений епархиального управления на культурно-просветительскую деятельность духовенства во второй половине XIX – начале XX в.

Введение

В отечественной исторической науке оказались недостаточно изучены изменения, происшедшие в епархиальном управлении Русской православной церкви в Беларуси в 1860-х гг. – начале XX в. В связи с этим в данной статье поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть изменения системы епархиального управления в указанный период; 2) показать влияние этих изменений на культурно-просветительскую деятельность духовенства.

Основная часть

Восстание 1863 – 1864 гг. вызвало сильный подъем религиозных и патриотических чувств у православного духовенства Беларуси, которое активизировало свою религиозно-просветительскую деятельность. С целью консолидации населения для защиты интересов православной церкви и российской государственности по инициативе приходского духовенства Беларуси даже без ведома гражданских властей и Св. Синода восстанавливались старые и создавались новые православные братства. В ходе восстания объединялись не только священно- и церковнослужители с наиболее активными прихожанами, но и происходило сплочение самого духовенства. Священники стремились объединиться как для активизации своей религиозно-просветительской работы, так и для бо-

лее эффективного решения спорных вопросов и различных недоразумений, возникавших в их повседневной практике. Результатом такого единения явилось создание в Минской епархии органов местного духовного самоуправления, до этого не существовавших в других регионах Российской империи, – благочиннических съездов и советов. Позднее указанные органы управления были организованы во всех остальных епархиях Беларуси. При этом в Литовской епархии благочиннические съезды были созданы по инициативе приходского духовенства некоторых благочиний.

Благоприятную почву для учреждения в Беларуси благочиннических съездов создала практиковавшаяся тогда раздача благочинными жалованья, при которой в некоторых местах образовались собрания священников и причетников. Оказал влияние и имевшийся опыт созыва бывших униатских конгрегаций. Но главная причина заключалась в необходимости коллективной разработки и проведении мероприятий по противодействию усилившейся с конца 1850-х гг. римско-католической пропаганды.

Первый в Минской епархии благочиннический съезд духовенства состоялся 31 декабря 1863 г. в Брагинском благочинии Речицкого уезда. В указанный день 11 священников под председательством местного благочинного приняли ряд постановлений, направленных на ограждение православных прихожан от влияния римско-католической церкви. Были приняты также решения об организации воскресных и праздничных бесед с народом, о распространении грамотности, о распределении церковных сумм и причтовых земель. Положительные результаты Брагинского съезда и пожелания некоторых благочинных провести подобные мероприятия в своих округах подтолкнули минского архиепископа Михаила 15 августа 1865 г. разрешить устроить аналогичные съезды в других местах Минской епархии [1, с. 1743]. Первый подобный благочиннический съезд после получения духовенством такого разрешения состоялся 13 декабря 1865 г. в г. Минске в квартире местного благочинного, священника Н. Смолча [2, с. 98-99].

Впоследствии благочиннические съезды стали проводиться в остальных епархиях Российской империи. Причем Литовская духовная консистория составила первые в Северо-Западном крае правила о благочиннических, окружных и епархиальных съездах, которые окончательно были утверждены архиепископом Макарием 25 мая 1874 г. после их доработки на IV епархиальном съезде (первый вариант правил действовал в виде опыта в течение трех лет с 1870 г.) [3].

Благочиннические съезды собирались для избрания не только некоторых должностных лиц округа, но и депутатов на первые училищные и епархиальные съезды в некоторых белорусско-литовских епархиях. Съезды духовенства благочиннических округов придавали большое значение выработке мероприятий по укреплению веры и нравственности у своих прихожан, принимали постановления об открытии церковно-приходских школ, организации внебогослужебных бесед и чтений, учреждении благочиннических и приходских библиотек. На этих съездах священники обсуждали мероприятия по благоустройству церквей и разрабатывали меры по ограждению прихожан от пропаганды неправославных обществ. Съезды разрешали спорные вопросы, возникавшие в пастырской и служебной деятельности священников, одобряли или осуждали действия некоторых священно- и церковнослужителей, обличали и вразумляли иереев, небрежно выполнявших свои обязанности, регулировали и упорядочивали взаимоотношения между членами причтов. Особое внимание обращалось на благопристойность поведения духовен-

ства во время служб с тем, чтобы причты не совершали действий, способствовавших ослаблению религиозных чувств у богомольцев и не вызывали у прихожан уклонений от посещения церкви. Примечательно, что некоторые епископы Беларуси даже поощряли созыв благочиннических съездов, учитывая их соответствие духу Вселенской соборной церкви, ее правилам и обычаям. Благочиннические съезды духовенства способствовали пробуждению самостоятельности духовенства, облегчали епархиальное управление.

15 августа 1865 г. архиепископ Минский и Бобруйский Михаил сделал первое в Российской империи распоряжение об учреждении благочиннических советов. Указанные учреждения создавались для скорейшего и беспристрастного рассмотрения спорных дел и недоразумений, возникавших среди членов причта, облегчения работы епархиального руководства и предотвращения злоупотреблений на службе. Быстрое решение указанных вопросов создавало благоприятные условия для проведения духовенством религиозно-просветительской работы. Кроме того, благочиннические советы занимались решением дел, непосредственно затрагивавших культурно-просветительскую деятельность духовенства. Например, указанные учреждения обязаны были по клировым ведомостям проводить аттестацию священно- и церковнослужителей, учитывая их культурно-просветительскую работу, добросовестное исправление треб, благоговейное совершение богослужений, примерное поведение и учительство в церковных школах, проповедничество и миссионерство. В Литовской епархии на благочиннические советы с 1890 г. была возложена обязанность строительных комитетов: они контролировали возведение причтовых зданий. Примечательно, что правила благочиннических советов Литовской епархии легли в основу соответствующих правил большинства российских регионов. При этом указанные правила в некоторых епархиях Российской империи были приняты без изменений (например, в Минской епархии), а в других – с некоторыми исправлениями и дополнениями. Таким образом, активизация просветительской деятельности римско-католической церкви с конца 1850-х гг. и восстание 1863 – 1864 гг. подтолкнули духовенство Беларуси, особенно в западных и центральных регионах, создать благочиннические съезды и советы.

Если благочиннические учреждения возникли только благодаря инициативе местных епархиальных властей, а не на основе какого-либо закона Российской империи, и не имели твердой законодательной базы для своей деятельности, то окружные училищные и епархиальные съезды духовенства были созданы на основе устава духовных семинарий и училищ 1867 г. [4; 5]. Епархиальные и училищные съезды были разрешены с целью большего сближения духовно-учебных заведений с приходским духовенством. В то же время учитывалась необходимость привнесения в систему епархиального управления элементов самоуправления, коллегиальности и демократичности выборов вследствие реформирования российского общества в 60-х гг. XIX в.

В состав каждого семинарского правления, обсуждавшего все дела среднего православного духовного учебного заведения, были включены три священнослужителя, которые избирались духовенством епархии сроком на шесть лет и утверждались местным правящим архиереем. Предоставление духовенству права иметь своих представителей в семинарском правлении должно было заинтересовать священно- и церковнослужителей в участии в делах семинарии, нахождении и выделении средств к ее благоустройству. С другой стороны, присутствие в правлении избранных духовенством лиц должно было расположить само се-

минарское правление к более ответственному и основательному обсуждению и решению дел, непременно связанных с интересами епархии.

Помимо заботы о семинариях духовенство обязано было “иметь попечение об училищах”. Для этого один или два раза в год по решению епархиального руководства созывались окружные училищные съезды. Депутаты на съезды избирались по одному от каждого десятка причтов. Помимо депутатов на съездах обязательно присутствовали члены училищного правления, избранные духовенством. Окружные училищные съезды находили средства на содержание своих учебных заведений.

Принятие новых уставов семинарий и мужских духовных училищ в 1884 г. несколько изменило проведение съездов духовенства. С целью расширения власти архиереев им было предоставлено право определять время созыва епархиальных и училищных съездов, число депутатов, способ их избрания и круг рассматриваемых вопросов. Причем члены семинарского собрания от духовенства избирались только на три года. Архиереям рекомендовалось созывать съезды только в случае необходимости, чтобы не обременять само духовенство и не препятствовать совершению треб в сельских приходах [6].

Если окружные съезды до начала XX в. ограничили свою деятельность строго экономическими вопросами, то епархиальные съезды, как свидетельствуют многочисленные журналы епархиальных съездов духовенства Беларуси, опубликованные в местных епархиальных ведомостях, расширили со временем свою компетенцию. Этому способствовало постепенно укрепившееся в обществе представление об епархиальных съездах как о собраниях духовенства, в обязанности которого входило изыскание средств на удовлетворение общепархиальных нужд. Население переносило на всю епархию масштабы деятельности епархиальных съездов, которые определяли средства как на открытие параллельных классов при семинариях, так и на содержание женских духовных училищ – общепархиальных учреждений. Поэтому и само духовенство постепенно распространило полномочия съездов на другие религиозно-просветительные и благотворительные учреждения. В свою очередь, епархиальное руководство, признавая огромную роль священнослужителей в решении общепархиальных проблем, само предлагало съездам рассматривать вопросы, не входившие по закону в их компетенцию, но имевшие общепархиальное значение. В результате епархиальные съезды стали заниматься пастырской, миссионерской, религиозно-просветительской, церковно-школьной и церковно-благоустроительной деятельностью духовенства, устройством его быта, организацией приходской жизни, улучшением положения членов семей священно- и церковнослужителей, то есть проблемами, которые изначально не являлись предметом их обсуждения. Со временем и правительство начало рассматривать епархиальные съезды как вспомогательный орган власти. В соответствии с циркулярным указом Св. Синода № 16 от 28 июля 1909 г. церковным старостам было предоставлено право участвовать в работе епархиальных и благочиннических съездов при рассмотрении церковно-хозяйственных вопросов.

Следует признать, что епархиальные съезды в разных епархиях не находились в одинаковом положении. Не везде им была предоставлена широкая сфера деятельности. Она зависела как от взглядов и настроений духовенства, так и от личного усмотрения и взглядов правящих архиереев. Следует учитывать и периоды пребывания архиереев во главе епархий, так как с прибытием новых епископов временами изменялся и характер деятельности съездов.

Несмотря на все встречавшиеся трудности, епархиальные и училищные съезды прочно утвердились в церковной жизни и оказали огромную услугу духовенству, изыскав средства на открытие параллельных отделений при семинариях, устройство и содержание мужских духовных училищ и женских учебных заведений. Кроме того, епархиальные съезды в некоторых белорусско-литовских епархиях постепенно определили развитие различных форм культурно-просветительской деятельности духовенства, направленной на утверждение в народе православной веры и религиозного образа жизни.

Заклучение

Таким образом, в ходе реализации реформы духовных учебных заведений на основании уставов 1867 г., а также по инициативе самого духовенства, стремившегося противодействовать восстанию 1863 – 1864 гг., в белорусско-литовских епархиях и были созданы новые органы епархиального управления: благочиннические съезды и советы, епархиальные и училищные съезды духовенства. Учреждение указанных институтов способствовало не только совершенствованию системы епархиального управления, но и расширению, активизации культурно-просветительской деятельности духовенства, что было чрезвычайно важно в новых, изменившихся условиях, в которых оказалось духовенство Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Самуилов, В.** Благочиннические съезды / В. Самуилов // Прибавление к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1900. – № 43. – С. 1743-1749.
2. **Рункевич, С.Г.** Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апреля – 1893) / С.Г. Рункевич. – Минск: типо-литография В.И. Соломонова, 1893. – 126 с.
3. Проект правил третейского суда, благочиннического совета и съездов благочиннического, окружного училищного и епархиального, составленных на 4 епархиальном съезде, рассмотренных Консисторией и утвержденных 25 мая за № 316 Его Высокопреосвященством на три года // Литовские епархиальные ведомости. – 1874. – № 24. – С. 185-190.
4. Устав православных духовных семинарий // Страпник. – 1867, год 8. – Т. 3. – С. 52-81.
5. Устав духовных училищ // Литовские епархиальные ведомости. – 1867. – № 12. – С. 506-516, № 13. – С. 559-567.
5. Уставы и штаты православных духовных семинарий и училищ // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 41. – С. 347-349, № 42. – С. 355-357, № 43. – С. 363-366, № 44-45. – С. 371-373, № 46. – С. 387-390, № 47. – С. 396-399.

Поступила в редакцию 08.02.2010 г.

УДК 808.2:343.2

Е.В. КОТЕНКО

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА “ЛОЖЬ/ОБМАН” В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению лексико-семантических параметров концепта “ложь/обман” в обыденном языке и юридическом дискурсе. В текстах законодательных актов концепт “ложь/обман” представлен такими тремя лексико-семантическими полями, как завладение имуществом вследствие использования обмана; ложные сведения, позорящие кого-либо; подделка с целью обмана. Лексико-семантическое поле “лицемерное поведение с целью ввести в обман” в текстах законодательных актов

отсутствует. Ядро концепта составляет лексема обман; базовый слой представлен лексемами клевета, ложь; на ближней периферии находятся лексемы мошенничество, лжесвидетельство, лжепредпринимательство, дезинформация, подделка, подлог, укрывательство, фальсификация; на дальней – недонесение, укрывательство, диффамация. Для текстов законодательных актов характерны лексемы, обозначающие активную ложь (мошенничество, клевета, подлог, фальсификация, подделка, обман).

Введение

Важнейшей лингвокогнитивной структурой, определяющей языковую картину мира, является концепт “ложь/обман”.

Феномен лжи является объектом исследования многих наук. Так, в философии ложь изучается как одна из культурных универсалий, в логике ложность является одной из основных категорий (в противоположность истинности). Психологический подход к анализу лжи заключается в определении причин, условий, функций их проявления в общении, установлении типичных форм поведения лгущего человека, его психологического состояния. При этом психологи затрагивают вопросы межличностного общения, речевой деятельности, речевого поведения лгущего человека и того, кого обманывают. Более подробно и целенаправленно феномен лжи рассматривается в этике и педагогике, где обман оценивается отрицательно. В то же время “обман во благо” считается допустимым с точки зрения морали и оценивается положительно.

Основная часть

В исследовании лжи также разработан юридический подход, который принимает во внимание намеренность действий отправителя; цель, формирующую под влиянием различных социальных факторов и индивидуальных особенностей личности; мотив; потребность, ценностную ориентацию и интерес субъекта, побуждающие его к принятию решения действовать определенным образом в данной ситуации, т.е. осознанное побуждение к действию [1].

В отечественной юридической науке разрабатывается проблема выявления лжи и тактика ее разоблачения в процессе предварительного следствия. Так, Н.И. Порубов приводит теоретико-правовые взгляды на проблему борьбы с ложью. Кроме того, в его работе выделяются следующие виды вербального противодействия расследованию:

лжесвидетельство (умышленную дезинформацию следователя в форме дачи заведомо ложных показаний), сущность которого – “в извращении подлинных обстоятельств дела в показаниях свидетелей или потерпевших, включая и умолчание известных фактов, отказ от дачи показаний заведомо ложными ссылками на неосведомленность” [2, с. 23];

ложные заявления (как правило, встречаются со стороны мнимых потерпевших по делам об ограблениях и кражах);

оговор (заведомо ложное показание одного допрашиваемого в отношении другого, в котором он пытается умышленно ложно уличить другое лицо в причастности к преступлению);

ложное алиби (создается с целью “не допустить в уголовно-процессуальном доказывании информации, адекватно отражающей его роль в совершении преступления, а также направить следствие по ложному пути”) [2, с. 36].

Лингвистический аспект ложного высказывания системно впервые рассмотрен в работе Х. Вайнриха “Лингвистика лжи” [3].

На современном этапе вопрос о способах передачи ложной информации изучается в лингвофилософии, психолингвистике, социолингвистике, когнитологии, юрислингвистике, лингвоконцептологии.

Прагматические характеристики ложных высказываний исследовались Дж. Остином, Дж.Р. Серлем, А. Вежбицкой, Й. Кубиновой. Отечественная “лингвистика лжи” развивается такими учеными, как Н.Д. Арутюнова, А.Д. Шмелев, Н.А. Земскова, Н.Н. Панченко, А.В. Ленец, С.М. Толстая, Л.А. Вицюк, С.Н. Плотникова.

Вместе с тем отсутствуют работы, посвященные лингвистическому анализу языкового выражения концепта “обман/ложь” в юридических текстах. Целью написания данной статьи является изучение способов оформления языковых единиц, номинирующих ложь, а также особенности ее функционирования в текстах законодательных актов.

В науке концептом принято называть “глобальную, мыслительную единицу” [4, с. 59], “сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... инвариантный обобщенный образ предмета, который создается языковым опытом” [5, с. 40].

В самом общем смысле концепт “ложь/обман” представляет собой соответствие/несоответствие выражаемых смыслов состояниям, процессам, положениям вещей в реальном или некоем возможном мире [6, с. 9].

Как отмечает Н.А. Земскова, “центральными лексемами репрезентации лжи являются ложь, неправда и обман” [7, с. 15].

Обман и ложь в русском языке – близкие по смыслу понятия, означающие неправду, измышления, выдаваемые за истину, намеренное возбуждение в другом лице неверного представления. С точки зрения русского языка эти слова являются синонимами, т.е. выражают одно и то же понятие и считаются тождественными или близкими по своему значению.

По мнению Н.Н. Панченко, содержательные минимумы понятий лжи и обмана различаются: ложь коммуникативный акт, производимый лингвистически или паралингвистически и имеющий сознательную интенцию введения в заблуждение. В наборе существенных признаков содержательного минимума понятия “обман” выявляется дифференцирующий признак – успешность, эффективность реализации цели. При этом обман является более широкой категорией в сравнении с ложью, ибо помимо собственно говорения, произнесения неправды, т.е. речевого акта, обман подразумевает и действие, т.е. поведенческий акт [6, с. 5].

Необходимо отметить, что ложь как коммуникативный акт изучает криминалистика; обман как один из способов совершения преступления – право. Так, под ложью в криминалистике понимается сокрытие правды, искажение действительного положения вещей и состояния дел [1, с. 391]. При этом изучаются и собственно лингвистические, и паралингвистические средства.

Лексико-семантические способы выражения концепта “ложь/обман” в праве будут рассмотрены ниже.

В соответствии со словарем синонимов русского языка готовые лексемы, служащие языковым средством выражения данного концепта, – это ложь, обман, неправда, вымысел, вранье, надувательство, мистификация, дезинформация, блеф, преувеличение, преуменьшение, заблуждение, инсинуация, ошибка, клевета, слухи, сплетни, небыль, сказки, рассказы, небылицы, вздор,

чушь, бред, напраслина, фальсификация, подделка, подлог, неискренность, фальшь [8, с. 673].

Родовым понятием всех разновидностей лжи является обман, поскольку в основном именно через это слово объясняется семантика всех приведенных ранее синонимов.

Представляется целесообразным дополнить данный ряд лексемами *плутовство, жульничество, махинация, манипуляция, опорочивание, наговор, оговор, ухищрение, уловка, двуличие, симуляция, лукавство, лесть, лицемерие, притворство, видимость, увертка*.

Плутводство – нечестный, мошеннический поступок, обман.

Жульничество – плутовство, мошенничество.

Махинация – недобросовестный способ достижения цели; нечестная проделка, жульничество.

Манипуляция – ловкая проделка, махинация.

Опорочить – распространяя предсудительные сведения о ком-, чем-либо, выставить в неблагоприятном свете; очернить.

Наговор – клевета, напраслина.

Оговор – ложное обвинение; клевета.

Ухищрение – ловкий прием для достижения чего-либо (обычно неблагоприятного, сомнительного).

Уловка – ловкий, хитрый прием, применяемый с целью достичь чего-либо или уклониться от чего-либо.

Увертка – уловка, хитрость.

Симуляция – притворство, создание ложного представления о чем-либо с целью ввести в обман.

Двуличие – лицемерие, неискренность.

Лукавство – хитрость, коварство.

Видимость – внешний вид, производящий обманчивое впечатление; внешнее подобие чего-либо.

Лесть – преувеличенное, угодливое восхваление кого-либо, чьих-либо качеств или действий.

Лицемерие – несоответствие слов, поступков человека истинным чувствам, убеждениям, намерениям; притворство, неискренность.

Притворство – лицемерное, лживое поведение с целью ввести в обман, заблуждение [9].

В юридических текстах, кроме того, используются лексемы: *мошенничество, лжесвидетельство, лжепредпринимательство*.

Мошенничество – завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)).

Лжесвидетельство – в современной доктрине название преступления, заключающегося в даче заведомо ложных показаний; в нормативных правовых актах данный термин не употребляется.

Лжепредпринимательство – преступление в сфере экономической деятельности, предусмотренное ст. 234 УК. С объективной стороны представляет собой создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность.

Проанализируем семный состав указанных выше лексем. Состав сем выявляется в сопоставительном анализе различных группировок слов по критерию

сходства и различия в их смыслах. Семы, совпадающие в группе слов, называются интегральными, различающие слова по смыслу – дифференциальными.

В цепочке слов *ложь, обман, неправда, мошенничество, вымысел, вранье, мистификация, дезинформация, манипуляция, лжесвидетельство* были обнаружены интегральные семы ‘обман’, ‘зablуждение’, ‘искажение истины’, а также дифференциальные ‘умышленное завладение имуществом’, ‘корыстная заинтересованность’, ‘недостовверные сведения’, ‘ущерб’, ‘тяжкие последствия’.

В цепочке слов *клевета, опорочивание, инсинуация, дискредитация, слухи, сплетни, небыль, сказки, рассказы, небылицы, наговор, оговор* выделены интегральные семы ‘ложь’, ‘распространение информации’ и дифференциальные ‘публичность’, ‘вред’.

В цепочке слов *фальшь, фальсификация, подделка, подлог* выделены интегральные семы ‘подмена’, ‘фальшь’.

В цепочке слов *ухищрение, уловка, двуличие, симуляция, лукавство, лесть, притворство, лицемерие, небылица, видимость, увертка* обнаружены интегральные семы ‘обман’, ‘неискренность’ и дифференциальные ‘хитрость’, ‘любезный отзыв’, ‘восхваление’.

Таким образом, в результате проведения семного анализа данных лексем были выделены четыре лексико-семантических поля: завладение имуществом вследствие использования обмана; ложные сведения, позорящие кого-либо; подделка с целью обмана; лицемерное поведение с целью ввести в обман.

На периферии лексико-семантического поля “ложные сведения, позорящие кого-либо” находится термин “диффамация”. Диффамация – опубликование в печати сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо.

Анализ текстов законодательных актов позволил выявить некоторые особенности репрезентации концепта “ложь/обман”.

Для законодателя данный концепт актуализируется при наличии таких признаков, как: заведомость, преднамеренность; предоставление ложной, не соответствующей действительности информации или умолчание об истинных фактах; введение другого лица в заблуждение; наличие определенной цели – передачи имущества или права на него потерпевшим или иным лицом виновному [10].

Кроме того, обман – это деяние, совершаемое лицом с прямым умыслом, для чего требуется, чтобы лицо, его совершающее, осознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления либо желало действовать подобным образом.

Таким образом, в текстах законодательных актов лексико-семантическое поле “лицемерное поведение с целью ввести в обман” отсутствует.

Особенностью репрезентации концепта “ложь/обман” в юридическом дискурсе также является наличие в УК Республики Беларусь таких свободных словосочетаний, как *ложный донос* (ст. 400), *заведомо ложное показание* (ст. 401), *заведомо ложное сообщение об опасности* (ст. 340), *выманивание кредита или субсидии* (ст. 237), *ложная экономическая несостоятельность (банкротство)* (ст. 238), *нарушение антимонопольного законодательства* (ст. 244), *обман потребителей* (ст. 257), *дискредитация деловой репутации конкурента* (ст. 249), *дискредитация Республики Беларусь* (ст. 369-1), *фальсификация средств измерений* (ст. 259), *фальсификация доказательств* (ст. 395), *распространение ложной информации о товарах и услугах* (ст. 250), *сокрытие экономической несостоятельности (банкротства)* (ст. 239), *укрывательство преступлений* (ст. 405), *недонесение о преступлении* (ст. 406) и др.

Следует обратить внимание, что в приведенных свободных сочетаниях концепт “ложь / обман” выражен эксплицитно, за исключением сочетаний *выманивание кредита или субсидии, нарушение антимонопольного законодательства*¹.

Содержание обмана состоит в искажении фактов (например, в утверждении отсутствующих в действительности, отрицании имеющих место в действительности) или умолчании о каких-либо жизненных обстоятельствах, знание о которых удержало бы потерпевшего от совершения акта поведения, значимого для обманщика. Таким образом, различают ложь активную, состоящую из заведомо ложного сообщения, и пассивную, заключающуюся в умолчании.

В текстах законодательных актов используются лексемы, обозначающие активную ложь (мошенничество, клевета, дискредитация, подлог, фальсификация, подделка, обман), так как лексемы, обозначающие пассивную ложь, не характерны (вымысел, видимость, притворство, лесть).

В тексте УК Республики Беларусь имеют место два случая использования выражающих пассивную ложь лексем – укрывательство и недонесение:

укрывательство преступлений – умышленное *сокрытие* преступника, орудий и средств совершения преступления, его следов либо предметов, добытых преступным путем (ст. 405);

недонесение о преступлении – преступление, заключающееся в *несообщении* органам государства о достоверно известном подготавливаемом или совершенном преступлении (ст. 406).

Необходимо отметить, что укрывательство в уголовном праве связано в первую очередь не с коммуникативным актом, обозначающим умолчание о преступлении либо средствах его совершения, а с конкретным действием, направленным на сокрытие преступника, орудий и средств совершения преступления, его следов либо предметов, добытых преступным путем.

Не являются характерными для текстов нормативных правовых актов стилистически окрашенные слова (вранье, надувательство, жульничество, увертка, слухи, сплетни, небыль).

Заключение

Таким образом, массив лексем, выражающих ложь и обман в юридических текстах, можно условно разделить на следующие зоны:

ядерную (обман); базовый слой (клевета, ложь); ближнюю периферию (мошенничество, лжесвидетельство, лжепредпринимательство, дезинформация, дискредитация, подделка, подлог, укрывательство, фальсификация); дальнюю периферию (недонесение, укрывательство, диффамация).

¹ Статья 237. Выманивание кредита или субсидии.

Представление индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в целях получения кредита либо льготных условий кредитования или выделения субсидии заведомо *ложных* документов и сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита или субсидии, либо умышленное *несообщение* индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица кредитору или органу, выделявшему субсидию, информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или субсидирования (выделено мной. – Е.К.).

Статья 244. Нарушение антимонопольного законодательства.

Уклонение должностного лица государственного или иного органа управления или юридического лица от исполнения предписаний антимонопольных органов, либо ненадлежащее или несвоевременное их исполнение, либо непредставление этим органам информации (документов, объяснений), необходимой для осуществления антимонопольными органами своих функций, либо представление заведомо *ложной* информации (нарушение антимонопольного законодательства), совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения (выделено мной. – Е.К.).

Результаты анализа репрезентации концепта “ложь/обман” свидетельствуют о том, что перечень форм в юридических текстах значительно меняется в сравнении с обыденным языком. С одной стороны, актуализируются новые лексемы, а с другой – не используются стилистически окрашенные. Кроме того, указанный концепт широко представлен свободными словосочетаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистика / под ред. В.А. Образцова. – М., 1995. – 592 с.
2. **Порубов, Н.И.** Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / Н.И. Порубов. – Минск, 2002. – 176 с.
3. **Вайнрих, Х.** Лингвистика лжи / Х. Вайнрих. – М.: Прогресс, 1987. – 167 с.
4. **Стерний, И.А.** Методика исследования структуры концепта / И.А. Стерний // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58-65.
5. **Степанов, Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Шк. “Яз. рус. культуры”, 1997. – 824 с.
6. **Панченко, Н.Н.** Средства объективации концепта “обман” (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.Н. Панченко. – Волгоград, 1999. – 20 с.
7. **Земскова, Н.А.** Концепты “истина”, “правда”, “ложь” как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Земскова. – Краснодар, 2006. – 18 с.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа “Яз. рус. культуры”, 2003. – 1488 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Норинт, 2000. – 1536 с.
10. **Хилота, В.В.** Обман – это введение лица в заблуждение (по состоянию на 28.05.2009) // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Дата доступа: 18.06.2008.

Поступила в редакцию 09.03.2010 г.

УДК 821.161.3.9

И.Ф. ШТЕЙНЕР

ПРОШЛОЕ МЕНЯЕТСЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОВРЕМЕННОГО: ДРЕВНЕБЕЛОРУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. РЯЗАНОВА

В статье анализируются теоретические основы восприятия классического наследия в современную эпоху и его практическое воплощение в творчестве Алеся Рязанова. Показан процесс воссоздания наиболее значимых произведений древней белорусской литературы на современном белорусском языке.

Введение

Не имея в своем арсенале специальных литературоведческих работ или философских трактатов, поэт-экспериментатор Алесь Рязанов сумел достичь значительно большего: в своих *знамах* теоретически, а в поэтических миниатюрах, *вершаказах*, *пункцірах*, *версэтах*, *квантэмах* показал трагедию восприятия классических традиций, форм, философии искусства в современных условиях. Он считает, что традиция наследует противопоставляя и противодействуя. Без этого *против* она окажется только заимствованием, и самое большое, чего

сможет достичь, – повторить предыдущее. Данный тезис получил метафорическое воплощение в версете *Спадчына*, в котором значимость наследия приобретает, как некогда у Купалы, божественность соизмерения и оценки:

*Калі яна цяжар – тады яна крылы,
калі яна вярэдзіць – тады яна гоіць,
калі яна знясільвае – тады дае
сілу...*

*– Аднак з гэтай ношкаю ты не здо-
лееш уступіць на неба, – перасцерагае
мяне першы анёл.*

*– А без яе зноў упадзеш у мінулае, –
перасцерагае другі.*

Я іх абодвух разумею.

Пісягі і апёкі на маім целе.

Віхуры клічуць мяне падужацца.

Зямля – частка мяне.

*І агністыя мечы анёлаў пільна ўзіра-
юцца ў маю душу [1, с. 9]*

Наследие для нас – все еще мероприятие, условный фактор культурной жизни и фактора сознания. Чтобы оно стало реальностью, ей необходимо находиться не только *там*, но и *здесь*, не только в *горизонтальном* пласте своей исторической эпохи, но и в *вертикали* постоянного диалога с последующими поколениями. Данный процесс белорусский поэт сравнивает с палимпсестом классическим, что возникло по ассоциации с известным стихотворением Владимира Жилки. Наследие, *спадчына – усё яшчэ недастаткова адкрытая, усё яшчэ недастаткова вывучаная і ацэненая, яна не мае магчымасці выконваць у грамадстве сваю неабходную і адно толькі ёй уласціваю ролю. Неактывізаваная спадчына не проста прысутнічае ў насіве, але бесперастанна траціцца, вычэрпваецца. Як энергія, якая не ператвараецца ў карыснае дзеянне. Як святло, якое затульваюць контуры.* В наследии две устойчивые ординаты: оно постоянно прошлое и постоянно современное. Своей сущностью оно находится в истории, но своей специфичностью – в человеческих душах. А. Рязанов даже нашел глубокую закономерность в том, что у нищего забирают последнее, а богатому дается сверх того, что он имеет. Наследием владеет лишь тот, кто имеет силу его усвоить; тот, кто не имеет подобной силы, в лучшем случае является ее хранителем. Ценность наследия не в сумме экспонатов, а в способности этих экспонатов отзываться в эхе, которое обращается к современникам их же голосами; если затихает эхо – затихает наследие. По существу изо всей древней белорусской литературы доносится лишь слабое эхо Кириллы из Турова, Франциска Скорины и, возможно, Льва Сапегі:

*У спадчыны дзве асноўныя ўласцівасці:
захоўвацца і знікаць (знікацца). Калі перава-
жае першая – яна ператвараецца ў музейны
экспанат, муміфікуецца, выпадае з току, а
таму і з кантэксту часу, калі другая – ста-
новіцца тоеснай акну прыроды і, не належачы
іншым часам, не належыць таксама сабе.*

*Спадчына адбываецца як суразмова, у
якой тое, што ёсць, самаасэнсоўваецца, што
яно ёсць [2, с. 72].*

Основная часть

А. Рязанов считает, что наше наследие все еще существует само по себе, не освещенное нашим совместным вниманием и понимаем. Мы лишь отчасти знаем, где что лежит и что имеем, но это отнюдь не та степень *ведения*, которая становится фактом и фактором сознания.

Всегда в наследии остаются непрочитанными не столько сами тексты, сколько их глубинные смыслы. Не прочитанное, не оформленное, не закрепленное взаимодействием, оно подвергается рассеянию и исчезновению. Наследие не в прошлом, а из прошлого: оно – вектор, показывающий дорогу, оно – *лицо очеловеченного времени*.

Литература развивается не линейно, а продвигаясь в предыдущее, в прошлое, и тем самым уплотняясь, в силу чего новые творцы находятся под напластованиями культурной почвы столетий. Они знают и помнят своих предшественников, ибо должны взаимодействовать с ними и, продолжая их, расти далее. Но расти именно оттуда. Только в этом случае время становится союзником культуры, ибо уподобляется садовнику, обрезающему в саду засохшие ветки, тем самым возвращая завтрашним отожилкам жизненную силу, которая возвратит действительность.

А. Рязанов становится ретранслятором, усилителем, резонатором национальной классической традиции. Он создал *Кнігу ўзнаўленняў* (Мн., 2005), которая стала своеобразной живой водой для национальной культуры: *Адамкнутыя паэтычным ключом, знямелыя творы старажытнай літаратуры нанова ўваходзяць у рэчаіснасць і нанова прамаўляюць тое, што яны казалі ў свой час.*

Пры ўсёй сваёй разнастайнасці яны ўзаемададаюцца і, сабраныя ў кнігу, уяўляюць беларускі кніжны эпас. [3, с. 4]

Кроме слов, притч, приповестей, трактатов упомянутых выше писателей, А. Рязанов *узнавіў*, возобновил произведения С. Будного, В. Цяпинского, И. Потя, Я. Руцкого, М. Смотрицкого, К. Транквилиона-Ставровецкого. Имеющий уши да услышал эхо давних столетий, а *Нішто, удыхнутае ў абалонку* последнего из упомянутых философов, может стать откровением, предтечей национального экзистенциализма:

*Я тут павяду
гаворку пра першую браму –
пра смерць –
і ўздыхну
казаннікавым уздыхам.
Марнасць над марнасцю
і ўсё марнасць,
таўпеханне і паражнеча.
Няма нічога трывалага
ў справах пад сонцам –
усё бяжыць
бегам бесперастаным,
нібыта цень
бязводнага воблака.*

*Паражнеча
усе чалавечыя справы,
і час чалавечы –
таўпеханне і блуканне.
Дзе багацеі гэтага свету?
Дзе іхнія замкі, якія
былі абароненыя надзейна?
Дзе іхнія маляўніча
аздобленыя палацы?
Дзе іхнія па-мастацку
вырабленыя шкатулкі
поўныя золата?*

[3, с. 82]

Патина времени покрыла багет и краски древних картин, придав им необходимый шарм и благородство; восстановленная же опытно-бережным реставратором, она заблестела в лучах реального солнца бытия, а не музейного освещения. Восстанавливал же артефакты не ремесленник, а мастер, гениальный творец, с сенсорным душевным чувством времени. Ю. Тувим писал, что переведенное стихотворение должно показывать то же самое время, что и оригинал. Труд переводчика сродни труду часовщика. А. Рязанов в совершенстве слышит время, а потому процесс сведения эпох стал для него этапом в творческой эволюции. Данный урок не прошел бесследно, ибо он уже вырос из традиционного восприятия классики, найдя то общее, что объединяет поэтов XII и XXI вв. Он знает, что стихотворение значительно не тем звуком, который слышится только во время чтения, а именно эхом, возникающим после смерти звука, его породившего. И поэзия, живущая так долго высокими истинами, не может сразу уступить низким. Если это она себе позволит, то упадет и разобьется.

В структуру традиции входит и компонент будущего. Традиция – *не только диалоги того, что есть, того, что было, но и того, что будет.*

А. Рязанов в чем-то близок Элиоту, который в эссе *Традиция и индивидуальный талант* писал: *Появившееся новое произведение искусства влияет одновременно на все предыдущие художественные произведения. Существующие памятники искусства создают идеальный порядок, согласуются между собой, но этот порядок неизбежно меняется с появлением среди них нового (действительно нового) художественного произведения. И теперь уже, чтобы возобновить совершенную последовательность художественных произведений, весь предыдущий порядок обязан измениться, хотя бы немного, и поэтому ценности каждого художественного произведения по отношению ко всем остальным произведениям приспособляются и создают между собой новую согласованность... Прошлое меняется под воздействием современного, как и современное руководствуется в своем развитии прошлым.*

Парадоксальность мышления белорусского поэта позволяет постичь абсурдный, с первого взгляда, тезис о том, что именно непредсказуемость эстетических достижений прошлого свидетельствует не об их неизбежности и устойчивости (как то и подразумевает здравый смысл) в культурной парадигме бытия, а о вечной трансформации, генератором чему становится его экзистенция и восприятие в нашем мире, после чего и происходит необходимая аберрация зрения и, следовательно, восприятия.

Алесь Рязанов доказал это на практике, выразительно изменив восприятие великого восточнославянского первопечатника как поэта. Если ранее считалось, что только в трех книгах Ф. Скорины, напечатанных в Праге – *Иов* (1517), *Исход* (1519), *Эсфирь* (1519), и содержатся стихи, являющиеся первыми образцами новой поэзии Беларуси, то А. Рязанов вслед за некоторыми учеными, в частности П. Берковым (а может, и скорее всего!), независимо от них, интуитивно почувствовал, что между стихами первопечатника и прозаическими предисловиями и послесловиями не существует неприступной принципиальной разницы. Существовало предположение, что, записав прозу Ф. Скорины стихотворной формой, ее можно считать поэзией, так как ей присущ *parallelismus tenbrorum* (параллелизм членов), в которых в свою очередь доминирует поэтическая единица библейского стиха. А. Рязанов настолько увлечен этим открытием, что *забывает* не только вирши Ф. Скорины, но и его акростихи и акафисты из предисловий, которые тоже, как считают, принадлежат Ф. Скорине.

Сравним оригинал предисловий Ф. Скорины и его воссоздание А. Рязановым:

Псалом есть вся църкви единый глас, свята украшает. Псалом всякую противность, еже ест бога ради, умиряет. Псалом жестокое сердце мякчит и слезы с него, яко бы со источника, изводить. Псалом ест ангельская песнь, духовный темьян, вкупе теор пѣнием веселить, а душу учить [5, с. 17].

Псалом – всеединый голос церкви разноязычной. Он возвеличивает торжество и украшает праздник, а распри, вражду и злословие умиряет ради всевышнего Бога. Сердце, пусть даже каменное, псалом трогает и смягчает и, как из источника, из него источает слезы. Псалом – песнопение ангельское, темьян духовный; учит душу, а тело пением веселит [6, с. 17].

Классический псалм невозможен без музыкального сопровождения. В этом поэты всех последующих времен и народов едины, не случайно символом поэзии становятся гусли, лира, дуда, жалейка.

А зовѣтся псалтырь гудба, едина подобна к гуслиам. Яко сам царь и пророк поет, глаголя: “Хвалите господа во псалтыри и в гуслих”. И сего для поставил ест царь Давыд четырех вѣликих ереов, их же избрал от всех людей, Асафа и Емана, и Ефана, и Идифума, абы гудли на псалтыри пред киотом завета господня и псалмы абы припевали по вся часы, яко пишеть о том в первых книгах Паралипоменона [5, с. 18].

Псалтырь сродни гуслиам: игра на ней сопровождает пенью. Сам царь и пророк завещает в своем песнопении: “Восхваляйте Бога на гуслих и на псалтири!” И ради этого царь Давид избрал из людского собрания четырех иереев великих Асафа, Емана, Ефана и Идифуна, чтобы они играли перед ковчегом завета Господнего и чтобы пели все время псалмы – как об этом свидетельствует первый Паралипоменон [6, с. 19].

Первые варианты обращения к сокровищнице мудрости А. Рязанов принял в альманахе *Крыніца* (№ 9 за 1995), где были воссозданы *Предисловие*

доктора Франціска Скорины в книгу *Исуса Сирахова* под рязановским заголовком *У сціпля словы ўкладаючы розум вялікі (во кратких словах великий и множит розум замыкаючы, как звучало в оригинале)*; Предисловие доктора Франціска Скорины с *Полоцька* в книги *Иудиф-вдовицы* под титулом *Як пчолы бароняць вуллі свае*; Предисловие доктора Франціска Скорины с *Полоцька* в книгу *Песнь Песням царя Соломона* под заглавием *Прарочыў цар Саламон*.

В целом А. Рязанов практически доказал концепцию поэтического начала предисловий Ф. Скорины, показав это на смысловом, лексическом, синтаксическом, стилевом уровнях, не забывая при этом о великом эстетическом начале уроков первопечатника, сумев не только его постичь, но и перенести через эпохи в наш день.

Понеже от прирождения
Звери, ходящие в пустыни,
знають ямы своя;
птицы, летающие по въздуху,
ведають гнезда своя;
рыбы, плавающие по морю,
и в реках
чуютъ виры своя;
также и люди,
игде зародилися и ускармлиены
суть по бозе,
к тому месту великую
ласку имають [5, с. 45].

*Як звяры,
што блукаюць у пушчы,
ад нараджэння
ведаюць сховы свае,
як птушкі,
што лётаюць у паветры,
помняць
гнезды свае,
як рыбы,
што плаваюць у моры
і ў рэках,
чуюць віры свае
і як пчолы
бароняць вуллі свае –
гэтак і людзі
да месца, дзе
нарадзіліся
і ўзгадаваны ў Бозе,
вялікую ласку маюць [3, с. 41].*

В *Книгу ўзнаўлення* А. Рязанов, однако, не включил первое упомянутое нами предисловие. Вместо этого он вставил четыре других – *Напісана гэта кніга дваіста; Як золата пераліцоўваецца агнём; Усёй грамадзе чалавечай и Псалом – песнаспеў анельскі*. Последнее воссоздано и по-русски, что также способствует проникновению в творческую лабораторию поэта, а также подчеркивает корневое единство различных языковых стихий.

Отнюдь не *oratio pedestris* – *пешая речь*, т.е. проза, а чеканная ритмика гекзаметров и упомянутый выше спрятанный в параллельности членов поэзии Ф. Скорины определяет и воссоздание совсем иного по своей сущности памятника древней культуры – Предисловия к Статуту Великого Княжества Литовского Льва Сапеги, названного весьма просто и без затей – *Зварот да ўсіх саслоўяў*. Нашего современника привлекает не конкретная стихия юриспруденции, хотя и в ней звучит настоящая поэзия, достаточно просто услышать названия некоторых составляющих единое частей – раздел десятый: *о пуцу, о дерево бортное, о озера и сеножати*; раздел одиннадцатый: *о гвалтех, о богах, о головцизнах шляхетских*.

А. Рязанов не только услышал поэтическое Слово в казалось бы таком далеком от искусства классическом образце мудрости совместной жизни гражданского общества:

Обачивали то усих веков люди мудрые, же в каждой речи посполитой человеку почтивому ничего не маеть бытии дорожешого над вольность. А неволею так ее маеть гьдити, же не только скарбами, Але и смертью ее од себе отганяти есть повинен. А просто люди почтивыые не только маетности, але и смертью ее од себе отганяти есть повинен [7, с. 47], – но и восстановил его первородное звучание.

Вспоминая классические *эпиграммы* (в том, средневековом звучании слова) на герб ясновельможного пана Сапеги, иные образцы панегирической поэзии, А. Рязанов облакает не утратившее свою историческую (а иногда даже функциональную) значимость содержание в современную оболочку, которая своей ритмикой и тоникой покрывает первое венценосной порфирой, столь необходимой для подобных артефактов истории духа человеческого, введением в начало которого и является *Зварот*:

*Мудрыя людзі
усіх стагоддзяў
спагодзіліся на думцы,
што ў кожным –
калі б яно ні ўтварылася –
гаспадарстве
дастойнаму чалавеку
нічога не можа быць даражэй
за вольнасць.
Затое няволя
яму настолькі
агіднаю мае быць,
што не толькі маёмасцю,
а і смерцю
яе адганяць ад сябе павінен* [3, с. 129].

Выделение опорных словосочетаний и синтагм, классическая инверсия подчеркивают актуальность древнего документа, его право остаться в национальной истории не только музейным экспонатом, но и артефактом реальности.

Внутреннюю поэзию, словно бриллиант из алмаза, постиг и изъял А. Рязанов из *Тезеса* Язэпа Ручкога:

Понеже человек от душа ест составлен и тела. Подобне благій Бог, кроме иных изрядных образ ими же своя дарованія души невидимо уделает строити обыче, видимая знаменія ими же нами восприемлемыми подает грехом прощение и изобильно благодати умножение. Прелесть убо изобретеньна от многа уже времени супостаты православныя веры, и ныне некими ереси казательми отнов-

*Створаны чалавек
з двух неподобных пачаткаў –
з души і цела.
Вось жа, Ўсявышні Бог
творыць не толькі
дзівосныя вобразы,
але і нябачна
сваімі дарункамі надзяляе –
каб станавілася гожай –
душу.
Ну а праз бачнае знакаванне,*

леньна. Судити неподобну быць вещь хрысціянском вне удіных знаменій кь содеянію спасенія требоваті [4, с. 388].

*якое намі ўспрымаецца,
адпускае,
у міласці да чалавека,
грахі.
Ад Бога – лагодань,
і той, хто багаты ёю,
ёю багаты адно ад Бога.
Бо ўжо здаўна,
з колішніх дзён,
абвясцілася ў свеце зваба,
а супастатамі праваслаўнай
веры цяпер
яна аднавілася ў розных
эраях красамоўных.
Аднак хрысціяне,
дбаючы аб ратунку,
мусяць іх сцерагчыся
і не ўдавацца ў развагі
аб з’яўленых знакаваннях [3, с. 75].*

О доминирующем творческом начале в перевоссозданиях А. Рязанова свидетельствует многое. Так, вместо имени *Іосифъ* вслед за белорусскими медиэвистами он употребляет обелоруженную форму имени *Язэп*; сокращает заглавие *Тезеса*, традиционно длинное в древней традиции – *сиреч Извѣстныя предложенія от ученій, еже о тайныхъ церкѣвныхъ*. На размышление кь общему соствезанію данны. Честным отцем *Іосифом Велямином Рутъским, иноком Закону святого Василія, в монастыру Виленъском Святое Живоначалное Тройцы*. *Состязаніе же се на обычном месте ученій будет, пры монастыри пред реченом*. Року от народження Христового 1608, месяца генваря, дня 11, часу второго по полудни, заменяя его кратким и тоже поэтическим, но уже в несколько ином стиле, более адаптированном к современности, но сохраняющим барочную цветистость древности – *Дарунак, які ўрэчаіснаваюць таемства* и подавая основное – *Тэзы* только в скобках и в конце заглавия.

А. Рязанов постиг и овладел поэтикой древнебелорусских образцов. Отказываясь от пословного переложения текста, он отходит от обманчивого созвучия древнего красочного слова, стремясь сохранить смысл и ритмику. Поэт действительно не переводит, а перевоссоздает древние образцы (по-белорусски даже более точно – *перастварае*, что изначально подразумевает сотворчество, сотрудничество). Их основное содержание на наших глазах обретает новое созидание, ибо творится заново, переходя из существующего пласта бытия в новый. И если младший современник великого гуманиста и первопечатника Петр Скарга утверждал, что только на греческом и латинском языках может звучать слово Божье как слово Поэзии (иным языкам нести красоту слова Божьего не дано), то воссоздания А. Рязановым поэзии Ф. Скорины свидетельствуют об обратном. Звучание и оригинала, и нового оригинала адекватно, современный читатель попадает в зависимость ритмологического лада, который достигается исключительным мастерством поэта и его абсолютным музыкальным слухом. Камертон современности адекватен звучанию из прошлого:

*Дзіўна, але часта паставы нашых па-
пярэднікаў нам бачацца лепш, выразней, чым
паставы сучаснікаў, і нават нястача біягра-
фічных і творчых звестак як бы спрыяе
гэтаму.*

*Ці не таму гэта, што недасяжнае аб-
вастрае наш зрок і слых, адтульвае перад
імі перспектыву, і ці не таму, што сутнасць
рэчаў ужо не засціца персанальнымі прысут-
насцямі? [2, с. 3]*

В сферах бытия современного белорусского языка чрезвычайно трудно найти адекватные параллели стихии высокой книжности, имеющей славные традиции и осененной великой поэзией старославянизмов. И их механическое включение в современный текст подобно алмазам на рубище. Именно поэтому белорусский поэт отказывается от слов *понеже, благій, изрядных, благодати, прелесть* (приводим примеры, и не все, а только из первой семистрочной главы), заменяя их собственными, изобретенными и созданными именно для подобных ситуаций – *бачнае знакаванне, лагодань, з'яўленнях знакавых*. Казалось бы нейтральное *тайны* заменяет на таинства, звучащие по-белорусски и возвышенно; *противу-стоятель Зизания – супротнічае Зізаній; некая знаменія – з'яўныя знакаванні*. Хотя все-таки рязановское *і моцна хацеў* уступает скориновскому *И возрѣвновал есть тому*, так как в последнем слышится не только стремление внука продолжить дело деда, но и классически людское-человеческое – превзойти уже не только родственника, но и соперника в деле великом. И для этого есть все основания. А. Рязанов считает, что в переводе стихов нужно идти за тем, за чем идут они сами: переводить не слова и не строфы, а то, что *переводят* они, стихи, – *смысл, звукосмысл, духосмысл*. Именно поэтому перевод в отдельных случаях может быть совершеннее оригинала.

*Традыцыя наследуе супрацьстаючы і
супрацьдзеінічаючы. Без гэтага с у п р а ц ь яна
апынаецца толькі перайманнем, і самае боль-
шае, чаго яна можа дасягнуць, – паўтарыць па-
пярэдняе.*

*Суадносіны традыцыі і наватарства
знаходзяцца ў творы ў гэткай жа непаруў-
насці, як яго змест і форма [2, с. 32].*

Заклучение

А. Рязанов многое обрел в *угасших угольках столетий*. Однако он не увлекся модной ныне сакрализационной составляющей древней литературы, а сжатая форма последней, ее внутренняя свобода уже давно стали формосозидающей основой произведений современного белорусского поэта, укрепив его уверенность в перспективности и правильности эксперимента. Искать необходимо в современности, ибо эволюция происходит в направлении, в котором одновременно может все больше и, наоборот, все больше не может. За гранью очерченной действительности все настойчивее вырисовывается грань, где все и ничто обозначают одно и то же. А. Рязанов идет следом К. Малевича (давайте вспомним яйцеквадрат на обложках его новых книг), стремясь воссоздать НИЧТО на фоне космоса, подчиняясь господству чистого ощущения. Во всем нужна новая

точка обзора, поэт должен стремиться к *эффекту горы*, откуда многие вещи видятся совсем по-иному. В принципе, все можно сравнить со всем, все поддается рифмовке, однако не на этих китах держится поэзия. Она, как все сущности, держится на чрезвычайно *воздушно* факторе – на истине.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Разанаў, Алясь.** Лясная дарога: версэты / Алясь Разанаў. – Мн.: Логвінаў, 2005. – 200 с.
2. **Разанаў, А.** Сума немагчымасяў: зпымы / А. Разанаў. – Мн.: І.П. Логвінаў, 2009. – 122 с.
3. **Разанаў, Алясь.** Кніга ўзаўленняў / Алясь Разанаў. – Мн.: Логвінаў, 2005. – 134 с.
4. Старажытная беларуская літаратура (XII – XVII стст.). – Мн.: Кнігазбор, 2007. – 608 с.
5. **Скарына, Ф.** Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
6. **Скорина, Франціск.** Из “Книги стихов” / Составил и со старобелорусского языка перевосоздал Алясь Рязанов // Нёман. – 1994. – № 6. – С. 14-19.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. – Мн.: БелСЭ, 1989. – 573 с.

Поступила в редакцию 21.01.2010 г.

УДК 398.91(476)

І.С. КАНАВАЛАВА

ПРАДМЕТНА-ТЭМАТЫЧНАЯ КЛАСІФІКАЦЫЯ БЕЛАРУСКІХ АНТЫПРЫКАЗАК

У артыкуле прапануецца класіфікацыя антыпрыказак па прадметна-тэматычных групах, якія суадносяцца паводле іерархіі прадметных тэм на крытэрыях “род – від”, “агульнае – прыватнае”, “частка – цэлае”. Беларускія антыпрыказкі паводле зместу дыферэнцыруюцца на 9 галоўных прадметна-тэматычных блокаў: “Дзяржава. Улада. Палітыка”, “Эканоміка. Фінансы”, “Выворчасць. Праца”, “Жыццё грамадства. Сацыяльныя з’явы, працэсы”, “Свет чалавека. Існаванне, асаблівасці, адносіны”, “Чалавек. Людзі. Зносіны”, “Духойнае жыццё”, “Свет. Бывішнія катэгорыі. Абстрактныя паняцці”, “Непазнанае”. Кожны з блокаў падзяляецца на некалькі прадметна-тэматычных груп, якія, у сваю чаргу, размяжоўваюцца на падгрупы па больш вузкіх прадметных тэмах.

Уводзіны

У сучаснай беларускай мове, як і ў многіх іншых еўрапейскіх мовах, пачынаючы з другой паловы ХХ ст. назіраюцца істотныя змяненні ў функцыях і спосабах ужывання прыказак, выкліканія істотнымі сацыяльнымі і культурнымі зрухамі ў жыцці чалавека і грамадства. Новыя рэаліі знаходзяць сваё адлюстраванне ў парэміялагічным фондзе мовы. Адбываюцца актыўныя працэсы трансфармацыі формы і зместу прыказак, прыстасаванне і прымяненне іх да новых сітуацый сучаснага сацыяльнага і культурнага жыцця. Адзін з такіх працэсаў – пераўтварэнні прыказак з мэтай іх парадывавання, высмейвання, што тлумачыцца сучаснымі парэміялагамі як выкананне свайго роду “сацыяльнага заказу” па “асучасніванню” традыцыйных парэмій [1, с. 14]. Адзінкі, якія ўтвараюцца ў выніку парадыйных або жартаўлівых трансфармацый вядомых парэмій, у сучаснай парэміялогіі прынята называць “антыпрыказкі” [2].

Агульная колькасць зафіксаваных аўтарам артыкула ў розных крыніцах беларускіх антыпрыказак складае 1000 адзінак, якія адрозніваюцца паводле зместу і тэматычнай прыналежнасці.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца выяўленне прадметна-тэматычных груп беларускіх антыпрыказак.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Змест і тэматыка антыпрыказак вызначаюцца сваёй дуалістычнасцю. З аднаго боку, у антыпрыказках высмейваюцца традыцыйныя погляды на свет і духоўныя каштоўнасці, а з другога, адлюстроўваюцца новыя эпістэмалагічныя назіранні і этычныя нормы, якія проціпастаўляюцца старым, аджыўшым. Таму вывучэнне зместу і тэматыкі антыпрыказак мае дзве задачы: па-першае, вызначэнне тых тэматычных сфер парэміялагічнага фонду мовы, рэаліі якіх высмейваюцца ў антыпрыказках, а па-другое, дыферэнцыяцыя антыпрыказак на тыя прадметна-тэматычныя групы, якія адпавядаюць новым, сучасным рэаліям сацыяльнага і духоўнага жыцця.

Для вырашэння першай задачы паграбуецца выяўленне тэматычнай прыналежнасці прыказак, якія з'яўляюцца зыходнымі адзінкамі антыпрыказак, паколькі аб'ектам асмяяння і парадыравання ў антыпрыказках выступаюць тыя матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці сацыяльнага і духоўнага жыцця, якія адлюстраваны ў адзінках парэміялагічнага фонду беларускай мовы і з'яўляюцца эпістэмалагічна актуальнымі, значнымі для сучасных носбітаў мовы: “радзіма” (*Дарагая тая хатка, за якую заплаціў падаткі ← Дарагая тая хатка, дзе радзіла (нарадзіла) мяне матка*); “жыццё чалавека” (*Два вякі жыць не будзеш: надакучыць ← Два вякі жыць не будзеш*); “здараўе” (*Здараўе за грошы не прадасі ← Здараўе мілейшае за грошы*); “бацькі і дзеці” (*Чым бы дзіця ні цешылася, абы бацькі не плакалі ← Чым бы дзіця ні цешылася, абы (толькі б) не плакала*); “выхаванне” (*Гні дрэва, пакуль лаза ← Гні дрэва, пакуль яно маладое*); “сяброўства” (*З кім павядзешся – ад таго і захварэеш ← З кім павядзешся, ад таго <i>набярэшся*); “дабрабыт” (*Хочаш жыць – умей лётаць... па ўрачах і аптэках ← Хочыш жыць – умей круціцца*); “праца” (*Што пасееш, тое і збярэш суседзі на дачы ← Што пасееш, то (тое) і пажнеш*); “веды” (*Колькі не вучыся, усё роўна болей за тэлевізар ведаць не будзеш ← Век жыві – век вучыся*); “умельства” (*Не багі аб гаршкі апякаюцца ← Не багі гаршкі лепяць*); “досвед” (*Лепш адзін раз убачыць, чым пачуць і аглыхнуць ← Лепей <адзін> раз убачыць, чым сто разоў пачуць*); “слова” (*Слова не верабей: гадзіць без стомы ← Слова не верабей, выпусціў (выпусціш, вылеціць, вылецела) – не зловіш*); “надзея” (*Хто шукае, той і ашукваецца < Хто шукае, той знаходзіць*); “знешнасць і сутнасць чалавека” (*Сустракаюць па вопратцы, праводзяць – як могуць ← Па адзенні страчаюць (сустракаюць), а па розуму праводзяць*) і г.д.

Калі прыказкі, паводле вядомага парэміёлага А. Дандзіса, з'яўляюцца “люстэркам культуры” і жыцця народа [3, с. 45], то антыпрыказкі, на нашу думку, гэта свайго роду крывое люстэрка жыцця сучаснага грамадства, у іх у гратэскным выглядзе адлюстраваны найбольш важныя для сённяшняга чалавека праблемы асэнсавання навакольнага свету, сябе і свайго месца ў свеце.

Прадметна-тэматычная класіфікацыя антыпрыказак вымагае іерархічнага падыходу, што адпавядае пабудове моўнай карціны свету, у якой уяўленні аб рэчаіснасці суадносяцца паводле дыхатаміі “род – від”, “агульнае – прыватнае”, “частка – цэлае” і да т.п. Чыннікам успрыняцця пэўных рэалій у пэўнай якасці з'яўляюцца акрамя аб'ектыўна існуючых сувязей паміж рэаліямі яшчэ і суб'ектыўныя асацыяцыйныя сувязі паміж імі, абумоўленыя сацыяльным і духоўным вопытам грамадства.

Беларускія антыпрыказкі паводле зместу мэтазгодна дыферэнцыраваць на 9 галоўных прадметна-тэматычных блокаў: “Дзяржава. Улада. Палітыка”, “Эканоміка. Фінансы”, “Вытворчасць. Праца”, “Жыццё грамадства. Сацыяльныя з’явы, працэсы”, “Свет чалавека. Існаванне, асаблівасці, адносіны”, “Чалавек. Людзі. Зносіны”, “Духоўнае жыццё”, “Свет. Быццёвыя катэгорыі. Абстрактныя паняцці”, “Непазнанае”. Кожны з блокаў падзяляецца на некалькі прадметна-тэматычных груп, якія, у сваю чаргу, размяжоўваюцца на падгрупы па больш вузкіх прадметных тэмах.

Неабходна адзначыць, што некаторыя антыпрыказкі адначасова могуць адносіцца да двух розных тэматычных груп або падгруп. Напрыклад, адзінкі, якія адносяцца да групы “сяброўства”, могуць уваходзіць у наступныя групы: “грошы” – (1) *Хутка знойдзе мільён “сяброў” той, хто мае мільён рублёў*; “карысць” – (2) *Скажы мне, хто твой сябра, і я скажу табе, чым ты можаш быць мне карысным*, “п’янства” – (3) *Адзін друг заўсёды лепей за трох, бо тры, калі наведваюцца ў госці, з’ядуць і вып’юць у тры разы больш*; “сямейныя адносіны” – (4) *Новых сяброў нажывай, а старых ад жонкі адганяй*. Гэта не супярэчыць іерархічнаму падыходу да прадметна-тэматычнай класіфікацыі, паколькі антыпрыказкі, таксама як і прыказкі, азначаюць не асобныя прадметы, а цэлыя сітуацыі, што складаюцца з некалькіх рэалій, якія могуць адносіцца да розных прадметна-тэматычных сфер. Аднясенне антыпрыказак да тых ці іншых прадметна-тэматычных груп абапіраецца на вылучэнне пэўнай дамінантнай тэмы. Паводле гэтага прынцыпу антыпрыказкі (3) і (4) былі аднесены да групы “сяброўства”, а (1) і (2) – да груп адпаведна “грошы” і “карысць”.

Беларускія антыпрыказкі падзяляюцца на наступныя прадметна-тэматычныя групы (з адзначэннем іх колькаснай прадстаўленасці).

1 Дзяржава. Улада. Палітыка (6%). 1.1 Законы, праваахоўныя органы (2,5%) – *За морам цялушка – паўгроша, але ж мытня не спіць*. 1.2 Дзяржаўныя і грамадскія дзеячы (1,9%) – *Куды не кінь – усюды Клінтан. Моніка Левінскі*. 1.3 Выбары. Праграмы, палажэнні і мэты дзейнасці палітычных партый, дзеячаў (0,9%) – *У выбарах галоўнае не перамога, а ўдзел*. 1.4 Узброеныя сілы. Вайна (0,7%) – *Наш прапаршычк нічога не пакідае на заўтра, што можна сцягнуць сёння*.

2 Эканоміка. Фінансы (5,7%). 2.1 Грошы (2,1%) – *Ня май сто рублёў, а май сто даяраў*. 2.2 Інфляцыя (0,7%) – *Учора былі вялікія, але па 5, а сёння маленькія, але па 50*. 2.3 Рыначная эканоміка (0,5%) – *На чужы базар са сваімі цэнамі не ходзяць*. 2.4 Падаткі (0,5%) – *Нязваны госьць лепей, чым падатковы інспектар*. 2.5 Рэвізоры (0,4%) – *Адзін – з сошкай, сёмера – з праверкай*. 2.6 Прыбытак, расход (0,2%) – *Салодкая яда – жывату бяда, а кандытару прыбытак*. 2.7 Дармаўшчына (0,6%) – *Траянскаму каню глядзяць не ў зубы, а пад хвост*. 2.8 Багацце, беднасць (0,7%) – *Ні кала ні двара, толькі віла на Канарах*.

3 Вытворчасць. Праца (5,5%). 3.1 Сельская гаспадарка (1,6%) – *Цяпер і адзін у полі воін, калі ён трактарыст ці камбайнёр*. 3.2 Праца (3,9%): 3.2.1 Адносіны да працы (0,8%) – *Праца з малты зрабіла чалавека, з каня – транспарт. Тут як пашанце*; 3.2.2 Якасць працы, бракаробства, майстэрства (1,6%) – *Справа майстра баіцца, а ад бракароба бяжыць*; 3.2.3 Адносіны паміж працаўнікамі (0,2%) – *Варона казлу не таварыш, але ў адной канторы разам працаваць могуць*; 3.2.4 Беспрацоўе, працаўладкаванне (0,6%) – *Век жыві, век вучыся, безработным памрэш*; 3.2.5 Аплата працы (0,5%) – *Не месца ўпрыгожвае*

чалавека, а зарплата; 3.2.6 Павага да працы (0,2%) – *Не кідай грошай на вецер! Паважай працу дворніка!*

4 Жыццё грамадства. Сацыяльныя з'явы, працэсы (22%). 4.1 Сацыяльная іерархія (3,6%): 4.1.1 Адносіны паміж начальнікам і падначаленымі (1,4%) – *У лазні ўсе роўныя. Таму начальства наведвае саўну*; 4.1.2 Пасада, статус, кар'ера (1,8%) – *Рыхтуй сані летам, а пасаду з моладу!*; 4.1.3 Сувязі (0,4%) – *Сустракаюць на адзенні, а праводзяць на сувязях*. 4.2 Адмоўныя сацыяльныя з'явы (8,1%): 4.2.1 Злачыннасць (3,9%): а) Крымінальны свет (1,5%) – *Клан кланам выбіваюць*; б) Карупцыя, хабарніцтва (0,7%) – *Салаўінымі песнямі хабар не бяруць*; в) Махлярства, крадзеж, прысваенне (1,7%) – *“Не хлебам адным будзе сыты чалавек”, – мовіў повар і дабавіў у катлеты мяса*; 4.2.2 Шкодныя звычкі (3,8%): а) Курэнне (0,1%) – *Адзін грам пікаціну забівае каня. Так яму і трэба: хай не курыць*; б) П'янства (3,7%) – *Там, дзе добрая самагонка, не парвецца, тое, што тонка*; 4.2.3 Наркаманія (0,4%) – *Узяўся за гуж – забудзь пра “калёсы”*. 4.3 Ахова навакольнага асяроддзя. Экалогія. Мутацыя (2%) – *Беражы лес ад пажараў, бо не будзе з чаго рабіць запалкі!* 4.4 Адукацыя, студэнцтва, навука (1,5%) – *У сямі нянек дзіця без дыплому*. 4.5 Медыцына. Касметалогія (1,2%) – *Сэрца – не камень. Кардыёлаг – не геолог*. 4.6 Камунальная гаспадарка (0,4%) – *Як прыйшоў Спас – плаці за газ*. 4.7 Сацыяльныя гарантыі і кампенсацыі (0,3%) – *Сонца свеціць, ды ня грэе. Адпачынак грэе, ды ня сьвеціць...* 4.8 Міграцыя. Горад і вёска (0,3%) – *Смеласць бярэ гарады. Вось чаму ў вёсцы застаюцца адны нясмелыя*. 4.9 Сродкі масавай інфармацыі (0,4%) – *Кнігі робяць чалавека разумным, а газеты – нервовым*. 4.10 Інфармацыйныя тэхналогіі (1,1%) – *Камп'ютэр камп'ютэру не таварыш, а вірусаносьбіт*. 4.11 Дарога, рух, транспарт, паводзіны на дарозе, перамяшчэнне (2%) – *Аўтамабіль – не раскоша, але жабраком зрабіць можа...* 4.12 Мабільная сувязь (0,1%) – *Абанент не адказвае ці часова недасяжны. Паспрабуйце больш не тэлефанаваць*. 4.13 Дасуг (0,9%), Турызм (0,2%), Дыскатэка (0,1%), Спорт (0,6%) – *Шлях да сэрца балельшычыка ляжыць праз вароты праціўніка*.

5 Свет чалавека. Існаванне, асаблівасці, адносіны (21,5%). 5.1 Жыццё, смерць (2%) – *Жыццё кароткае. Пацярпі трошкі!* 5.2 Лёс, прызначэнне (1,7%) – *Кожны мужчына за сваё жыццё “павінен”: выхаваць жонку, вырасіць жы вот, пасадзіць печань*. 5.3 Кожнаму сваё (0,7%) – *Кожнаму сваё: агульнага няма!* 5.4 Сваё, чужое (0,6%) – *Адзін у чужым полі не воін*. 5.5 Узрост, маладосць, старасць (0,6%) – *І малады конь баразны не сапсуе, калі будзе стаяць у стойле*. 5.6 Здольнасці, патрэбнасці (1,1%) – *Народжаныя поўзаць лятаць не могуць. Затое могуць вельмі высока запаўзаць*. 5.7 Натура, яе праяўленне, менталітэт (0,5%) – *Пазнаюць птушку па памёце*. 5.8 Розум. Веды. Пазнанне (4,8%): 5.8.1 Дурань, глупства, мудрасць, розум (2,9%) – *Хто смяецца апошнім? Той, да каго пазней даходзіць...;* 5.8.2 Вучэнне, атрыманне ведаў (0,9%) – *Колькі не вучыся, усё роўна болей за тэлевізар ведаць не будзеш*; 5.8.3 Вопыт (0,6%) – *Хто апарыўся на малацэ, той і на карову дзьме*; 5.8.4 Роздум (0,4%) – *Падумай, перш чым падумаць!* 5.9 Здароўе (1,5%): 5.9.1 Здароўе, захворванні (1%) – *Здароўе за грошы не прадасі*; 5.9.2 Здаровы лад жыцця (0,1%) – *Вып'ем за здаровы лад жыцця!*; 5.9.3 Гігіена (0,4%) – *Мыйце рукі перад ежай. Нямытыя рукі есці шкодна*. 5.10 Быт (8%): 5.10.1 Дом, жыллёвыя ўмовы (0,3%) – *Мой родны кут, як ты мне мілы, / Але без грошай і віна. / Зрабіць рамонт не маю сілы, / Хоць абвалілася сцяна*; 5.10.2 Дача, прысядзібная

гаспадарка (0,5%) – *Што пасееш, тое і збяруць суседзі на дачы*; 5.10.3 Хатнія жывёлы (0,6%) – *Маленькі сабачка, а гаспадара моцна тузае*; 5.10.4 Харчаванне (2,9%) – *Байкар салаўём сыты не будзе*; 5.10.5 Дыета, лішняя вага (0,5%) – *Прападае кату масленіца, калі гаспадыня на дыеце*; 5.10.6 Знешнасць, аблічча, фізічныя недахопы (1,5%) – *Адна галава добра, а адна нага – блага*; 5.10.7 Адзенне (0,6%) – *Не адзенне чалавека, а чалавек адзенне псуе*; 5.10.8 Чысціня, ахайнасць (0,2%) – *І на сонцы ёсць плямы. Бо там яшчэ няма “Комет-геля”*; 5.10.9 Страваванне, фізіялагічныя працэсы (0,9%) – *Які стол, такі й стул*.

6 Чалавек. Людзі. Зносіны (17,2%). 6.1 Чалавек, людзі, асяроддзе (1%) – *Чалавек – гучыць горда, робат – перспектывна*. 6.2 Мужчына. Жанчына (1,9%) – *Мужчыны пазнаюцца ў грашах*. 6.3 Каханне. Інтымныя адносіны. Секс (6,8%) – *Каханне – не раскоша, а самы надзейны метад пазбавіцца ад уласных грошай*. 6.4 Сям’я (3,1%): 6.4.1 Сямейныя адносіны. Муж, жонка, сваякі (2,4%) – *Чым бы жонкі ні цешыліся, абы толькі мужы не плакалі*; 6.4.2 Бацькі і дзеці (0,7%) – *Чым бы дзіця ні цешылася, абы бацькі не плакалі*. 6.5 Сяброўства, варожасць (1,6%) – *Сябры спазнаюцца ў бядзе... Ці калі табе трэба паручальнікі*. 6.6 Госці (0,4%) – *Колькі госця ні кармі, усё роўна нап’ецца*. 6.7 Дасягненне згоды, перакананне (0,5%) – *Будуць і ваўкі сытыя, і авечкі цэлыя, калі ёсць казёл адпушчэння*. 6.8 Мова. Слова (1,9%) – *Слова – не верабей, выскачыць – і не падумаю лавіць. Трандычыха*.

7 Духоўнае жыццё (17,6%). 7.1 Вера. Бог. Царква. Рэлігія (1,3%) – *Беражонага і бог беражэ, – сказаў бацюшка, застрахаваўшы сваё жыццё*. 7.2 Мастацтва (1,6%) – *З песні слова не выкінеш, у фанаграму не ўставіш*. 7.3 Эстэтыка (0,7%) – *Прыгажосць – страшэнная сіла. Баба-Яга*. 7.4 Мараль (14%): 7.4.1 Этычныя катэгорыі (3,6%): а) Дабро, зло (0,7%) – *Дабро абавязкова пераможа зло, паставіць на калені і па-звярынаму заб’е*; б) Лепшае, добрае, дрэннае (0,9%) – *Усе, што робіцца, – да лепшага. А не робіцца абсалютна нічога*; в) Шчасце, удача, няшчасце (1%) – *Не ганяйся за шчасцем, няхай яно бегае за табой*; г) Ісціна, праўда (0,9%) – *Праўду ў вочы лепей казаць па тэлефоне*; д) Аўтарытэт (0,1%) – *Распаўсюджвай пра сябе добрыя слухі. Крыніца забудзецца, а сэнс застанецца*; 7.4.2 Маральныя якасці, рысы і праяўленне характару, эмоцыі (10,4%): Адказнасць (0,3%); Альтруізм (0,1%); Аптымізм (0,1%); Вернасць (0,4%); Гонар (0,1%); Дапамога, ратаванне (0,5%) – *Груган гругану вока не пазычыць*; Дармаедства, гультайства (1,6%) – *Лепей есці, чым працаваць*; Зайздрасць (0,1%) – *Імкненні да велічы, славы* (0,1%); Карысць (0,4%); Нахабства (0,1%); Падхалімства (0,4%); Патрыятызм (0,2%); Прагнасць (0,4%); Прадбачлівасць, перасцярога (1,9%) – *Не падаслаўшы саломкі, не падай*; Смеласць, страх (0,5%) – *Напужаная варона і вераб’я перапужае*; Смах, усмешка (0,6%) – *Смах – не грэх? А калі грашыць з усмешкай?*; Сорам (0,2%); Спачуванне (0,1%); Спех (0,4%); Сумленне (0,7%) – *Калі сумленне працнула, прымуць яго зрабіць фіззарядку*; Сціпласць (0,2%); Увага, спрыт, кемлівасць, промах (0,7%) – *Пакуль сем разоў адмераеш, не адзін тлусты кавалак адрэжучь*; Эканомнасць, беражлівасць (0,3%).

8 Свет. Быццёвыя катэгорыі. Абстрактныя паняцці (4,4%). 8.1 Свет (0,2%): *“Што ж у гэтым свеце не так?” – думаў Калабок, перажойваючы лісу*. 8.2 Час. Вечнасць. Мінулае, сучаснае, будучае (0,8%) – *Калі не ў казіцы сказаць, ні прам апісаць, значыць, гэта наша будучыня*. 8.3 Своечасовасць, дачаснасць (1%) – *Спазніцца ніколі не позна*. 8.4 Неабходнасць, магчымасць

(0,5%) – *Як мука спатрэбіцца, дык усё перамелецца*. 8.5 Якасць, колькасць (0,3%) – *Не ўсё тое золата найвышэйшай пробы, што блішчыць*. 8.6 Ад-нолькавае, рознае (0,9%) – *Клін клінам заганяюць*. 8.7 Многа, мала, мноства (0,3%) – *І тут пуста, і там не густа*. 8.8 Новае, старое (0,2%) – *Новае – гэта рэабілітаванае старое*. 8.9 Правіла (0,1%) – *Кожнае выключэнне мае сваё правіла*. 8.10 Парадак (0,1%) – *Воўк лічанае бярэ. Ведае: захочуць – наноў пералічаць*.

9 Непазнае (0,2%) – *А зомбі тут ціхія; Аднаго біяполя ягады*.

Заклучэнне

Змест беларускіх антыпрыказак прысвечаны актуальным праблемам у сацыяльным і культурным жыцці беларусаў, адносінам носьбітаў мовы да таго, што адбываецца на Беларусі і ў свеце. Прадметна-тэматычныя групы беларускіх антыпрыказак з’яўляюцца ўзаемазалежнымі і ўзаемаабумоўленымі, суадносяцца паводле прынцыпу іерархіі, што адлюстроўвае аб’ектыўную іерархію паняццяў і каштоўнасцей, якія выступаюць найбольш значнымі для сучасных носьбітаў мовы. Розныя прадметна-тэматычныя групы маюць неаднолькавую колькасную прадстаўленасць, што паказвае на прадуктыўнасць адлюстравання ў мове тых ці іншых сфер сацыяльнага і духоўнага жыцця сучаснага чалавека, яго ўяўленняў і каштоўнасцей.

Прыкладна роўнымі па сваёй колькаснай напаўняльнасці з’яўляюцца прадметна-тэматычныя блокі “Жыццё грамадства. Сацыяльныя з’явы, працэсы” (22% ад агульнай колькасці антыпрыказак), “Свет чалавека. Існаванне, асаблівасці, адносіны” (21,5%), “Духоўнае жыццё” (17,6%), “Чалавек. Людзі. Зносіны” (17,2%). Найменш колькасна прадстаўлены прадметна-тэматычныя блокі “Свет. Быццёвыя катэгорыі. Абстрактныя паняцці” (4,4%) і “Непазнае” (0,2%).

Да найбольш актуальных сфер жыцця сучаснага грамадства адносяцца, паводле іх колькаснай прадстаўленасці ў беларускіх антыпрыказках, наступныя: “Маральныя якасці, праяўленне і рысы характару, эмоцыі” (10,4%); “Быт” (8%); “Адмоўныя сацыяльныя з’явы” (8,1%), у тым ліку “Злачыннасць” (3,9%), “П’янства” (3,7%); “Каханне. Інтымныя адносіны. Секс” (6,8%), “Сацыяльная іерархія” (3,6%), “Сям’я” (3,1%).

Многія з прадметна-тэматычных груп беларускіх антыпрыказак змештава супадаюць з прадметна-тэматычнымі групамі прыказак (паводле існуючых парэміялагічных зборнікаў), але колькасны склад прыказак і антыпрыказак аднолькавай тэматыкі істотна адрозніваецца. Так, у зборніку Ф.М. Янкоўскага [4] напаўняльнасць прадметна-тэматычных груп прыказак (у параўнанні з антыпрыказкамі) наступная: “Злачыннасць” – 0,6% (параўн. 3,9%), “П’янства” – 0,8% (3,7%), “Каханне” – 0,3% (6,8%), “Сацыяльная іерархія (няроўнасць)” – 5,1% (3,6%), “Сям’я” – 6,6% (3,1%). Гэта сведчыць аб змяненні сацыяльных і духоўных прыярытэтаў, каштоўнасцей і арыентацый сучаснага беларускага грамадства.

ЛІТАРАТУРА

1. **Walter, H.** Анти-пословицы в современной живой русской речи / H. Walter, V. Mokienko // Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. – Greifswald: Institut für Slawistik, 2002. – С. 3-24.
2. **Mieder, W.** Antisprichwörter / W. Mieder. – Wiesbaden: Verlag für deutsche Sprache, 1982. – Band I. – 235 s.
3. **Dundes, A.** Interpreting folklore / A. Dundes. – Bloomington: Indiana University Press, 1980. – 304 p.

4. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф.М. Янкоўскі; прадам. Д.Я. Бугаёва. – Мінск : Бсл. навука, 2004. – 494 с.

Паступіў у рэдакцыю 28.05.2010 г.

УДК 821.161.1 – 94.0

Н.Л. БЛИЦ

М.А. КУЗМИН В МЕТАЛИТЕРАТУРНЫХ РЕФЛЕКСИЯХ А.М. РЕМИЗОВА

В статье исследуется собирательный “кузминский текст” в эмигрантской прозе А.М. Ремизова и доказывается, что образ М. Кузмина открыт к разнообразным интерпретациям. При внешнем различии художественных и житнетворческих позиций обоих художников Ремизов находит множество точек соприкосновений: сочетание тонченной чувственности с живым аналитическим умом, интерес к старообрядчеству, страсть к стилизациям и др.

Введение

Одним из полюсов притяжения художественной мысли А.М. Ремизова был противоречивый образ М.А. Кузмина, воспроизводимый им во всех поздних автобиографических метаповествованиях (“Подстриженными глазами”, “Иверень”, “Петербургский буерак”, “Ахру”, “Взвихренная Русь”, “Кукха”, “Учитель музыки”, “Мышкина дудочка”). Жизненные и творческие судьбы М.А. Кузмина и А.М. Ремизова можно читать как совершенно полярные, контрастно перевернутые тексты (писатели эти еще и “перевернутые” тезки: Михаил Алексеевич – Алексей Михайлович). Ремизов – нелюдимый, болезненный, живущий затворником, а Кузмин по контрасту – цветущий, успевающий посещать вернисажи, мастерские художников, артистические кабаре, концерты старинной и современной музыки. Первый – гонимый редакторами и издательствами, нецененный и непризнанный петербуржцами “москвит”, а второй – востребованный всеми ведущими редакторами (от “Весов” до “Аполлона”) всеядный петербуржец. Один – сутулый, похожий на загнанного лесного зверька, даже рядящийся в “вязаные и меховые шкурки”, а другой – стройный, необыкновенно изящный, одевающийся с дендистской оригинальностью. Ряд антиномий можно продолжать, если вслушиваться в “мемуарный хор” литературных сплетников.

Основная часть

При всем различии художественных и житнетворческих позиций заметно, что оба одержимы страстью к игре культурными масками, у обоих несомненен избыток артистизма и демонстративно показного. Ремизов и Кузмин принадлежат к одному и тому же психотипу, которому свойственны чрезмерная мнительность, обидчивость, чувствительность к запахам и прикосновениям, доминирование аудиального канала восприятия мира. Эта женская суть природы художника, демонстрируемая одним и тщательно скрываемаемая другим, и сблизает писателей. Таким «женственным» художникам, как Кузмин и Ремизов, присуще едва ли не самое редкое сочетание тонченной чувственности с живым аналитическим умом.

На страницах ремизовских металитературных повествований М. Кузмин появляется в разных ипостасях. Например, в книге “Кукха” А. Ремизов для контраста вводит в “розановский текст” мифологизированный образ М.А. Кузмина, рассказывая о нем Розанову: “...какой это удивительный человек: и стихи пишет и музыкант и поет и Бог знает что – ...” [1, с. 217]. Повременим с интерпретацией риторической фигуры “Бог знает что”, поскольку ее референтная функция – за пределами данного исследования. Фрагмент о Кузмине в книге “Кукха” назван “Легенда”. Его тематическое ядро составляет легенда-апокриф о хождении Богородицы по мукам, рассказываемая главному герою книги – В. Розанову. “Помню, М. Кузмин восхищался повестью о житии Моисея Утрина”¹, – вспоминает Ремизов, указывая на мотивированную связь розановского и кузминского текстов, поскольку в книгу Розанова “Люди лунного света” была включена именно эта повесть. Образ Кузмина постепенно обретает каноническую контурность: “... были у него редкие книги старопечатные (Пролог) и рукописные, и знаменные крюки (ноты)” [1, с. 114]. А в процессе пересказа апокрифа выясняется еще одна связь с образом поэта: “М.А. Кузмин написал музыку – хождение Богородицы по мукам. Сам он и играл на рояли и пел” [1, с. 113]. В параллель с пересказом апокрифа А. Ремизов рисует общеизвестный по корпусу мемуарных текстов² канонический портрет М. Кузмина: “Кузмин тогда ходил с бородой – чернущая! – в вишневой бархатной поддевке, а дома <...> являлся в парчовой золотой рубахе навыпуск, глаза и без того – у Сомова хорошо это нарисовано! – скосится, ну, конь! А тут еще карандашом слегка, и так смотрит, не то сам фараон Тут-танк-хамен, не то с костра из скитов заволжских, и очень *душил*ся розой – от него, как от иконы на праздник” [1, с. 114]. Почти во всех эмигрантских книгах Ремизова образ Кузмина составлен из точных “стоп-кадров” ощупывающего взгляда с каноническим набором визуально-обонятельных деталей. Глаза – “мысленно подведенные” и “единственные вифлеемские”, которые поэт так же, как в “Кукхе”, “по-лошадному скосил”. Борода – “черная... с итальянских портретов”. Запах – “благоухание – роза” [2, с. 249].

Удивительно перекликается ремизовская обонятельная ассоциация с автопортретной зарисовкой: “парчовые рубашки ... в соединении с духами (*от меня пахло как от плащаницы*)...”. Возможно, через метафоры вкуса и запаха Ремизов передает подмеченное у Кузмина культивирование сознательного “обонятельно-вкусового” подхода к жизнетворчеству. В эпилоге жизненного текста Кузмин так вспоминал этот период: “... обилие колец с камнями, мои “Александрейские песни”, музыка и вкусы – должны были производить ошарашивающее впечатление... <...> Тут же, при всей скурильности, я являлся задолго до Клюева эстетическим Распутиным” [3, с. 13]. В финале фрагмента “Легенда” становится очевидным, что сам поэт М. Кузмин и есть “легенда-апокриф”. Его

¹ Кузминоведы считают, что в идеологических произведениях Кузмина константной темой являлась мизогиния (отвращение к женщинам) и паставничество на путь к истинной любви. В сюжете упомянутого жития Моисей ради идеи служения Христу фанатично отказывается от соединения с влюбленной в него красивейшей и богатейшей “ляхисей” (полячкой) и после продолжительного сопротивления становится кастрированной жертвой произвола оскорбленной женщины. Несмотря на лишения и страдания, Моисей остается крепко в своей любви к Христу.

² Вл. Пяст в воспоминаниях пишет: “...в числе гостей Сологуба оказался одетый в особую поддевку своеобразного стиля, с какими-то шаровидными резными застежками, певец и музыкант... Черный как смоль молодой, румяный человек, – это был не кто иной как М. Кузмин” (см.: Пяст Вл. Встречи. Сост., вступ. ст., научн. подгот. текста, коммент. Р. Тимшника. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – С. 85).

земная жизнь видится Ремизову как “хождение по мукам”, а посмертная судьба сравнима с участью “отреченных” апокрифических текстов.

В ремизовских сновидениях М. Кузмин всегда легко узнаваем.

«Ко мне пришел К., мой знакомый музыкант и сочинитель, уезжает он надолго, может быть навсегда, пришел проститься. И я поцеловал его в макушку. А он обертывается ко мне и, притрагиваясь носом к моему носу, говорит: надо вот так, так целуются сфинксы. Я же подумал: “Ты-то, может быть, и сфинкс, а я всего только птица”» [4, с. 450].

Это один из первых литературных снов о М. Кузмине. Назывался он “Сфинкс”, поскольку здесь зашифрованы египетские псевдоисторические курсы Кузмина (“Александрийские песни”, “Сети”, “Подвиги Великого Александра”, неоконченная опера “Гармахис и Клеопатра” и др.). “Кузмин чаровал египетской цыганщиной” – такова метафорическая формула стиля Кузмина, с точки зрения Ремизова. Другой сон о Кузмине также принимает литературную форму.

“Идем мы по площади мимо собора Богородицы (Frauenkirche). Со мной мой знакомый придворный музыкант в малиновом кафтане. Я музыканту Нюрнберг показываю, башни черные, как чугун самый черный, и здания лиловые, будто пеплом покрытые. Идем, разговариваем. Весело мне, трепетно мне. Тихим золотом светится прекрасный источник...” [4, с. 453].

Далее Нюрнберг превращается в Петербург, музыкант исчезает, а сновидец один идет по Таврической улице. Сновидение, вопреки убеждению З. Фрейда, не всегда несет в себе сексуальную аллегорию, которую можно было бы усмотреть в “черных башнях” и “лиловых зданиях”. Вопреки мнению К. Юнга, оно не всегда является и причинно обусловленным символическим сообщением. Поэтому знаковая “Таврическая улица” и “веселая” и “трепетная” прогулка с Кузминым не интерпретируются эротическим подтекстом. Природа ремизовских сновидений – чаще всего игра слов. Обыгрывание немецких корней “берг”/“бург” в названиях городов подчеркивает “нерусскость” пространства, в котором развивается действие, а упомянутый “собор Богородицы” с немецким дублем названия может интерпретироваться как символическая реакция на монотонную литургию Кузмина к апокрифу “Хождение Богородицы по мукам”, с одной стороны, и как пародия на демонстративную “европейскость” и “окатоличность” поэта – с другой.

Собирательный образ М.А. Кузмина в “серебряновечном” мемуарном хоре – это образ с гомосексуальной референтной семантикой. А.М. Ремизов единственный в этом “хоре”, кто сложил свой миф о Кузмине как о *ярославце*. Этот миф становится центральным в металитературном эссе “Послушный самокей (М.А. Кузмин)”, впервые появившемся в книге “Пляшущий демон”, изданной в Париже в 1949 г. В начале 1950-х гг. Ремизов работал над “посмертной”, как он сам ее назвал, книгой воспоминаний о людях эпохи Серебряного века. В один из разделов этой книги, названный “Петербургская русалия”, и был помещен фрагмент о Кузмине. Задуманный как развернутый некролог, текст постепенно превратился в свернутый миф о художнике М. Кузмине – заложнике стиля и пленнике собственного жизнетворчества. Язык эссе избыточен, но тем самым Ремизов пытается создать максимально точный стиливой слепок кузминских текстов и через стиль раскрыть “внутреннего” Кузмина, не канонизированного в мемуарах, а живого.

Архитектура эссе напоминает литургический канон. Вступление-зачин содержит в себе интонационное зерно всего эссе: “Михаил Александрович Кузмин, рассказавший в “Александрийских песнях” по-русски об Антиное³, взблеснул на литературном искусном Петербурге 1906 года и умер в Ленинграде в 1936 году” [2, с. 244]. Остальные шесть небольших фрагментов представляют собой интонационно-тематическое единство, однако каждый из фрагментов имеет свой внутренний лейтмотив. “Когда мне говорят “Кузмин”, я слышу антифоны...” [2, с. 245] – таков начальный заповедь одной из частей эссе. Совершенно очевидная аналогия с зачином знаменитых “Александрийских песен” Кузмина (“Когда мне говорят Александрия...”) подчеркивает особую их значимость. Подобно Херувимской песне – центральному песнопению в евхаристических канонах – “Александрийские песни” являются гимном и опорным цитатным пластом всего эссе. Ориентирование текста эссе на литургический строй и антифонное исполнение ощутимо в целой серии атрибутов. Ремизовский текст соткан из множества прямых и косвенных цитат из стихов и прозы Кузмина, что не только усиливает его декламационно-экспрессивное звучание, но и способствует антифонной аранжировке: построчное звучание стихов и прозы поэта воспринимается как псалмы, звучащие с воображаемых клиросов.

После традиционных lamentаций об униженной жизни на чужбине Ремизов начинает лирический заповедь с лейтмотивом “общей судьбы”: “Вы на своей земле – в Ленинграде, а я в Париже, а судьба наша одна” [2, с. 245]. Жизненные и литературные судьбы обоих художников, как уже отмечалось, были абсолютно разными, однако Ремизов находит судьбоносное единство в общей для себя и своего героя “серебряновечной” тоске и неудовлетворенности собственным статусом в культурном пространстве (для Кузмина – в советском, для Ремизова – в эмигрантском). Для обоих писателей главной метабиографической темой в поздних произведениях становится тема поиска утерянной идентичности, обоих отличает болезненная страсть к самопознанию в дневниковых авторефлексиях.

Второй фрагмент строится на респонсориях двух голосов. Хоровому распеву (“судьба наша одна”) отвечает авторский голос с алтаря (“но пути другие”). “Наши пути другие, и оттого что моя стихия, мой огонь, вспыхнувший в веках, живет и светит по-другому, как бы я хотел быть, как вы, послушный” [2, с. 245], – пишет Ремизов. Лейтмотивный рефрен “послушный” в стихотворении Кузмина “Если мне скажут...” мог напоминать Ремизову еще и канты с обязательным рефреном на последнем слове.

Вспоминая свое болезненное вхождение в литературу, Ремизов словно заново прописывает старые обиды в ином контексте, вынуждая интерпретатора вновь и вновь погружаться в глубь авторских палимпсестов. Говоря о “блистании” Кузмина на небосклоне литературного Петербурга, о “взлете” ярославца и “крылатого александрийца”, Ремизов прямо намекает на разные пути “вхождения” в литературу. Как известно, 1906 год был для Кузмина звездным: в симво-

³ “Красавец Антиной утопился в священном Ниле и стал богом... Этот герой пришел в поэзию (и жизнь) Кузмина в том числе из романа Георга Эберса “Император” (опубл. в 1882 г.), в котором самоубийство Антиной трактовалось как жертва ради спасения императора. Самоотожествление Кузмина с Антиноем принимало в жизни такие формы: он запечатывал свои письма печаткой с профилем Антиной, воспроизводившей античные монеты (и так же поступал Демьянов, герой “Картошного домика”); Антиноем Кузмина называли в обществе “друзей Гафиза”, собиравшемся на “башне” Вяч. Иванова” – пишет Лада Папова. См. Папова Л. “Александрийские песни” Михаила Кузмина: гомоэротический спепарий // Папова Л. Египет и русская литература. – М., 2007.

листных “Весех” в июле (№ 7) были напечатаны “Александрийские песни”, в ноябре (№ 11) – повесть “Крылья”. В это самое время Ремизов после закрытия журнала “Вопросы жизни” вынужденно стал “свободным художником”. Он ходил по редакциям петербургских газет и журналов и предлагал свой литературный “шурум-бурум”.

“Другими” были пути двух начинающих тогда писателей и потому, что мэтр символизма В. Брюсов обратил свое внимание на талант Кузмина, а дарование Ремизова, как мы помним, не оценил. В книге “Иверень” Ремизов фиксирует реакцию Брюсова на присланные им рукописи: “Нам не подходит... на нашем сером (я понял “европейском”) это ваше русское – заплатка: кусок золотой парчи” [4, с. 473]. Удвоенным эмоциональным отзвуком той обиды на “Весы” явилась реакция на редакцию журнала “Аполлон”, который тоже отказал Ремизову в публикации “Неуемного бубна”: “мое не только не подходило к “прекрасной ясности”, а нагло перло...” [2, с. 249].

Как в европейски ориентированном символистском журнале “Весы” написанные природным ладом тексты смотрелись бы “парчовой заплаткой”, так из блестящего “Аполлона” “выпирала” бы уже даже названием своим эротическая повесть “Неуемный бубен”. Справедливость догадки о ревнивном отношении Ремизова к брюсовской похвале Кузмину подтверждается второй частью ремизовского пассажа: “...мое... нагло перло, разрушая до основания чуждую русскому ладу “легкость” и “бабочность” для них незыблемого пушкинизма” [2, с. 249]. Закавыченные Ремизовым слова заставляют вспомнить строки рецензии В. Брюсова на сборник М. Кузмина “Сети”: “Все, даже трагическое, приобретает в его стихах поразительную *легкость*, и его поэзия похожа на *блестящую бабочку*, в солнечный день порхающую в пышном цветнике (курсив мой. – Н.Б.) [5, с. 123].

Определяя роль М. Кузмина в редакции журнала “Аполлон”, Ремизов называет поэта “начетчиком”, чем подчеркивает интерес поэта к старообрядчеству и большую начитанность в старопечатных книгах. Подчеркивая видимую сторону психологического облика Кузмина, его всестороннюю образованность и авторитетность, Ремизов иронично подмечает, что вместе с тем “начитанность в русской старине не заронила ни малейшего сомнения в незыблемости русской книжной речи...” [2, с. 246]. В ценностной системе Ремизова “книжность” – синоним ‘западничества’. Еще ранее, в эссе о Пушкине, Ремизов писал: “Русский книжный лад, да что же тут русского? Мешанина: церковнославянское, французское и немецкое” [1, с. 248]. “...да мы и думаем-то не по-русски, ладя слова по грамматике Грота, и со знаками препинания” [1, с. 250], – с горестным пафосом восклицает Ремизов. Безусловно, здесь Ремизов вступает в полемику с известным высказыванием М. Кузмина из статьи “О прекрасной ясности”: “Сохранять чистоту языка не значит как-то лишать его плоти и крови, вылащивать, обращать в кошерное мясо, – нет, но не насиловать его и твердо блюсти его характер .... Грубо можно назвать это – грамматикой (не учебной, но опытной), или логикой родной речи” [6, с. 8]. Проблема противостояния “природного русского лада” и “книжности” была весьма болезненной для Ремизова: “...возьмем наугад страницу из нас, “трудящихся и обремененных”. Вот вам отчет: все правильно, ни одной грамматической ошибки, и запятые на месте: на глаз серопего, пальцам вязко, уху – “щи”. Как распознать под такой причастной и деепричастной придаточной тянучкой природный лад живой русской речи: кратко и крепко?” [1, с. 248].

Для Ремизова Пушкин – “наша культурная совесть” [1, с. 249], потому как “... только Пушкин так остро почувствовал рабство нашей книжной речи” [1, с. 247]. Кузмин, с точки зрения Ремизова, рабски “послушно” следовал правилам “прекрасной ясности по Гроту и Анри де Ренье” [2, с. 247]. В одном синонимическом ряду со словом “книжный” поставлено слово “искусный” с семантикой “искушения, соблазна” или “рукотворной сделанности”. В свете такого понимания Ремизов не без иронии подмечает, что, “следуя классическим образцам”, Кузмин “добирался до искуснейшего литераторства: говорить ни о чем” [2, с. 246]. Эту же искусность Ремизов обнаруживает у всех “петербургских апологонов”: “Они были *послушны* данной “языковой материи”, только разрабатывая и ничего не начиная” [2, с. 249].

В многочисленных критических заметках или обзорах М. Кузмин довольно часто прибегает в качестве иллюстративного примера к Ремизову. В “Послушном самокее” Ремизов, по сути, вступает в полемику с критическими замечаниями Кузмина, особенно с его статьей “О прекрасной ясности”. Запоздалой обсессивной реакцией выглядит следующий пассаж Ремизова: “Свое несомненное в незыблемость и единственность образцов русской классической книжной речи, увенчанной Пушкиным, Кузмин выразил и объявил как манифест “О прекрасной ясности”. Это был всеобщий отклик от Брюсова до Сологуба. Мне читать было жутко” [2, с. 246].

Напомним контекст этого высказывания. Кузмин в указанной статье рассуждает о категории “**стиля**” и понятиях “стильно”, “стилист”, “стилизатор”. Хороший “стиль”, с точки зрения критика, – это сохранение чистоты, логики и духа родного языка. С этой точки зрения стилистами можно назвать Островского, Печерского, Лескова. Однако “мы повременили бы... называть А. Белого, З. Гиппиус и А. Ремизова – стилистами. <...> Но как только мы возьмем изречение: “**Стиль – это человек**”, мы готовы поставить этих авторов в первую голову” [6, с. 8]. Далее речь заходит о “стилизации” как “облечении” своего замысла “в точную литературную форму данного времени”: для Кузмина примеры стилизаций – легенды Лескова и “Огненный ангел” Брюсова, но никак не “Лимонарь” Ремизова, в то время как последний называет эту свою книгу стилизацией.

Ремизов ценит ритмичность и музыкальность прозы Кузмина и отмечает, что у того “есть страницы, написанные просто для словесного складу и очень стройно, точь-в-точь как у Марлинского...” [2, с. 246]. Неоднократно подчеркивал Ремизов и то, что Мельников-Печерский – автор романов “В Лесах” и “На горах” о жизни сектантов и старообрядцев – является его собственным “родоначальником” и “вдохновителем” двух его современников – М. Кузмина и А. Белого. Так через общее литературное родословие устанавливается у Ремизова “родство” поэтических душ. В Кузмине он разглядел такую же “загнанную” и “затравленную” душу, измученную, но послушную условностям “литературного искусного Петербурга”.

«Татуированный Сомовым, шляпа с лентой “умирающего Адониса”, в одной руке левкой, в другой мешочек: “Акакия” (земля), символ смирения базилисов, – такой в моих глазах, когда мне говорят: “Кузмин»» [2, с. 245], – пишет Ремизов. Ремизовская образность, связанная с татуировкой, восходит не только к известному портрету Кузмина работы К. Сомова. Здесь Ремизов обозначает послушность Кузмина эстетическим взглядам мирискусников. В свете названия эссе смысловой акцент переносится на “символ смирения”, поскольку

ку, с точки зрения Ремизова, "...для крылатого александрийца слово Дягилева – суд непосуждаемый" [2, с. 259].

Заклучение

Наблюдения над траекториями смыслового сцепления кузминских образов в ремизовских металитературных рефлексиях позволяют говорить о собирательном "кузминском тексте" как о внутренне целостной самоорганизующейся системе, открытой к разнообразным интерпретациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ремизов, А.М.** Собр. соч.: в 10 т. Т. 7: Ахру / А.М. Ремизов. – М., 2002.
2. **Ремизов, А.М.** Собр. соч.: в 10 т. Т. 10: Петербургский буерак / А.М. Ремизов. – М., 2002.
3. М. Кузмин. Дневник 1908 – 1915. Предисл., подг. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. – СПб., 2005.
4. **Ремизов, А.М.** Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень / А.М. Ремизов. – М., 2000.
5. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX – XX всков: в 3 т. / сост.: П. Фокина, С. Князевой. – СПб.: Амфора, 2007. – С. 123.
6. **Кузмин, М.** Проза и эссеистика: в 3 т. Т. 3: Эссеистика. Критика / М. Кузмин. – М.: Аграф, 2000.

Поступила в редакцию 08.05.2010 г.

УДК 070:77

Е.А. ГУРТОВАЯ

ФОТОЖУРНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОЙ ЛИНИИ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

В статье исследуются проблемы современной фотожурналистики в контексте гуманитарной линии философии техники, которая задает концептуальные основы и методологию исследования роли техники в различных сферах жизнедеятельности человека. Предложено авторское понимание значения технологических факторов в творчестве фотожурналиста.

Введение

Современную печатную периодику невозможно представить без визуальной информации. В противовес потоку телевидения и видеопродукции фотоиллюстрация печатной периодики предполагает созерцательный подход и обретает особое звучание в современном мире. Специалист по медиа Норберт Болц говорит о "значительном, умиротворенном образе", который служит надежной точкой опоры в современном потоке информации. Если телевидение или Интернет, в лучшем случае, создают визуальный "удар", традиционная фотография – как победа "абстракции" – одна в состоянии укорениться в нашей памяти и порождать нечто похожее на воспоминания [1, с. 6].

Компьютеризация технологических процессов сбора, обработки, производства и распространения информации периодических изданий затронула в наибольшей степени процесс преобразования авторского оригинала в публикацию. Каждодневно создаваемые сотрудниками секретариатов редакций оригинал-макеты полос очередного номера, как правило, не обходятся без использования

фотоснимков. Фотоиллюстрация – динамичный компонент формирования визуального образа издания, требующая постоянного творческого поиска, высокого профессионализма и особых форм организации труда. Этот процесс всегда таил профессиональные секреты – ноу-хау. Видимая легкость производства печатного оттиска, которую предоставила компьютеризация множительной оргтехники, создала иллюзию, но не отменила сложность и искусство качественного преобразования авторской рукописи в оригинал-макет и готовую информационную продукцию, предназначенную для массовой аудитории, выходящую в свет определенным тиражом со строгой периодичностью в заданном формате и стиле. Фотоснимков и графического материала это коснулось еще в большей степени, чем текстовых публикаций. Фотоиллюстрация печатной периодики, ввиду своей выразительности и эксклюзивности, играет значимую роль в системе визуально-семантических средств, к которым также относят логотип, графику, рисунки, шрифтовое оформление текста и заголовочно-рубричного комплекса.

Основная часть

Фотоиллюстрация – техногенная форма творчества, которая широко представлена в современной печатной периодике: газетах, журналах, бюллетенях, вестниках, альманахах, буклетной и рекламной продукции. Издаваемые на бумажном носителе и в электронном виде, различного качества, черно-белые и полноцветные, они имеют множество отличий друг от друга и ряд общих свойств. Производство печатных периодических изданий за всю трехсотлетнюю историю не переживало более мощных потрясений, чем те, что были вызваны коммуникационной революцией, произошедшей в последней четверти XX в. и знаменовавшей период революционного обновления средств массовой информации на основе внедрения цифровых технологий, определяемых как дигитализация.

Печатная периодика как сегмент современной медиасферы, включающей и другие области профессионального журналистского творчества – информационные агентства, радиожурналистику, телевидение, сетевую прессу, – остается востребованной в эпоху цифровых технологий. Газетно-журнальный мир, в свое время открывший человечеству новые возможности познания действительности, относится к старейшим и нестареющим средствам массовой информации, производство и иллюстрирование которых непрерывно совершенствуется. Стремительное внедрение в начале XXI в. фотографической информации на основе цифровых технологий модернизирует свойства и функции печатной периодики, обогащает потенциал визуально-семантических средств оформления и режиссуры газетно-журнальных номеров.

Значительное расширение границ возможного принципиально изменяет уровень ответственности творческих коллективов и технических служб редакций изданий, актуализируя проблемы выбора и эффективного использования новых средств.

Исследование тенденций и проблем развития современной национальной фотожурналистики не видится иначе как на базе сферического представления взаимозависимости и взаимообусловленности материально-технического и духовно-интеллектуального пластов культуры в широком смысле этого понятия.

Значимость соответствия формы (визуального образа) издания содержанию (семантике) известно со времен изобретения в Европе печатного станка Иоганном Гуттенбергом и деятельности белорусского первопечатника Франциска Скорины, которые открыли технические возможности функционирования печатной периодики, положив начало первой коммуникационной революции.

Вторая коммуникационная революция, связанная с открытием радио, которое с 20 – 30-х гг. XX в. обретает массовость, а затем и третья – телевизионная, подарившие миру новые виды СМИ – радио- и тележурналистику, изменили роль и место печатной периодики в медийной сфере. Но они не в такой степени затронули внутренние основы производства печатной периодики и ее технологический базис, как это происходит в эпоху современной цифровой революции. Научное обоснование принципов формирования содержания и формы, определение закономерностей восприятия информации усложняются с каждым новым витком технического прогресса газетного и журнального производства. Высокопрофессиональное использование возможностей дигитализации предопределяет успех процесса формирования образа современных периодических изданий, в значительной мере актуализируя исследования профессиональных проблем фотожурналистики.

Фотожурналистика эпохи цифровых технологий – явление сложное, новое, малоизученное, перспективное. Ее потенциалом и профессиональными секретами еще предстоит овладеть отечественным и зарубежным газетчикам. Искусство художественного документализма дополняется открывающимися возможностями оперативного и высококачественного использования фотоиллюстраций на основе монтажа снимков, а также иных графических и визуальных элементов в соответствии с авторским замыслом, режиссурой конкретного газетного номера и концепцией изданий.

Стремление к повышению эффективности функционирования современной национальной медиасферы требует детального исследования важнейшего процесса производства печатных изданий – формирования их визуально-семантического образа. Большинство исследователей отдают предпочтение изучению вербально-семантических средств текстового материала или концентрируются на режиссуре номера. Но визуальная информация является не менее важной частью содержания газеты или журнала, оказывая влияние на аудиторию иным образом, чем текст, – “скрытно”. Тайнство воздействия обусловлено сложностью техногенной и эстетической природы фотографии, документально отображающей действительность, с одной стороны, и обладающей свойством универсальности восприятия “без границ” – с другой.

Роль технологий в журналистике отмечалась различными учеными. Я. Заурский считает, что “технические средства сами по себе не определяют содержательную сторону коммуникаций, но они определенно развивают их медийную сторону<...> пока И. Гуттенберг не изобрел печать – не издавались газеты, пока не создали радио – его не слушали, пока не появился интернет – не возникла онлайн-журналистика” [2, с. 319]. В известном афоризме “медиа есть сообщение”, подчеркивается исключительная роль средства передачи. Значение экстралингвистических факторов, в том числе и технологий, на интралингвистические процессы в журналистике отмечает В. Ивченко: “Палітычная сітуацыя, эканамічныя пераўтварэнні, якія адбываліся на мяжы XX і XXI стст., найноўшыя інфармацыйныя тэхналогіі радыкальным чынам змянілі мову сродкаў масавай інфармацыі <...> змены, якія адбываюцца ў жыцці, адбываюцца ў мове, бо мова і жыццё ідуць разам. Мова адлюстроўвае рэчаіснасць і чалавека, з’яўляецца формай захоўвання ведаў пра рэчаіснасць” [3, с. 39].

Экстралингвистические факторы и развитие техники влияют не только на язык, но и на СМИ как актуализированную форму языка, в том числе фотографического языка, зависящего от материально-технических средств.

Процесс осмысления самого феномена техники начался позже ее возникновения. На различных исторических этапах мыслители уделяли внимание отдельным аспектам явления. И только с нарастанием “массы” техники и увеличением ее влияния на мир возникло понятие “философия техники”, которое стремительно развивается, захватывая все новые и новые сферы жизни.

Ключ к объяснению современных тенденций и перспектив фотоиллюстрирования газетной периодики находим в трудах ряда современных исследователей, считающих Эрнста Каппа родоначальником “философии техники”, стремящейся к системному осмыслению различных проявлений техногенеза цивилизации и его роли в технологиях современного творчества. Формируемый человеком внешний мир, по его мнению, в некотором смысле – продолжение организма индивида, объективирование его представлений.

Далее появляются работы французского социолога А. Эспинаса “Происхождение технологии” (1890 г.), немецкого исследователя Ф. Бона “О долге и добре” (1898 г.), русского инженера П. Энгельмейера “Общие вопросы техники” (1899 г.). Они принадлежат условно выделяемой инженерной философии техники в противовес, по классификации К. Митчема, гуманитарной линии учения [4, с. 22].

В рамках гуманитарной линии последователей философии Э. Каппа рассматриваются взаимоотношения между техникой, человеком, природой, наукой, рядом других факторов и явлений. Этот метод позволяет охватить широкое поле проблем и оценить роль “умных” вещей – инструментария, оборудования, приемов, способов и методов труда как “овеществленного” в технике и технологиях интеллекта.

Сегодня техника, проникая на микро- и макроуровень социума, характеризуется впечатляющим количественным и качественным многообразием. В разнообразных философских концепциях формулируются фундаментальные вопросы взаимоотношений человека и техники: ее влияния на индивида, общество, различные сферы человеческой жизнедеятельности, что актуально в эпоху экологического, экономического и духовного кризисов и обнаруживается при анализе работ Х. Ортеги-и-Гассета [5], О. Шпенглера [6], Х. Сколимовски [7], Д. Белла [8] и др.

Развитие техники и технологий, по их мнению, является перманентным объективным процессом, настойчиво и неумолимо проникающим во все сферы, включая гуманитарные.

Словари указывают на греческие и латинские корни смежных понятий “техника” и “технология”, суть которых – искусство, мастерство, умение, обладание определенными навыками. Для нашего исследования методологически важно зафиксировать философско-лингвистическое единство технико-технологического и творческого факторов.

Фотографическая техника не является определяющим фактором, но провоцирует способ и форму употребления визуально-семантических средств, которые влияют на мировосприятие человека. Таково мнение ряда зарубежных исследователей: “Новое устройство преимущественно открывает дверь, но не принуждает войти. Принятие или отвержение изобретения, или степень привлечения в реализацию, если оно принято, зависят во многом от состояния общества, от воображения его лидеров, также как от собственной природы предмета” [9, с. 28].

В современном мире возникают новые технические формы и средства, которые трансформируют традиционные коммуникационные каналы. Например, Интернет дает возможность не только оперативной коммуникации, но порождает и новый язык, в котором дурным тоном считается орфографически и пункту-

ационно грамотная речь. Подобного рода тенденции снижения качественных требований наблюдаются и в печатной периодике.

Процесс дигитализации, увеличивая скорость, производительность и другие количественные параметры работы фотокорреспондентов, открывает новый виток развития фотоиндустрии с ее уникальной технологией и свето/цветографическим языком, что обуславливает необходимость фундаментального научного осмысления феномена и прикладного освоения в производстве современных СМИ.

Один из значимых методологических принципов исследования современной печатной периодики находим в опыте философии техники. Изобретение фотографии сделало возможным небывалое тиражирование визуальной информации, которая стала доступной для восприятия миллионами людей, по-новому взглянувших на мир и себя. Фотография, особенно в прессе, “сократила” пространство и время. В первое время после изобретения ее называли “зеркалом с памятью”. Современные научные исследования доказывают ошибочность этой метафоры, все еще живущей в общественном сознании. Выяснение роли техники в фотожурналистике позволяют сделать вывод о том, что фотоаппарат – своеобразное продолжение человеческого глаза – опосредует восприятие фотографирующего, оказывая влияние на характер снимков, визуально-семантический образ издания и в конечном счете на образ действительности в сознании читателя.

Под воздействием новейших технологий происходят существенные качественные изменения не только в процессе производства газетного номера (макетирование, верстка), но и в области *организации труда фотожурналиста*. Доминирующей тенденцией можно назвать возрастание технических возможностей. Дигитальные технологии оказывают влияние на *психологию творчества*. Цифровая камера не ограничивает его расходным материалом (пленкой), который во все времена требовал экономного отношения и, соответственно, объективно повышал ответственность фоторепортера за расход материала. Использование карт памяти, способных вместить до полутысячи фотоизображений (и эта цифра со временем будет только увеличиваться), создает иллюзию безграничности материала. Теряется осознанность момента. “Умные” цифровые камеры позволяют все чаще снимать для прессы непрофессионалам. В белорусских изданиях чрезвычайно распространена практика иллюстрирования публикаций авторами текстов. При всей очевидности экономической выгоды для редакции следует, однако, признать, что успешное соединение в одном лице пишущего журналиста и мастера фотосъемки встречается крайне редко. Один из аспектов широкого применения цифровых технологий в иллюстрировании печатной прессы – *“пиратское” использование фотографий из Интернета*, что приводит порой к обострению морально-правовых вопросов: нарушение авторских прав, некорректное контекстуальное использование. Изменяются *сущностные свойства фотоиллюстрации в прессе* и фотографии в целом как средства выражения. Наиболее важным из этих свойств традиционно признавалась документальность. Глядя на цифровой снимок, нельзя быть уверенным в достоверности цвета, формы и местоположения изображаемых объектов, хотя по инерции продолжается восприятие фотографии как правдивого отражения действительности. Цифровые технологии предусматривают легкую техническую возможность вмешательства в фотоизображение, искушающую без особых причин изменить исходный снимок. Вследствие обнаруживающихся обстоятельств *психология восприятия цифровых фотографий может претерпеть значительные изменения*, которые с течением времени будут только усиливаться.

Заклучение

Фотоиллюстрация в прессе сегодня немыслима вне цифровых технологий. Они делают ее доступной и мобильной. Гибко вписываясь в новые формы коммуникации, она демонстрирует жизнеспособность. Несмотря на отдельные публичные и частные заявления о том, что фотография умирает, мы вынуждены рассматривать их лишь как пристрастные мнения. Фотография изменяется, и происходящие изменения затрагивают ее суть. Именно поэтому необходимо глубокое осознание происходящих в современной фотожурналистике процессов, связанных со сменой технологий, чтобы не человек становился инструментом, подчиняющимся диктату техники, но техника была инструментом в руках человека умелого и разумного.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кецле, Х.М.** Знаменитые фотографии. История знакомых образов / Х.М. Кецле. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – Т. 2: 1928 – 1991. – 191 с.
2. **Засурский, Я.Н.** Испытание свободой: российская журналистика: 1990 – 2004 / Я.Н. Засурский. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 464 с.
3. **Ўчанкаў, В.І.** Журналіст у творчым пошуку / В.І. Ўчанкаў // Журналіст. – 2008. – № 3. – С. 39-41.
4. **Митчел, К.** Что такое философия техники? = What is the philosophy of technology?: пер. с англ. / К. Митчел; под ред. В.Г. Горохова. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 149 с.
5. **Ортега-и-Гассет, Х.** Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // Вопр. философии. – 1993. – № 10. – С. 32-68.
6. **Шпенглер, О.** Человек и техника / О. Шпенглер / Культурология. XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 454-494.
7. **Сколимовски, Х.** Философия техники как философия человека / Х. Сколимовски // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т философии; [сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича]. – М., 1986. – С. 240-249.
8. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – CLXX, 783 с.
9. **Coleman, A.D.** Depth of field: essays on photography, mass media, and lens culture / A.D. Coleman. – Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, 1998. – 197 p.

Поступила в редакцию 29.04.2010 г.

УДК 811.161.3'373:811.161.2'373:811.111'373-115:398.9

В.Г. ГАЎРЫЛОВІЧ

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ З КАМПАНЕНТАМ СВІННЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ, РУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ: ПАРАЎНАЛЬНА-СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫ АНАЛІЗ

На аснове параўнальна-супастаўляльнага аналізу фразеалагічных адзінак з кампанентам свіння ў беларускай, рускай і англійскай мовах паводле семантыкі выяўлены эквівалентныя ФА ў трох мовах альбо толькі ў дзвюх (беларускай і рускай, беларускай і англійскай) і безэквівалентныя ФА. З улікам семантычнага, структурна-граматычнага і кампанентнага паказчыкаў устаноўлены тыпы міжмоўных адносін ФА – поўныя эквіваленты, поўныя аналагі, частковыя аналагі.

Уводзіны

Вывучэнне групы фразеалагічных адзінак (ФА) паводле агульнага кампанента (заонім, колераабзначэнне, назва асобы па прафесіі, прагматонім, саматызм, тапонім, уласнае імя, фітонім і г.д.) лічыцца адным з актуальных на-

кірункаў у фразеалогіі, паколькі гэта садзейнічае рашэнню многіх праблем: дапамагае глыбей пранікнуць у структуру фразеалагізма, раскрыць механізм яе фарміравання, вызначыць ролю кампанентаў ва ўтварэнні фразеалагічнага значэння, выявіць семантычную арганізаванасць фразеалагізмаў і г.д. Цікавы матэрыял для даследавання прадстаўляюць фразеалагізмы з кампанентам-заонімам з прычыны высокай частотнасці іх ужывання, шырокіх фразеўтваральных магчымасцяў.

Праз кампанент-заонім вобразы фразеалагізмаў суадносяцца з зааморфным кодам культуры, пад якім разумеюць “сукупнасць абумоўленых культурай стэрэатыпных уяўленняў аб уласцівасцях, характарыстыках або асаблівасцях паводзін жывёл, якія выступаюць як крыніца асэнсавання чалавекам свету і нясуць у дадатак да сваіх прыродных уласцівасцяў функцыянальна значныя для культуры сэнсы” [1, с. 296].

Заонімныя фразеалагізмы былі аб’ектам вывучэння рускіх лінгвістаў (В.У. Вінаградава, В.С. Ахманавай, В.М. Тэлія, Д.А. Дабравольскага, Ю.П. Саладуба, А.М. Меляровіча, В.М. Макіенкі і інш.), але галоўным чынам у якасці ілюстрацыйнага матэрыялу для пацвярджэння меркаванняў даследчыкаў па агульных праблемах фразеалогіі.

Прадметам спецыяльнага даследавання, але на матэрыяле адной мовы заонімная фразеалогія стала ў некалькіх дысертацыйных даследаваннях (А.В. Буробіна, 1995, Ф.Ф. Фархутдзінавай, 1987, К.Р. Малафеевай, 1989, Т.В. Казловай, 1991 – рускай, Т.А. Шапілавай, 2001 – французскай, Е.А. Корман, 2007 – іспанскай і інш.).

У беларускім мовазнаўстве адзначаецца работа А.Л. Садоўскай (2002), прысвечаная разгляду фразеалагізмаў з кампанентам-арнітонімам у этналінгвістычным аспекце.

У межах супастаўляльнай лінгвістыкі на матэрыяле розных моў заонімныя ФА вывучаліся ў працах расійскіх даследчыкаў (Д.М. Марданавай, 1997 – рускай і турэцкай, І.У. Халманскіх, 2000 – рускай і балгарскай, Н.А. Кіндра, 2005, Д.А. Цішкінай, 2008 – англійскай і рускай, Н.А. Скіцінай, 2007 – рускай, англійскай і нямецкай і інш.), толькі ў дзвюх – беларускіх даследчыкаў (С.У. Галяк, 2003 – сербскай і беларускай, В.А. Івановай, 2006 – рускай і англійскай). Асобныя фразеалагічныя серыі з заонімным кампанентам прадстаўлены ў даследаваннях Н.Д. Піменавай, 2002 (фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у англійскай і турэцкай мовах), Ю.А. Інчынай, 2002 (фразеалагізмы з кампанентам-назвай свойскай жывёлы ў рускай, англійскай і нямецкай мовах) і інш.

Кантрасціўнае вывучэнне фразеалагізмаў дазваляе выдзеліць тое агульнае ў фразеалогіі розных моў і тое адметнае для фразеалогіі кожнай мовы, у выніку чаго “назіраецца найбольш поўнае і ўсебаковае ўстанаўленне нацыянальнай спецыфікі фразеалагічнага складу мовы” [2, с. 89], вось чаму даследаванне ФА беларускай, рускай і англійскай моў у параўнальна-супастаўляльным аспекце ўяўляе цікавасць і вызначаецца актуальнасцю.

Асноўная частка

У межах артыкула правядзём параўнанне і супастаўленне ФА трох моў з кампанентам *свіння*, якіх у беларускай мове зафіксавана 12, у рускай – 10, у англійскай – 27, з мэтай выяўлення агульнага і адметнага ў іх семантыцы, ўстанаўлення тыпаў міжмоўных адносін, культурных катэгорый (стэрэатыпных уяўленняў, сімвалаў, эталонаў і г.д.).

Колькасць ФА з кампанентам *свіння* ў кожнай з трох моў павялічваецца за кошт ФА з кампанентам-дэрыватам ад лексемы *свіння* або кампанентам, блізім па значэнні да гэтай лексемы: бел. *свінтус*, *свіны*, *парасячы*, рус. – *свинячий*, англ. розныя лексемы – *pig*, *swine* ‘свіння’, *hog* ‘парсюк’, *sow* ‘свіння, свіна-матка’.

Свіння – адна з найбольш важных сельскагаспадарчых жывёл: забяспечвае чалавека харчаваннем, сыравінай для вырабу адзення, абутку. Паводле ўяўленняў беларусаў, свіння лічылася, з аднаго боку, жывёлай, здольнай уплываць на здароўе і дабрабыт людзей, з другога, людзі верылі, што ў гэтую жывёлу часта ператвараецца ведзьма [3, с. 140-141]. Біблія і Каран прылічваюць свінню да нячыстых жывёл, якіх забаронена ўжываць у ежу (у кнізе Левіт). Адмоўнае стаўленне да свінні ў многіх народаў свету, як заўважае Т.І. Шамякіна, звязана з сакральнымі момантамі: свіння першапачаткова была свяшчэннай жывёлай, на ўжыванне мяса якой было накладзена табу [4, с. 48].

Паводле семантыкі пры параўнальна-супастаўляльным аналізе ФА падзяляюцца на дзве групы: 1) эквівалентныя ФА і 2) безэквівалентныя ФА.

Эквівалентныя ФА выяўлены ў трох мовах альбо толькі ў дзвюх – беларускай і рускай, беларускай і англійскай.

Усе тры народы з вобразам свінні звязваюць такую загану, як п’янства, што заснавана на складзеным стэрэатыпе ўяўленняў аб свінні як аб жывёле нізкай, бруднай і адлюстравана ў ФА кожнай з моў: *поўныя эквіваленты* (тоесная семантыка, аднолькавая структурна-граматычная арганізацыя і кампанентны склад): бел. п’яны/напіцца/набрацца *як свіння* ‘вельмі моцна’ [5] – рус. *как свинья* ‘вельмі моцна, агідна (напіцца, быць п’яным і г.д.)’ [6]; *поўныя аналагі* (тоесная семантыка, падобная структурна-граматычная арганізацыя, розны кампанентны склад): бел. напівацца/напіцца *да парасячага піску/віску* ‘вельмі моцна, да стану бессвядомасці’ – англ. *drunk as David’s sow* (дасл. – п’яны як свіння Давіда) ‘п’яны да непрытомнасці, ушчэнт’ [7]; *частковыя аналагі* (тоесная семантыка, розная структурна-граматычная арганізацыя, розны або суадносны ў адной лексеме кампанентны склад): бел. п’яны/напіцца/набрацца *як свіння* – англ. *drunk as David’s sow*; рус. *как свинья* – англ. *drunk as David’s sow*, бел. напівацца/напіцца *да парасячага піску/віску* – рус. *как свинья*.

Ва ўсіх трох мовах *поўнымі эквівалентамі* з’яўляюцца ФА: бел. *сыпаць бісер/перлы перад свіннямі* / рус. *метать бисер перед свиньями* ‘дарэмна гаварыць пра што-н. ці даказваць што-н. таму, хто не здольны або не хоча зразумець гэта’ – англ. *cast pearls before swine* (дасл. – сыпаць жэмчуг перад свіннямі) ‘даваць, прапаноўваць каштоўныя рэчы людзям, якія не разумеюць іх каштоўнасці’, што тлумачыцца іх агульным паходжаннем з Бібліі.

Поўныя эквіваленты характэрны толькі беларускай і рускай мовам: разумець, разбірацца *як/што свіння ў апельсінах* ‘зусім нічога не (разумець)’ – *как свинья в апельсинах* ‘нікольні, зусім (не разбірацца, разумець у чым-н.)’, што звязана са стэрэатыпным уяўленнем аб свінні як неразумнай жывёле; *падкладваць/падкладаць свінню (падкласці/падлажыць свінню)* / *подкладывать свинью (подложитъ свинью)* ‘цішком падстройваць непрыемнасць, подласць каму-н.

Беларускія і англійскія ФА адносяцца да *частковых аналагаў*: сядзіць, ляжыць *як на свінні набэдрыкі* ‘нязграбна, дрэнна, не аблягаючы цела’; ідзе, падыходзіць *як свінні сядло* ‘зусім не (падыходзіць каму-н. што-н.)’ – *a hog in armour* (дасл. – свіння ў латах) ‘пра чалавека, які адчувае сябе няёмка, нязруч-

на ў сваім новым гарнітуры'. ФА пабудаваны на спалучэнні несумяшчальных па значэнні слоў *свіння* 'парнакапытная млекакормячая жывёліна, свойскі від якой разводзяць для атрымання сала, мяса, скуры, шчаціння' [8, с. 591] і *сядло* 'частка збруі для верхавой язды ў выглядзе сядзення для конніка, якое ўмацоўваецца на спіне жывёлы' [8, с. 647], *набэдрыкі* 'частка вупражы ў выглядзе рэменя, які прымацоўваецца двума канцамі да хамута і праходзіць па баках і спіне каня; шлеі' [8, с. 356], *латы* 'металічныя даспехі, браня, якія засцерагалі ад халоднай, а ў сярэднія вякі і ад агнястрэльнай зброі' [8, с. 314]. Як заўважае М.Ф. Алефірэнка, "супастаўленне несупастаўляльных элементаў звычайнай свядомасці нярэдка спараджаецца зняважлівымі адносінамі да аб'екта ўскосна-вытворнай намінацыі" [9, с. 90].

Безэквівалентныя ФА складаюць найбольш колькасную групу: па 6 ФА ў беларускай (*у свінья галасы* прыходзіць / пачынаць / выбірацца 'з вялікім спазненнем'; *свіней не пасвіў* 'не раўня каму-н., не аднолькавы з кім-н.'; пражыць *як на свінні праехаць* 'вельмі дрэнна, няўдала'; *паказаць на чым свіння хвост носіць* 'жорстка пакараць, правучыць каго-н.'; *свіное вуха* 'рэпрадуктар вулічны, а таксама пакаёвы (радыёкропка)'; *свінтус грандыёзус* 'ганебны, няўдзячны чалавек, нахабнік') і рускай (*свінья в ермолке* 'пра фанабэрыстага чалавека з вялікімі прэтэнзіямі, нічым не абгрунтаванымі'; *на свинье не объедешь* 'чога не пазбегнуць чаго-н., не пазбавіцца ад чаго-н.'; *свиньяче рыло* 'абразлівая форма звароту да чалавека'; *ну тебя/его к свиньям <собачьим>* / *к свиньям <собачьим>* 'ужываецца для выражэння раздражнення, незадаволенасці па прычыне каго-н. або чаго-н.'; *морская свинья* 'дэльфін') мовах, 25 ФА ў англійскай (*grease the fat pig/sow* 'даваць грошы і без таго багатаму чалавеку'; *eat/live high off/on the hog* 'жыць у раскошы, жыць прыпяваючы'; *live low on the hog* 'жыць сціпла'; *bleed like a (stuck) pig* 'аблівацца кроўю, сыходзіць кроўю; моцна кроватачыць'; *stick pigs* 'паляваць на дзікоў вярхом з кап'ём'; *squeal like a stuck pig* 'веращачць'; *stare like a stuck pig* 'вытаращчыць вочы (ад здзіўлення)'; *sweat like a pig* 'аблівацца потам'; *eat like a pig* 'есці з прагнасцю, чмякаючы'; *like a sow playing on a trump* 'нязграбна, непрыгожа'; *make a hog/pig of oneself* 'аб'ядацца', *play the hog* 'быць эгаістам, думаць толькі пра сябе; абыходзіцца нядобра з кім-н.'; *drive one's hogs/pigs to market* 'гучна храпці'; *bring one's hogs/pigs to a bad/wrong/ to a fair/fine/pretty market* 'пацярпець няўдачу, пралічыцца, праваліцца'; *in a/the pig's eye* 'брашы больш!, так я і павяржы!'; *a guinea pig* 'паддоследны трус'; *pigs in clover* 1) 'выскачкі; людзі, якія не па праву займаюць высокае грамадскае становішча'; 2) 'дзіцячая настольная гульня'; *go (the whole) hog* 'рабіць што-н. грунтоўна, даводзіць да канца, не спыняцца на паўмерах'; *when pigs fly* 'ніколі'; *in less than a pig's whisper* 'зараз жа, у адзін момант'; *a pig in a poke* 1) 'пакупка, зробленая завочна'; 2) 'рашэнне, прынятае без уліку магчымых вынікаў, усяляваючы'; *get/have/take the right sow by the ear* 1) 'знайсці якраз тое, што трэба; абвінаваціць, захапіць, арыштаваць таго, каго патрэбна'; 2) 'пацэліць у самую кропку'; *get/have/take the wrong sow by the ear* 1) 'звярнуцца не на той адрас; абвінаваціць, захапіць, арыштаваць не таго, каго патрэбна'; 2) 'зрабіць няправільную выснову; трапіць пальцам у неба'; *buy a pig in a poke* 1) 'купляць што-н. не гледзячы, завочна або не ведаючы каштоўнасці'; 2) 'узяць на сябе абавязальства або прыняць рашэнне, не ведаючы пра вынікі'; *sell a pig in a poke* 'прадаваць што-н. завочна').

З пералічаных безэквівалентных ФА беларускай мовы звяртаюць на сябе ўвагу тры ФА.

Вобразны змест *ФА ў свіння галасы* заснаваны на назіранні за паводзінамі свіней: у час не накормленыя свінні пачынаюць пішчаць, патрабуючы ежы.

ФА свіное вуха пабудавана на аснове падабенства паміж рэпрадуктарам (гучнагаварыцель) і вухам (орган слыху) свінні.

ФА свінтус грандыёзус паходзіць з камедыі К. Крапівы “Хто смяецца апошнім”.

З безэквівалентных *ФА* рускай мовы цікавасць выклікаюць дзве *ФА*.

Крыніцай утварэння *ФА на свінье не объедешь* ‘не пазбегнуць чаго-н., не пазбавіцца ад чаго-н.’ з’яўляюцца прыказкі: *бабья вранья и на свінье не объедешь, женское свойство (поров) и на свінье не объедешь* [10, с. 289-290], якія адлюстроўваюць ілжывасць і каварства жанчын.

Паходжанне *ФА свінья в ермолке* абавязана мастацкай літаратуры: упершыню ўжыта М.В. Гогалем у камедыі “Рэвізор”. У аснове вобраза *ФА* ляжыць метафара, якая прыпадабняе фанабэрыстага чалавека да свінні. Вобраз *ФА* пабудаваны з дапамогай несумяшчальных кампанентаў *свінья* і *ермолка* ‘маленькая мяккая круглая шапачка без аколывка’ [8, с. 782].

З безэквівалентных *ФА* англійскай мовы ў культуралагічных адносінах выдзяляюцца тры групы.

Свіння ў англічан служыць сімвалам багацця, дабрабыту. Аднак у *ФА* багацце трактуецца адмоўна: *grease the fat pig/sow* (дасл. – змазаць тлушчам тлустую свінню); *eat/live high off/on the hog* (дасл. – есці/жыць высока на свінні), а супрацьлегла – *live low on the hog* (дасл. – жыць нізка на свінні).

На параўнанні з фізіялагічнымі асаблівасцямі і паводзінамі свінні заснаваны *ФА*: *squeal like a stuck pig* (дасл. – вішчаць як свіння, якую рэжуць); *stare like a stuck pig* (дасл. – утаропіцца як свіння, якую рэжуць); *sweat like a pig* (дасл. – пацець як свіння); *eat like a pig* (дасл. – есці як свіння).

Назіранне сітуацыі (працэдура забою свінні, паляванне на дзікоў) адлюстравана ў *ФА bleed like a (stuck) pig* (дасл. – кроватачыць як свіння, якую рэжуць) і *stick pigs* (дасл. – заколваць свіней).

Заклучэнне

Такім чынам, параўнальна-супастаўляльны аналіз *ФА* з кампанентам *свіння* ў беларускай, рускай і англійскай мовах дазваляе выявіць агульнае для трох народаў, якія свінню асацыіруюць з марнасцю намаганняў, п’янствам. У сям’ядомасці носьбітаў беларускай і рускай моў свіння выконвае ролю эталона непрыемнасці і глупства, беларускай і англійскай моў – недарэчнага знешняга выгляду. Шматлікія безэквівалентныя *ФА* сведчаць аб спецыфічнасці светаўспрымання беларусаў, рускіх і англічан праз назіранні за свінняй і перанос на чалавека.

ЛІТАРАТУРА

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. *Ляшчынская, В.А.* Новы этап развіцця беларускай фразеаграфіі і задачы ў святле дасягненняў фразеалогіі / В.А. Ляшчынская // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины.* – № 6. – 2009. – С. 88-91.
3. *Коваль, У.І.* Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У.І. Коваль. – Гомель: Беларускае Агенцтва павукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.
4. *Шамякіна, Т.* Па зямлі ходзіць, а неба не бачыць: Вобраз свінні ў сусветнай культуры / Т. Шамякіна // *Роднае слова.* – 1994. – № 12. – С. 48-51.

5. *Лепешаў, І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.
6. *Фразеологический словарь русского литературного языка* / сост. А.И. Федоров. – М.: ООО "Фирма Издательство АСТ", 2001. – 720 с.
7. *Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц* / А.В. Кушип. – 5-е изд. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
8. *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў* / пад рэд. М.Р. Судзіка, М.Н. Крыўко. – 3-е выд. – Мн.: БелЭн, 2002. – 784 с.
9. *Алефиренко, Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Элпис, 2008. – 270 с.
10. *Пословицы русского народа: сборник* В.И. Даля. – М.: Русский язык. – Медиа, 2006. – 814 с.

Паступіў у рэдакцыю 07.05.2010 г.

УДК 070(4/9)

П.П. ПОВАРИЧ

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ДИСКУРСЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются особенности освещения проблемы взаимоотношений личности и общества в зарубежных изданиях нового типа, которые определяются в западноевропейской теории журналистики как "журналы современной культуры". Анализируются коммуникативно-информационные подходы указанных журналов в исследовании данной проблемы: внимание к идейным и культурным предпочтениям молодежных субкультур в условиях глобализации, приоритет индивидуальных ценностей, влияние на жизнелюбие читателей.

Введение

Отношения личности и общества остаются тем вечным вопросом, который встает перед каждым поколением. Явно или неявно пути разрешения этой коллизии предлагают средства массовой информации, особенно те, которые выполняют не только информационную, но и социально-ориентирующую и культурологическую функции.

Собственный подход к этой проблеме предлагают широко известные за рубежом издания, которые можно классифицировать как журналы современной культуры. К ним относятся британские "i-D", "Dazed & Confused", "POP", "Tank", "Nylon", американский "The Black Book"; издающиеся в нескольких странах "Vice" и "WAD" ("We Are Different"); небольшие журналы, которые выпускаются в одной стране на ее языке, такие как "People" (Швеция), "Juice" (Сингапур), "Garp" (Австрия) и др. [1, с. 55].

Основными аксиологическими и философскими концептами изданий подобного типа являются: индивидуальность (зачастую намеренно акцентированная, даже утрированная), "культур-центристский" стиль жизни; внимание к выражению социальных изменений в обществе, различных видах искусства, организации свободного времени, моде.

В силу относительной новизны и специфики распространения эти издания изучены мало, однако представляют несомненный интерес как тип издания,

который, сочетая в себе характеристики как качественной, так и популярной прессы, оказывает заметное влияние на формирование мировоззрения и стиля жизни своих читателей.

Целью проведенного анализа, основанного на изучении обширного журнального материала за два последних десятилетия, является выявление особенностей отражения проблемы взаимоотношений личности и общества в дискурсе рассматриваемых изданий.

Основная часть

Учитывая многозначные трактовки понятия “дискурс” [2, 3], следует определить, что в данном исследовании термин “дискурс” понимается как комплексный многоуровневый процесс создания вербального и невербального содержания журнала и его воздействия на читателя.

Отношения личности и общества представлены журналами современной культуры через совокупность образов мышления, способов самоидентификации, стиля жизни, привычек и жизнеорганизующих практик определенной части современного общества – в основном молодежи и людей творческих и близких к творческим профессиям, которые выступают реципиентами журнальных текстов. Несмотря на многообразие журналов современной культуры, им присущи общие концептуальные установки, сформировавшие подход к рассмотрению взаимоотношений личности и общества и их нетривиальный дискурс. Среди данных особенностей:

1. Отражение идейных и культурных ценностей молодежных субкультур.
2. Акцентирование приоритета и ценности индивидуального.
3. Влияние на жизнотворчество своих читателей.
4. Содействие в развитии глобальных субкультур.
5. Интертекстуальность.

История возникновения журналов непосредственно связана с поиском наиболее активными слоями творческой молодежи адекватных средств выражения своих идей и взглядов. Крупнейшие из журналов современной культуры – “i-D” и “Dazed & Confused” – появились в Великобритании на волне популярности наиболее развитых молодежных субкультур панка и new wave (новая волна).

Субкультура панка, “интеллектуально изоциренная сторона” которого стала источником эстетического вдохновения для создателей журнала “i-D”, была выражением позиции критически настроенной молодежи по отношению к социальным и политическим реалиям того времени, в первую очередь усугубленному консерватизму, экспансии философии американских яппи, проповедующей культ потребления и богатства.

Панк- и рок-группы, не стесняясь в выражениях, высказывали свою точку зрения в песнях, самиздат-журналах, в стиле поведения и одежды. Философия субкультуры, особенно ее интеллектуальная сторона, нашла выражение в текстах, визуальном оформлении журнала и положила начало формированию его уникального в то время дискурса [4, с. 197].

Наиболее яркие представители, “герои” этой субкультуры – группа Sex Pistols и дизайнер Вивьен Вествуд (Vivienne Westwood), – с журнальных страниц заговорили с читателями на их языке, высказывая собственные мысли о мире, обществе, жизни. Идеи о социальном и политическом устройстве, этике, самоидентичности высказывались с использованием провокационной лексики и

иллюстраций. Номера журнала наполнили фотографии персонажей с улицы в цепях, клетчатых рубашках, рваных джинсах, кожаных жилетах и булавках, которые являются отличительными атрибутами панк-рокеров и в настоящее время. Ранний “i-D” отличала хаотичная и коллажная верстка, включающая вырванные из тетради исписанные листы, вручную написанные и нарисованные заголовки и пр.

Все эти элементы помогли сформировать своеобразный дискурс внутри и вокруг журнала, который органично вписался в коммуникативную ситуацию, сложившуюся в молодежной среде. Свежесть подачи материалов, отсутствие запретных тем, новая стилистика, эффектная верстка сразу же сделали журнал популярным и породили его последователей.

Одним из них стал журнал “Dazed & Confused”. Он появился на волне субкультуры new wave, которая нашла выражение в творчестве музыкальных групп Blur, Oasis, дизайнеров Джона Галльяно, Александра МакКуина и была вдохновлена философией постмодернизма [5, с. 251-253].

New wave стала для молодежи манифестом индивидуальности и многообразия жизни. Субкультура выражала новое мировоззрение, созвучное философии панка, но в то же время более сложное и разностороннее. Для философии new wave характерен индивидуалистично-отстраненный взгляд на мир, свойственный философии и литературе 1920 – 1930-х гг., и фрагментаризация вкуса.

Стиль и дискурс “Dazed & Confused” формировались последовательно – от выражения идей сначала в плакатной форме (изначально журнал выпускался в форме постера), а потом и в текстах. Расплывчатый и несколько иррациональный контекст new wave особенно точно отражается в фотосессиях, наполненных ироничными, интертекстуальными или просто абстрактными снимками, активизирующими ассоциативное мышление читателя. Типичной для журнала является фотосессия, размещенная в номере за май 1999 г. (“Dazed & Confused”. – 1999 – № 5. – С. 50-56). На фотографиях запечатлены участники группы The Pavement, одетые в строгие классические костюмы, которые с помощью деревянных палочек поглощают блюдо из игрушечных ягуаров, что подтверждают установленные на столе плакаты с текстом: “Салат из ягуаров” (Jaguar salad). Такой же несколько ироничный подход прослеживается и в фотосессии из июльского номера журнала того же года под названием “Meltdown”, которое можно перевести как “расплавление” или “нервный срыв”. На фотографиях изображены “расплавляющиеся” модели, производящие соответствующий эффект, созданный при помощи грима (“Dazed & Confused”. – 1999 – № 7. – С. 55-62).

Подобные фотосессии вызывают ощущение дискомфорта, схожего с тем, который испытывает личность в жестком современном мире с его бешеным темпом жизни. Их цель – спровоцировать читателя к размышлениям путем представления необычного, неожиданного и не соответствующего общепринятым социальным нормам объекта в соответствующем ракурсе.

Одним из основных тематических и концептуальных источников рассматриваемого типа изданий является потребность пробудить у читателя стремление к жизнотворчеству и саморазвитию. Социальная тематика в большинстве случаев прослеживается в статьях, для которых характерен серьезный подход к освещению проблемы, обилие фактического материала и явно выраженный призыв к изменению ситуации.

Так, весь номер журнала “i-D” за январь 1994 г. посвящен теме антирасизма (“i-D”. – 1994. – № 124, Special Anti-Racist Issue). В выпуске содержатся

материалы о поп-певце Apache Indian – представителе индийского этнического меньшинства в Великобритании (с. 11); статья о Веронике Вебб (Veronica Webb) – одной из первых темнокожих моделей в рекламном бизнесе (с. 12); интервью антирасистского характера с Мэтти Хансоном (Matty Hanson) – представителем хип-хоп субкультуры африканского происхождения.

В журнале “i-D” за февраль 2007 г. отведено много места разноплановым публикациям об американской антивоенной субкультуре. Ее представители – музыканты, художники, фотографы, журналисты, издатели, владельцы модных клубов – противостояли американскому вторжению в Ирак (“i-D”. – 2007. – № 278. – С. 163-169). Материалы о творчестве и общественной деятельности каждого из этих людей имеют одну основную цель – активизировать антивоенное движение в США. Призывая присоединиться к такой деятельности, журнал информирует о месте и времени проведения тематических концертов, выпусках музыкальных альбомов, фотовыставках антивоенной направленности и пр.

Со временем журналы современной культуры претерпели естественную концептуальную и идейную трансформацию, которая привела к оформлению современного подхода к отражению взаимоотношений индивидуального и общего. Эта трансформация во многом связана с изменением геополитической ситуации и одним из ее важнейших последствий – глобализацией субкультур, вовлекающих в свои орбиты людей из разных стран.

Глобальные субкультуры, которые находятся нередко на грани между несколькими видами деятельности, в основном музыки, спорта и моды (например, Gothic Lolita, скейтбординг, клубная культура), также являются постоянными тематическими полями журналов современной культуры. Эстетика, философия субкультур, связанные с ними события, такие как музыкальные фестивали, молодежные спортивные мероприятия, серфинг-турниры, кинофестивали и т.п., находят отражение на страницах рассматриваемых изданий. Их показ осуществляется “изнутри” – при помощи интервью, фоторепортажей или статей, написанных непосредственными участниками событий.

Это четко прослеживается и в текстах интервью, в материалах, посвященных тем или иным персонажам из мира музыки, моды, кино, изобразительного искусства и т.п. Например, в журнале POP за осень – зиму 2009/2010 опубликовано интервью с Тави Гевинсон (Tavi Gevinson) – звездой модной блогосферы (“POP”. – 2009. – № 21. – С. 220-232). В свои 14 лет Тави является одним из самых популярных блоггеров “о моде” – одного из тех комьюнити, которые особенно разрослись в интернет-пространстве в последние два года с появлением таких порталов, как Chictopia.com и Lookbook.nu. В журнале размещены интервью с несколькими блоггерами, но только Тави как феномен блогосферы (статистика посещений ее блога достигает 500000 в месяц) получила возможность быть снятой в фотосессии. Таким образом, Тави представлена как образчик глобальной субкультуры – “модной” интернет-тусовки. При этом не только основной интерес – в данном случае мода, – но и язык, манера общения и иные элементы имиджа блоггера важны для адекватного представления ее личности. Этот подход присущ и другим материалам, т.е. является особенностью дискурса журнала в целом.

Средствами отражения индивидуальной философии и эстетики являются персонацифированный стиль подачи материалов, основанный на таких жанрах, как гонзо-журналистика, построение материалов по модели “перевернутой пирамиды”, а также авторская манера повествования, прослеживающаяся в статье

ях и интервью. С точки зрения вербальной стилистики это проявляется в использовании лексики, характерной для окружения авторов материала или адаптированной ими для создания более яркого образа.

Значительно разнообразилось содержание журнальных текстов, которые отличаются высоким уровнем интертекстуальности, обилием цитат, явных и завуалированных намеков и аллюзий, декодировать которые неподготовленному читателю не так-то просто. Сотрудничество с известными в мире культуры личностями, высокий процент визуальной составляющей каждого номера, качественная полиграфия обусловили высокую стоимость журналов. Вместе с тем этот весьма элитарный журналистский продукт имеет широкое распространение и немалые тиражи.

Заключение

Итак, отражение взаимоотношений личности и общества занимает одно из центральных мест в содержании журналов современной культуры. При этом журналами сформирован своеобразный, привлекающий читателей дискурс. Его особенностями являются акцент на ценность индивидуального, внимание к ярким творческим личностям, приобщение читателей к молодежным субкультурам, стимулирование их личной активности, жизнотворчества. Издания разнообразят и усложняют виды связей между людьми, вплоть до участия в создании глобальных субкультур, стремятся к формированию у личности активного отношения к обществу.

Применение опыта журналов современной культуры в белорусском контексте с учетом национальной специфики может содействовать созданию отечественными периодическими изданиями собственного, привлекательного для молодежи дискурса, развитию белорусской журналистики по пути интеграции в мировой контекст, отвечая в то же время вызовам современного белорусского общества.

Баланс между интеллектуальным и вместе с тем актуальным и привлекающим читателя отражением проблем социального и культурного развития общества стал успешной находкой рассматриваемых в данной работе журналов. Не пренебрегая уважением к читательскому уровню интеллектуального развития, эти издания не ударяются в журналистский снобизм – и это, на наш взгляд, именно то, что могло бы эффективно дополнить спектр современной белорусской журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Поварич, П.П.** Британские молодежные журналы современной культуры как тип издания: медиакритический аспект / П.П. Поварич, Л.П. Саенкова // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2008. – № 3. – С. 54-58.
2. **Руднев, Ю.** Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zheltiy-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm. – Дата доступа: 11.03.2010.
3. Ревзина, О.Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25-33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://danefae.org/lib/ogrevzina/jazidis.htm>. – Дата доступа: 11.03.2010.
4. **Хиллер, Б.** Стиль XX века / Б. Хиллер. – Москва: Слово, 2004. – 240 с.
5. **Niall, L.** Postmodern literary theory: an anthology / L. Niall. – London: Wiley-Blackwell, 2000. – 464 с.

Поступила в редакцию 01.03.2010 г.

УДК 811.161.1'42: 81.161.1'221.4

А.Ю. КРОХМАЛЬНИК

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ОТВЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются основные способы языкового выражения ответа взглядом в текстах художественной литературы. Выявляются семантико-стилистические особенности отдельных слов и словосочетаний, выражающих визуальные ответы в различных коммуникативных ситуациях. Определяется синтаксическая структура предложений, репрезентирующих суггестивную функцию взгляда. Анализируется вербализация в текстах благодарности как разновидности ответа взглядом.

Введение

Как известно, ответ служит реакцией на определенное информационное сообщение адресанта, причем каждое конкретное слово может быть объяснено при помощи других слов либо показа предмета, т.е. невербально [1, с. 54]. В процессе общения весьма важны не только словесные ответы коммуникантов, но и их невербальные аналоги, поскольку “мимика и жест иногда играют роль реплики в диалоге” [2, с. 30]. В частности, коммуникативный потенциал жестов как невербальных элементов проявляется в том, что они “могут употребляться в качестве ответа как на речевую, так и на неречевую информацию” [3, с. 52]. Наиболее действенным способом невербально выраженного ответа является реакция, представленная взглядом. В литературных текстах глаза коммуникантов выполняют целый ряд функций: фатическую, магическую, суггестивную, регулятивную и ряд других [4, с. 354].

Самостоятельным видом визуальной коммуникации, представленным в художественных текстах, является ответ взглядом, реализующийся как жест-реакция на вербальное либо невербальное сообщение. К этому же типу относятся визуальная благодарность, поскольку данная характеристика в художественном тексте “выражается второй, ответной репликой и является откликом на конкретное действие или проявление внимания” [5, с. 89]. Расшифровка содержания визуальной реплики оказывается возможной как в широком контексте при описании ситуации, так и в пределах конкретной фразы на основании характеристик взгляда/глаз либо их метафорического “говорения”.

Материалом для данного исследования послужили контексты, содержащие языковые средства выражения ответа взглядом, извлеченные из Национального корпуса русского языка (режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>) и представляющие тексты русской классической литературы второй половины XIX в. Целью работы является определение особенностей языкового выражения визуального ответа в различных коммуникативных ситуациях.

Основная часть

Как свидетельствует собранный материал, ответные визуальные реакции могут быть самыми различными по характеру проявления и способам языкового выражения. Так, в приведенном ниже примере представлено стремление одного из коммуникантов к ответной визуальной реакции, которая, вопреки его ожиданиям, никак не проявляется: *Арина Васильевна <...> напрасно старалась разгадать мысли своего супруга; напрасно устремляла вопрошающие взгляды*

ды маленьких своих каштановых глазок, заплывших жиром, – темно-голубые, открытые и веселые *глаза* Степана Михайловича *ничего не отвечали* (С.Т. Аксаков. Семейная хроника). Очевидно, что коммуникативная ситуация в данном случае не позволяет героине по каким-либо причинам получить важную для нее вербально выраженную информацию, из-за чего она предпочитает “вопросающие взгляды”, направленные на мужа. Очевидно, что в приведенном контексте глаза (а значит, и взгляды) женщины и мужчины явно противопоставляются по признаку “внешняя привлекательность”: с одной стороны, *маленькие, заплывшие жиром каштановые глазки* Арины Васильевны, а с другой – *темно-голубые, открытые и веселые глаза* ее супруга. Можно предположить, что именно эти характеристики, имплицитно указывающие на внутреннюю несовместимость коммуникантов, определяют невозможность визуального ответа. Таким образом, в данном случае имеется в виду нереализованная контактоустанавливающая роль взгляда, так как визуальный ответ “равен нулю”, что представлено формой двойного отрицания *глаза ничего не отвечали*.

Более того, взгляд может выполнять роль психологического инструмента, регулирующего поведение другого человека, который наделяется теми или иными негативными характеристиками. Сравн.: *Этот человек решительно не может смотреть мне прямо в глаза; он бы и очень хотел, но я каждый раз отвечаю ему таким пристальным, то есть непочтительным взглядом, что он как будто конфузится* (Ф.М. Достоевский. Игрок). Как и в предыдущем случае, в данном контексте один из коммуникантов выражает желание установить визуальный контакт, однако ответный взгляд его “собеседника” не пассивен (как ранее), а весьма активен и целенаправлен, на что указывают выразительные негативно коннотированные прилагательные – *пристальный* и *непочтительный*. Попытка установления контакта со стороны потенциального адресанта фактически блокируется с помощью окулесического акта, в чем и проявляется регулирующая роль визуального воздействия. Подобное психологически сложное визуальное общение оформляется при помощи сложноподчиненной конструкции, в главной части которой употреблено местоимение *такой* в роли соотносительного слова, а придаточная часть выражает сильную степень признака: *таким <...> взглядом, что он как будто конфузится*.

Такой же синтаксической конструкцией выражается негативная визуальная ответная реакция, являющаяся следствием принципиального нежелания женщины вступать в общение с незнакомым человеком в публичном месте: *Люди проходили мимо Маргариты Николаевны, какой-то мужчина покосился на хорошо одетую женщину, привлеченный ее красотой и одиночеством. Он кашлянул и присел на кончик той же скамьи, на которой сидела Маргарита Николаевна. Набравшись духу, он заговорил: “Определенно хорошая погода сегодня...”. Но Маргарита так мрачно посмотрела на него, что он поднялся и ушел. (Булгаков. Мастер и Маргарита). Отвергающий взгляд Маргариты, как видим, настолько мрачен и холоден, настолько очевидна его равнозначность негативно маркированному вербальному поведению (например, стилистически сниженной фразе) и даже физическому отталкиванию, что он способен выполнять ярко выраженную суггестивную функцию, заставляя незнакомца не только прекратить попытки продолжить разговор, но и удалиться.*

Сходный визуальный ответ, являющийся средством противодействия, эмоциональной самообороны, представлен в следующем контексте: *Человек дочитал бумагу, сбросил пенсне на черном шнурке, протер утомленные глаза и*

<...> *установка на меня, ничего не говоря. Он прямо и откровенно смотрел мне в глаза, внимательно изучая меня, как изучают новый, только что приобретенный механизм. <...> Наконец я подумал: “Эге-ге...” – и сам, правда, сделав над собою очень большое усилие, установка в ответ в глаза человеку* (М.А. Булгаков. Театральный роман). В данном случае ответная визуальная реакция, выраженная разговорным глаголом *установка* ‘начать смотреть пристально, не сводя глаз’, обусловлена психологическим дискомфортом, который вызван ощущением “объектности” рассматривания. Используя в приведенном контексте слово *установка* для описания как визуального стимула, так и визуальной ответной реакции, автор показывает равноценность, эквивалентность неприятного для коммуникантов невербального общения. Очевидно также, что названный глагол реализует продолжительный во времени взгляд, выполняющий суггестивную функцию. Герой предпринимает значительные усилия для того, чтобы его ответный взгляд имел аналогичное содержание, отражающее сложности общения в ситуации эмоционального напряжения, трудности в подборе слов, в “навыках составлять пропозиции” [6, с. 42].

Коммуникативно значимые взгляды-реакции, являющиеся следствием направленных взглядов-стимулов, представлены в следующем контексте: *Как-то Николай в своей семье, то есть в присутствии двух-трех начальников тайной полиции, двух-трех лейб-фрейлин и лейб-генералов, попробовал свой взгляд на Марье Николаевне. Она похожа на отца, и взгляд ее действительно напоминает его страшный взгляд. Дочь смело вынесла отцовский взор. Он побледнел, щеки задрожали у него, и глаза сделались еще свирепее; тем же взглядом отвечала ему дочь. Все побледнело и задрожало вокруг; лейб-фрейлины и лейб-генералы не смели дохнуть от этого каннибальски-царского поединка глазами* (А.И. Герцен. Былое и думы). Взгляд в приведенном контексте является не только способом психологического воздействия, но и характеристикой императора Николая и его дочери. Визуальное взаимодействие в данном случае можно отнести к обмену взглядами, который выражен при помощи словосочетаний *попробовать* (‘испытать, проверить’) *взгляд*, *вынести* (‘вытерпеть’) *взор*, *отвечать взглядом*, а весь процесс визуальной коммуникации охарактеризован А.И. Герценом как *каннибальски-царский поединок глазами*. В этой авторской характеристике заложены семы жестокости (*каннибальский* ‘людоедский, варварский’), а также воинственности и противостояния (*поединок* ‘борьба двух соперников’). Ответный взгляд, спровоцированный, как и в предыдущем случае, более сильным в психоэмоциональном отношении соперником, выполняет нейтрализующую, защитную функцию, уподобляясь по силе проявления и характеру воздействия взгляду-стимулу. Следует также отметить, что в присутствии посторонних (*двух-трех начальников тайной полиции, двух-трех лейб-фрейлин и лейб-генералов*) выражение негативных эмоций членами царской семьи с помощью визуального “обмена любезностями” является единственно возможным.

Если в предыдущих случаях партнеры по коммуникации находятся в состоянии скрытого или явного противостояния, “визуального поединка”, то в следующем примере ответный взгляд имеет “миролюбиво-профилактическое” содержание, поскольку он реализуется в ситуации эмоциональной расположенности персонажей. Сравн.: *Она подседа к мужу и, дождавшись, что он остался в дураках, сказала ему: “Ну, пышка, довольно! (при слове “пышка” Санин с изумлением глянул на нее, а она весело улыбнулась, отвечая взглядом на его*

взгляд и выказывая все свои ямочки на щеках) – довольно; я вижу, ты спать хочешь (И.С. Тургенев. Вешние воды). Ответной реакцией в данном случае является мимика (улыбка), и причина ее, по всей видимости, состоит в том, что слово *пышка*, использованное как обращение к мужчине, естественное и органичное в ситуации интимного общения супругов, в присутствии третьего лица явно неуместно, на что указывает выраженное мужем недоумение (*при слове “пышка” Санин с изумлением глянул на нее*). Слово *пышка*, адресованное женой мужу, – не только средство смягчения неприятной для мужчины ситуации, но и явный “коммуникативный промах” женщины, ответный “извинительный” взгляд которой констатирован, но не уточнен. Несомненно, этот взгляд был успокаивающим, примиряющим, чему, несомненно, способствовала улыбка, демонстрирующая “ямочки на щеках”.

Особой разновидностью ответного взгляда является взгляд-благодарность – реплика-стимул либо реплика-реакция, выражающая признательность в ответ на расположение и позитивное воздействие. Вообще благодарность довольно часто реализуется “с помощью невербальных средств, преимущественно при помощи окулесических и мимических компонентов” [7, с. 148]. В следующем контексте представлен типичный пример реализации благодарности во взгляде и его выражение соответствующими языковыми средствами: *При сих словах граф приветливо взглянул на меня, а я отблагодарил его также взглядом. Полную мою благодарность изъяснил я ему после за обедом, к которому он пригласил меня и за которым мы пили здоровье будущей четы* (О.М. Сомов. Вывеска). Как видим, ответ взглядом в качестве благодарности используется как форма этикетного поведения, демонстрирующая отношение к собеседнику, оценку его поведения (*граф приветливо взглянул на меня, а я отблагодарил его также взглядом*). Визуальный ответ, таким образом, является непродолжительным во времени и вместе с тем эффективным способом реагирования на взгляд-стимул, который не всегда может быть реализован вербально. Вместе с тем в данном случае содержится также указание на то, что визуально выраженная благодарность была по каким-то причинам *неполной*, поскольку вербальная благодарность в полной (вербально выраженной) форме была реализована позже.

Роль визуальной благодарности, являющейся ответной реакцией на определенный поступок и/или на вербальную реплику-стимул, особенно возрастает в сфере любовных отношений, в частности – в ситуациях знакомства и ухаживания. Сравн.: *“Дайте же веер”, – сказала она. “Жалко отдавать”, – сказал я, подавая ей белый дешевенький веер. “Так вот вам, чтоб вы не жалели”, – сказала она, оторвала перышко от веера и подала мне. Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность* (Л. Толстой. После бала). Употребление в данном контексте выделительно-ограничительной частицы *только* при описании взгляда-благодарности однозначно указывает на исключительную важность и одновременную самодостаточность визуальной коммуникации юноши и девушки, находящихся на балу, в присутствии посторонних.

Не меньшее значение имеет выражение визуальной благодарности в ситуации “любовного треугольника”, когда между мужчиной и женщиной в присутствии “третьего лишнего” происходит интенсивное и понятное только им “договорное” визуальное взаимодействие: *Между мною и ею невольно составлялось тайное соглашение, лига против него. Если б муж был умнее, он должен бы был догадаться о том, что было; но он не был умнее. Я взглядом поблагода-*

рид ее, она улыбкой отвечала мне (А.И. Герцен. Былое и думы). Благодарность во взгляде в приведенном контексте служит проявлением признательности за поведение со стороны женщины и “приглашением” к дальнейшему невербальному взаимодействию.

Заклучение

Таким образом, ответ взглядом, представленный в художественных текстах словосочетаниями *отвечать взглядом* и *благодарить взглядом*, характеризуется рядом особенностей. Большое значение имеют в этом случае визуальные атрибуции, обладающие положительной или негативной оценочностью (*открытые* и *веселые* глаза; *пристальный, непочтительный* взгляд; *свирепый* взгляд). Выражение благодарности во взгляде проявляется при общении людей, которые испытывают друг к другу любовные чувства (например, *благодарить взглядом за любовь, выразить взглядом восторг и благодарность*), в присутствии третьих лиц, а также при переходе диалога в невербальное русло (*отблагодарил взглядом*). Ответные взгляды могут, кроме того, выполнять регулятивную функцию, что в полной мере выражается семантической структурой сложноподчиненного предложения с придаточной частью степени проявления признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Почепцов, Г.Г.** Теория коммуникации [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, – 2001. – 656 с.
2. **Якубинский, Л.П.** О диалогической речи [Текст] / Л.П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17-58
3. **Петрова, Е.А.** Знаки общения. Визуальная психосемиотика [Текст] / Е.А. Петрова. – М.: Гном и Д., 2000. – 254 с.
4. **Крейдлин, Г.Е.** Невербальная семиотика [Текст] / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 581 с.
5. **Троянская, Е.С.** Стиль научной речи [Текст] / Е.С. Троянская. – М., Наука, 1978. – 280 с.
6. **Якобсон, Р.** Язык и бессознательное [Текст] / Р. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996. – 245 с.
7. **Кожевников, Ю.А.** Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник: в 2 т. – Т. 1 [Текст] / Ю.А. Кожевников. – М.: Olma Media Group, 2003. – 915 с.

Поступила в редакцию 23.02.2010 г.

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

ПАРТРЭТ НАВУКОЎЦА І ПЕДАГОГА (да 70-годдзя з дня нараджэння Алены Генадзьеўны Калечыц)

12 сакавіка 2010 г. спаўняецца 70 год з дня нараджэння доктара гістарычных навук, прафесара, галоўнага навуковага супрацоўніка ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі” Алены Генадзьеўны Калечыц. Юбілей, які мае быць, з’яўляецца выдатнай нагодай для таго, каб грунтоўна асэнсаваць галоўную справу жыцця гэтай унікальнай жанчыны.

Алена Генадзьеўна Калечыц больш за 40 гадоў займаецца айчынной археалагічнай наукай. У гісторыі яе навуковых пошукаў можна вылучыць чатыры этапы.

Першы этап – навучанне ў аспірантуры Інстытута гісторыі АН БССР (1967 – 1970 гг.). У студэнцкія гады А.Г. Калечыц прайшла на палявых работах школу мэтраў археалогіі – В.Д. Будзько, Л.В. Грэхавай, А.Н. Рагачова, З.А. Абрамавай, Н.Д. Праслава, што дало маг-

чымасць паступіць у аспірантуру, не маючы гістарычнай адукацыі. Дааспіранцкі перыяд уключаў наступныя адукацыйныя ступені: сярэднюю школу, геаграфічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а таксама працу па спецыяльнасці. Гэтая акалічнасць вызначыла міждyscyплінарны характар навуковых даследаванняў А.Г. Калечыц, якія праводзяцца на стыку археалогіі, геамарфалогіі і эвалюцыйнай геаграфіі. Першы грунтоўны вопыт – праца над дысертацыяй на суісканне вучонай ступені кандыдата геаграфічных навук на тэме “Палеагеаграфія эпохі верхняга палеаліту на тэрыторыі Беларусі і Бранскай вобласці” пад кіраўніцтвам кандыдата геолога-мінералагічных навук Леаніда Мікалаевіча Вазнячука. Леанід Мікалаевіч ніколі не ўваходзіў у штат супрацоўнікаў Інстытута гісторыі АН БССР, але на працягу многіх гадоў быў уцягнуты ў важныя праекты, якімі займаліся навукоўцы інстытута. Будучыню выдатнага вучонага прагназаваў Алена Генадзьеўне не толькі яе навуковы кіраўнік, але і мэтр айчыннага геалагічнага цэха акадэмік Г.І. Гарэцкі.

Пасля заканчэння аспірантуры пачаўся другі этап навуковай біяграфіі А.Г. Калечыц, які склаўся ў галіне палеагеаграфіі і геалогіі.

Пачаткам трэцяга этапу ў даследчыцкім працэсе, больш плённага за папярэдня, можна лічыць сярэдзіну 1970-х гг. У той час у Інстытуце гісторыі АН БССР было мала сапраўдных прафесіяналаў у галіне археалогіі, што не адпавядала задачам, якія стаялі перад гэтай навуковай установай. Адною з такіх задач было грунтоўнае археалагічнае вывучэнне ўсходняй часткі БССР. З па-

чатку 1970-х гг. добра падрыхтаваны спецыяліст у гэтым напрамку В.Д. Будзько ўжо не ўваходзіў у штат супрацоўнікаў інстытута, таму, зразумела, яму трэба было знайсці раўнацэнную замену. Кіраўніцтва Інстытута гісторыі АН БССР не памылілася, палічыўшы, што Алена Генадзьеўна праявіць сябе ў дадзенай сферы на такім жа ўзроўні.

З імем Калечыц быў звязаны прарыў у вывучэнні стаянкі Бердыж. Ніхто з даследчыкаў, ні да А.Г. Калечыц, ні пасля яе, не змог даць грунтоўную стратыграфічную характарыстыку гэтай палеалітычнай стаянцы. Прыкладшы гіганцкія намаганні, гэтая апантаная навуковым пошукам жанчына разгарнула вельмі аб'ёмную работу, якая ахоплівала ўсе без выключэння ўчасткі ўрочышча, у выніку чаго навукоўцам было даказала, што маюць рацыю тыя яе калегі, якія вымяралі Бердыжскую стаянку адным палеалітычным слоём. Пры гэтым Алена Генадзьеўна прадэманстравала майстар-клас у даследаванні даволі складаных працэсаў крыялітагенезу. Менавіта з лёгкай рукі А.Г. Калечыц Бердыжскую стаянку ўжо звыш трэці стагоддзя ў навуковым асяроддзі ўспрымаюць як эталонны разрез у дачыненні да адпаведных працэсаў.

Аўтары артыкула амаль дваццаць гадоў выкладаюць гісторыю Беларусі і, канешне, звяртаюць увагу на тое, што ва ўсіх падручніках даюцца аднолькавыя даты абсалютнага ўзросту для Бердыжскай і Юравіцкай стаянак. Амаль што сорок гадоў назад юбіляр была ў складзе групы беларускіх і расійскіх спецыялістаў, якія вызначылі гэтыя даты.

У першай палове 1980-х гг. палеагеограф А.Г. Калечыц авалодвае праблематыкай палеаліту Падняпроўя на ўзроўні сістэмных рэканструкцый, аб чым сведчыла яе манаграфія “Першапачатковае засяленне тэрыторыі Беларусі”. Юбілярам “з дапамогай дадзеных археалогіі, геамарфалогіі, палеабатанікі, палеанталогіі была распрацавана канцэпцыя першапачатковага засялення тэрыторыі Беларусі, вызначаны час і магчымыя накірункі яе эйкуменізацыі. Была даказана прыярытэтнасць засялення Усходняй Беларусі з поўдня і паўднёвага ўсходу пры захоўванні на працягу ўсяго каменнага веку ўстойлівых узаемасувязей і ўплываў з паўднёва-заходніх рэгіёнаў і Цэнтральнай Еўропы”.

Прынцыпова важна адзначыць, што на момант выхаду ўказанай манаграфіі за Аленай Генадзьеўнай замацавалася рэпутацыя нястомнага працаўніка навукі. Кіраўнікі рабочых груп па складанні абласных зводаў помнікаў гісторыі і культуры ведалі, што гэта унікальная жанчына – адна з галоўных іх апор. Цяжка нават сабе ўявіць, як яна магла грунтоўна працаваць па планавых тэмах і паралельна выкройваць час, каб, па-першае, абследаваць помнікі, пра якія раней ужо было вядома; па-другое, выяўляць новыя помнікі, і не толькі палеаліту; па-трэцяе, аператыўна рыхтаваць публікацыі для кніг серыі “Памяць”. Улічваючы вялікую колькасць такіх публікацый, можна смела сцвярджаць аб значным укладзе юбіляра ў рэгіяналістыку, краязнаўства.

Калечыц пачала займацца вывучэннем пасожскага перыяду каменнага веку ва Усходняй Беларусі, вырашэннем пытанняў, звязаных з мезалітам і неалітам. Вывучэнне мезалітычных паселішчаў у басейнах Сожа і Бесядзі дазволілі А.Г. Калечыц удакладніць мяжу паміж мікра- і макралітычнымі абласцямі і правесці яе не па Іпуці, а па міжрэччы Бесядзі і Покаці.

Алена Генадзьеўна не толькі адкрывала шмат новага ў пасожскім перыядзе, але і стварыла пляцоўку для дзейнасці ў галіне археалогіі тагачасных гомельскіх студэнтаў: В.А. Літвінава, Н.В. Бычкова, В.І. Сычова, В.П. Пічукова, С.Я. Расадына – будучых навукоўцаў-гісторыкаў. Менавіта ў Пасожжы школу

Калечыц праходзілі вядомыя зараз археолагі М.М. Крывальцэвіч, А.А. Макушнікаў.

Чацвёрты этап датуецца 1986 – 2010 гг. Чарнобыльская катастрофа прадвызначыла з’яўленне новых праблемных блокаў у даследчыцкай працы юбіяра. Алену Генадзьеўну ў першую чаргу зацікавіў Мотальскі мікрарэгіён, старажытнасці якога з’яўляюцца тыповымі для заходнепалескага рэгіёна. У гэтым мікрарэгіёне, які размешчаны ў Іванаўскім раёне Брэсцкай вобласці, яна вяла раскопкі амаль 25 гадоў. Вынік раскопак – больш за 100 тысяч адзінак захавання. Безумоўна, такой колькасці дастаткова, каб па строгах навуковых крытэрыях стратыфікаваць помнікі каменнага і бронзавага вякоў дадзенага рэгіёна, што і было пераканаўча зроблена юбілярам.

А.Г. Калечыц узяла і вырашыла пытанне аб больш познім пераходзе насельніцтва Беларусі да вытвараючай гаспадаркі. Ёй даказана, што такі пераход адбываўся адначасова і ў сувязі з агульнаеўрапейскімі працэсамі на захадзе Беларусі, а на яе ўсходзе ўстойлівая раўнавага эксістэм доўгі час стрымлівала гэты працэс.

Разгляд А.Г. Калечыц гістарычных працэсаў у цеснай сувязі з гісторыяй прыроды і праз прызму палеагеаграфічных абагульненняў у рамках праблемы “чалавек – месца пражывання”, абарона ў 1995 г. доктарскай дысертацыі “Экасацыяльныя сістэмы каменнага веку Усходняй Беларусі”, публікацыя манаграфіі “Чалавек і месца пражывання. Усходняя Беларусь. Каменны век” (2003) сталі зыходнай кропкай для развіцця на Беларусі новага навуковага накірунку – “палеаэкалогія чалавека”.

У самым пачатку XXI ст. навукоўца на працягу пяці гадоў канцэнтруецца на вывучэнні свідэрскай культуры, якая адносіцца да фінальнага палеаліту. Пры гэтым ёй ўдалося ажыццявіць культурна-храналагічную ідэнтыфікацыю комплексаў. Аўтар ідэнтыфікацыі абгрунтавана сцвярджае, што помнікаў дадзенай культуры толькі ў межах нашай айчыны існуе не менш за 100. Размова ідзе перш за ўсё пра заходнепалескі, панёманскі рэгіёны. Знаходзяць помнікі свідэрскай культуры ў сваіх краінах палякі, літоўцы, украінцы.

Па сённяшні дзень названая праблемная палі асвойваюцца Аленай Генадзьеўнай. Тэма даследчыцкай працы аддзела археалогіі каменнага і бронзавага вякоў у 2006 – 2010 гг.: *“Матэрыяльная культура насельніцтва тэрыторыі Беларусі ў першабытную і сярэднявекую эпохі (сістэматызацыя, класіфікацыя і інтэрпрэтацыя крыніц)”*.

Важна адзначыць, што названая тэма ўпісваецца і ў планы рэгіянальных улад. Зараз гомельская абласная вертыкаль надае важнае значэнне населенаму пункту Юравічы. Гэты населены пункт уваходзіць у “Залатое кальцо Гомельшчыны”. Адным з ключавых момантаў добраўпарадкавання дадзенага населенага пункта з’яўляецца музефікацыя стаянкі першабытнага чалавека.

У гэтым напрамку цесна супрацоўнічаюць мясцовая вертыкаль і Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Па лініі інстытута ключавую пазіцыю ў супрацоўніцтве займае Алена Генадзьеўна Калечыц. Яна вельмі ўмела кіруе адпаведнымі раскопкамі, якія носяць комплексны характар. Вопытны археолаг аператыўна сістэматызуе знаходкі, якія нагадваюць аб рэаліях часоў верхняга палеаліту. Сярод іх ёсць і тыя, якія можна аднесці да разрады сенсацыйных. Яскравы прыклад таму – галава маманта з біўнямі. Яна захавалася поўнаасцю. Алена Генадзьеўна спадзяецца, што ў калекцыі знаходак неўзабаве будуць рэшткі як мінімум трох мамантаў. Знаходкі мамантаў для нашай айчы-

ны з'яўляюцца унікальнымі.

Доктар гістарычных навук, галоўны навуковы супрацоўнік ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі” Алена Генадзьеўна Калечыц адначасова актыўна займаецца праблемамі першапачатковага засялення Белавежскай пушчы па матэрыялах раскопак шматслойнага паселішча Камянюкі-2 (урочышча Горы) і ставіць пытанне перад уладамі аб перспектывах далейшага выкарыстання дадзенага археалагічнага помніка ў турыстычных мэтах. Трэба спадзявацца, што Брэсцкі аблвыканкам і Камянецкі райвыканкам з усёй сур’ёзнасцю паставяцца да гэтага пытання.

Чацвёрты этап вызначаецца актыўным падключэннем юбіляра да рэдагавання зборнікаў навуковых публікацый, да экспертызы буйных навуковых праектаў. Пад навукавай рэдакцыяй А.Г. Калечыц неаднойчы выходзіла такое выданне, як “Гістарычна-археалагічны зборнік”. Як член савета па абароне доктарскіх дысертацый пры ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі” яна часта здзяйсняла экспертызу дысертацый па археалогіі.

На аналізаваным этапе Алена Генадзьеўна стала ажыццяўляць навуковыя пошукі ў цесным супрацоўніцтве з вышэйшай школай. З 2003 па 2008 г. яна з’яўлялася прафесарам Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Алена Генадзьеўна актыўна ўцягвае ў археалагічныя даследаванні студэнцтва. У 1990-х гг. – пачатку XXI ст. А.Г. Калечыц удзельнічала ў правядзенні археалагічных экспедыцый Брэсцкім дзяржаўным ўніверсітэтам імя А.С. Пушкіна. 24 верасня 2008 г. Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь прысвоіла Алене Генадзьеўне Калечыц вучонае званне прафесара па спецыяльнасці “Гісторыя” (спецыяльнасці 07.00.06 – “Археалогія”, 11.00.04 – “Геамарфалогія і эвалюцыйная геаграфія”). Важна таксама адзначыць, што вучні прафесара пісалі і пішуць дысертацыі па праблемах, акрэсленых ёй.

Навуковы патэнцыял юбіляра, арганізатарскія здольнасці Алены Генадзьеўны прадвызначылі яе відавочны кар’ерны рост за гады працы ў Інстытуце гісторыі НАНБ. У гэтай навукавай установе яна прайшла наступныя службовыя ступені: з 1970 па 1974 г. – малодшы навуковы супрацоўнік; з 1974 па 1996 г. – старшы навуковы супрацоўнік; з 1996 па 2001 г. – вядучы навуковы супрацоўнік; з 2001 па 2007 г. – загадчык аддзела археалогіі каменнага і бронзавага вякоў; з 2007 г. – галоўны навуковы супрацоўнік. Дарэчы, прафесар адзначае ў 2010 г. два юбілеі: 70-ю гадавіну з дня нараджэння і 40-ю гадавіну знаходжання ў складзе супрацоўнікаў Інстытута гісторыі НАНБ.

Такім чынам, А.Г. Калечыц унесла сур’ёзны ўклад у развіццё беларускай археалагічнай навукі. Яе навуковая праца адзначана медалём “За працоўныя заслугі”, граматамі. Вішнюючы Алену Генадзьеўну з юбілеем, ёсць усе падставы спадзявацца, што яна будзе браць новыя вышыні ў навуковых даследаваннях.

М.А. КОРШАК,
М.В. СТРАЛЕЦ

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- СТАРАВОЙТАЎ**
Міхаіл Іванавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік НДС ГДУ імя Ф. Скарыны
- СІДАРЭНКА**
Барыс Ігаравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт ПУА “БІП – Інстытут правазнаўства”
- ДЗМІТРАЧКОЎ**
Пётр Фролавіч – кандыдат гістарычных навук, прафесар МДУ імя А.А. Куляшова
- УСЦІНОВІЧ**
Юрый Фёдаравіч – аспірант кафедры гісторыка-культурнай спадчыны РІВШ
- ГАЎРЫЛАВЕЦ**
Людміла Уладзіміраўна – аспірант кафедры новай і найноўшай гісторыі БДПУ імя М. Танка
- ТАБУНОЎ**
Васіль Васільевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт МДУ імя А.А. Куляшова
- СТАРАСЦЕНКА**
Віктар Уладзіміравіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі МДУ імя А.А. Куляшова
- ВАСОВІЧ**
Сяргей Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта
- КАЦЕНКА**
Алена Віктараўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і замежнай моў Акадэміі МУС РБ
- ШТЭЙНЕР**
Іван Фёдаравіч – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускай літаратуры ГДУ імя Ф. Скарыны
- КАНАВАЛАВА**
Ірына Сяргееўна – аспірант кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова
- БЛІШЧ**
Наталля Леанідаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай літаратуры БДУ
- ГУРТАВАЯ**
Кацярына Аляксандраўна – выкладчык кафедры перыядычнага друку Інстытута журналістыкі БДУ
- ГАЎРЫЛОВІЧ**
Вольга Генадзьеўна – аспірант кафедры беларускай мовы ГДУ імя Ф. Скарыны
- ПАВАРЫЧ**
Паліна Пятроўна – аспірант кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Інстытута журналістыкі БДУ
- КРАХМАЛЬНІК**
Антон Юр’евіч – аспірант кафедры рускага, агульнага і славянскага мовазнаўства ГДУ імя Ф. Скарыны

КОРШАК
Міхаіл Антонавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

СТРАЛЕЦ
Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

SUMMARIES

Blishch N.L. THE IMAGE OF M.A. KUZMIN IN METALITERATURE REFLECTIONS OF A.M. REMIZOV.

The author of the article studies 'Kuzmin's text' in A.M. Remizov's emigrant prose and proves that the image of M. Kuzmin can be interpreted in different ways.

Gavrilovich O.G. PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT PIG IN THE BELORUSSIAN, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: THE COMPARATIVE ANALYSIS.

On the basis of the comparative analysis of phraseological units with the component pig in the Belorussian, Russian and English languages by the semantics the equivalent phraseological units in all three languages or only in two of them (Belorussian and Russian, Belorussian and English) and nonequivalent ones are revealed. According to the semantics, grammar and lexical structure the types of inter-lingual correspondence of the phraseological units are determined.

Gurtovaya E.A. PHOTOJOURNALISM IN THE CONTEXT OF THE HUMANIST LINE OF PHILOSOPHY OF TECHNICS.

The article deals with problems of contemporary photojournalism, which are considered in the context of the humanist line of philosophy of technics. Its original conceptual bases and methodology for analysis of the role of the technics in different areas of human activity are studied. The author offers her own view on the significance of technological factors in photojournalist creativity.

Haurylavets L.W. SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE GERMAN ISSUE IN THE POLISH POLICY OF THE 1950s – 1970s.

The questions of disarmament and recognition of the Polish western frontier by FRG and GDR, as well as normalization of the relations between PPR and FRG received extensive coverage in the works of Soviet historians. However the question of German consolidation, diplomatic steps of Poland during the second Berlin crisis were considered thoroughly in the Soviet historiography. The works on the problem of the Polish-German relations in the period under review published in USSR, idealize the foreign policy of Warsaw and connect all for the tendency in relationship between PPR and FRG exclusively on the revanchist aspirations of the ruling circles of the latter.

Kanavalava I.S. THEMATIC CLASSIFICATION OF BELARUSIAN ANTI-PROVERBS.

In the article the classification of anti-proverbs on the thematic sets is offered. The sets correlate according to the hierarchy of subject themes by the criteria "sort-kind", "general-individual", "part-whole". The author differentiates anti-proverbs into 9 thematic blocks: "The State. Authority. Politics", "Economy. Finances", "Production. Work", "Life of society. Social processes, phenomena", "Person's world. Existence, peculiarities, attitudes", "A person. People. Relations", "The spiritual life", "The World. Categories of life. Abstract categories", "The

beyond". Every block is divided into some thematic sets which, in their turn, are subdivided into subgroups of narrow themes.

Kotenko E.V. REPRESENTATION OF THE CONCEPT "LIE/FRAUD" IN THE LEGAL DISCOURSE.

The article examines the lexical and semantic parameters of the concept "lie/fraud" in an ordinary language and in the legal discourse. In the legal texts the concept "lie/fraud" is represented by 3 lexical and semantic fields: the possession of property by use of fraud; false information dishonoring someone; counterfeiting with the purpose of fraud. The lexical and semantic field "hypocritical behaviour with the aim to deceive" is absent in the legal texts. The concepts kernel is composed of the lexeme "fraud"; the basis is represented by the lexemes "lie, defamation"; there are the lexemes "fraud, perjury, pseudo-business, disinformation; counterfeiting; forgery, concealment, falsification" in the nearest periphery; and the words "failure to report, concealment, defamation" are in the distant one. The lexemes with the meaning "active lie" (fraud, slander, forgery, falsification, deception) are proper for the legal texts.

Krokhmalnik A.Y. LANGUAGE EXPRESSION OF "EYES-ANSWER" IN WORKS OF ART.

The article deals with the problem of the main ways of language expression of so-called "eyes-answer" in the works of art. Semantic and stylistic features of the words and word expression with the meaning of the "eyes-answer" in different communicative situations are shown. The syntactic structure of sentences representing the suggestive function of sight is determined. The verbalization of gratitude as a variety of "eyes-answer" is analyzed.

Povarich P.P. PECULIARITIES OF THE REFLECTION OF THE PROBLEM OF THE PERSONALITY AND SOCIETY IN THE DISCOURSE OF FOREIGN JOURNALS OF MODERN CULTURE.

The article deals with the peculiarities of the interpretation of the problem of interrelation of personality and society in foreign editions of a new type which are defined in West European theory of journalism as 'journals of modern culture'. Communicative-informative approaches of such journals to the investigation of the problem under discussion are analyzed.

Starostenko V.V. RELIGION AND EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF NATIONAL LEGISLATION ON FREEDOM OF CONSCIENCE.

The article deals with religious studies and legal aspect of the problem of the relationship between religion and education in the Republic of Belarus. The notions of secular and religious education are stated. The legislative fundamentals of the separation of state secular system of education from the church and religious (theological) training and education are revealed in the article.

Tabunov V.V. THE POSITION OF THE EPISCOPATE OF THE BELARUSIAN LANDS ON THE ISSUE CONCERNING THE CONVOCA-TION OF THE LOCAL COUNCIL AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY.

The article deals with the position of the episcopate of the Belarusian lands on one of the key issues concerning the Orthodox Church's activities of the early XXth century, i.e. the convocation of the Local Council and solving important questions, such as the election of the patriarch, giving juridical status to parish, relations with other Christian confessions, and etc. In spite of slight differences while solving this problem the representatives of the "black" clergy were unanimous that it was urgent to reform the institute of the Orthodox Church. And the convocation of the Local Council was one of the elements of this transformation.

Shteyner I.F. THE PAST CHANGES UNDER THE INFLUENCE OF THE PRESENT: OLD BELARUSIAN ARTISTIC TRADITION IN A. RIAZANOV'S INTERPRETATION.

The article analyzes theoretical grounds for modern interpretation of classical heritage as well as its reflection in the creative works of A. Riazanov. The process of the recreation of the most significant works of old Belarusian literature using contemporary Belarusian language is demonstrated.

Sidorenko B.I., Dmitrachkov P.F. MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE "RUSSIAN-LITHUANIAN" WARS AT THE END OF THE XVth – THE FIRST THIRD OF THE XVIth CENTURY.

The article is the continuation of the material published in the edition № 1(34), 2009. The authors study the most important works of Russian historians which were published in the XIXth – the beginning of the XXth century. Those works dealt with the problem of the political conflicts between Russia and The Great Duchy of Lithuania.

Starovoytov M.I. THE CHANGES IN URBAN POPULATION OF BELARUSIAN-RUSSIAN-UKRAINIAN FRONTIER (the 1920s – 1930s).

The dynamics of urban population of Belarusian-Russian-Ukrainian frontier, its national structure, the level of literacy and education, national composition of people who were employed in industrial and non-productive sphere of economy are presented in the article for the first time in native historiography. A lot of archival statistic material, the greater part of which is put into scientific use for the first time, is systematized and compiled in tables. The author comes to the conclusions which allow to see anew the ethnic, social and cultural processes in the structure of urban population of the region under consideration and first of all in BSSR.

Ustinovich Y.F. RETENTION OF STATE CASTLES IN THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIth CENTURY.

The system of retention of state fortifications in the Great Duchy of Lithuania functioned effectively till the end of the XVth century. Gradually negative phenomena began to grow and before the middle of the XVIth century the system came to crisis. Due to the analysis of the material the author comes to the conclusion that the authority couldn't find the necessary measures to solve this problem till the end of the XVIth century.

Vosovich S.M. TRANSFORMATION OF EPARCHIAL GOVERNMENT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN BELARUS IN THE 1860s – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.

The article deals with the problem of the appearance of rural dean's congresses and councils, regional school and eparchial congresses of the clergy on the territory of Belarus. The influence of the changes in the eparchial government on the cultural and educational activities of the clergy at the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century is presented in the article.